

ЛОБСАНГ РАМПА

ТРИ ЖИЗНИ

«СОФИЯ» ИД «Гелиос»

Рампа, Лобсанг. Три жизни.

Пер. с англ. И. Алексеева, С. Грабовецкий. — К.: «София»; М.: ИД «Гелиос», 2002. 160 с.

Перед нами новая, долгожданная книга Лобсанга Рампы, в которой «Старый Писатель», используя свои способности к астральным путешествиям, прослеживает по-смертную судьбу трех абсолютно разных по духу и характеру людей.

«Эту книгу *не* следует воспринимать как художественное произведение, ибо она *не* является художественным произведением!

Персонажи этой книги — люди, жившие и умершие в этом мире, и благодаря особым приемам я сумел проследить за их Полетом в Неведомое.

Все, написанное в этой книге о том, что происходит после смерти, является абсолютной истиной. Именно по этой причине я не отношу данную книгу к художественной литературе».

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Предисловие](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Сон старого писателя](#)

[Предисловие](#)

Эту книгу *не* следует воспринимать как художественное произведение, ибо она *не* является художественным произведением!

Я, безусловно, готов согласиться с тем, что некоторые слова этой книги, имеющие отношение к жизни в этом мире, можно назвать «художественной вольностью», но поверьте, что *все* относящееся к жизни с «Другой Стороны», является абсолютной правдой.

Некоторые люди наделены от рождения огромным музыкальным талантом, иные родились с редким талантом художника. Они пишут картины и пленяют мир. Есть же люди, чьим единственным даром является способность к тяжелой работе и неутомимая тяга к учению.

Мне принадлежит совсем немного из материальных благ этого мира — у меня нет ни автомобиля, ни телевизора, ни того, ни другого, ни третьего. И двадцать четыре часа в сутки я прикован к кровати, потому что страдаю параплегией — мои ноги обездвижены. Это дало мне прекрасную возможность развивать в себе таланты и способности, которыми я был наделен от рождения.

Я могу делать все то, о чем пишу в своих книгах, — кроме одного — я - не могу ходить! Я обладаю способностью совершать астральные путешествия. Благодаря занятиям, а также, полагаю, благодаря особенностям своей психики, я могу совершать астральные путешествия в иные планы существования.

Персонажи этой книги — люди, жившие и умершие в этом мире, и благодаря особым приемам я сумел проследить за их «Полетом в Неведомое».

Все, написанное в этой книге о том, что происходит после смерти, является абсолютной истиной. Именно по этой причине я не отношу данную книгу к художественной литературе.

Лобсанг Рампа

Глава 1

«Что это за старый чудак?»

Леониде Мануэль Молигрубер медленно выпрямился и посмотрел в лицо своему собеседнику. «А?» — спросил он.

«Я спрашивал, что это за старый чудак?»

Молигрубер посмотрел на дорогу, туда, где человек в инвалидной коляске, оснащенной электродвигателем, как раз въезжал в дверь дома. «Ах, этот, — ответил Молигрубер, снайперски посылая плевков на ботинок какого-то прохожего. — Этот живет где-то здесь. Пишет книги или что-то вроде того о привидениях и всяких забавных штуковинах, а также он пишет о том, что люди живут, после того как они умерли». Он фыркнул с чувством собственного превосходства и продолжал: «И чтобы вы знали, во всей этой чуши нету ни грамма смысла. Если ты умер, то умер. Так я всегда и говорил. Сначала к тебе приходят попы и говорят, что ты должен прочесть молитву-другую, и если ты все правильно сказал, то попадаешь в Рай, а если нет, то отправляешься в преисподнюю. Затем к тебе является Армия Спасения и устраивает светопреставление, а уж после всего этого такие ребята, как я, должны прийти со своими тачками и убрать все, что они там оставили. Они там орут и лупят в свои бубны, или как там они зовутся, тычут их в носы прохожим, заявляя, что хотят получить деньги за свою работу во славу Божью». Он оглянулся и высморкался на тротуар. Затем он снова обратился к собеседнику: «Бог? Он никогда ничего не делал для меня — никогда. У меня здесь есть мой кусок тротуара, который я должен убирать — мести, мести и мести, а потом я беру две дощечки, цепляю ими всю дрянь, которую смел, и ссыпаю ее в тачку.

Затем подъезжает машина — мы называем это машиной, хотя на деле это маленький грузовик (знаете такие?) — и он поднимает эти тачки и высыпает из них всю эту гадость. И когда тачка пустая, я должен начинать все снова. Это работа, которая никогда не кончается — пашешь день-деньской. Изо дня в день без остановки. Никогда не знаешь, когда мимо будет проезжать человек из Совета на своем большом шикарном «кадиллаке». И если мы в это время не будем махать метлой, ну тогда, я думаю, он пойдет к кому-то там в Совете и оттуда явится кто-то и устроит разгон моему Шефу, а мой Шеф явится сюда и устроит разгон мне. Он всегда говорит, что я не должен беспокоиться о том, чтобы работа была выполнена, — налогоплательщик никогда не будет знать об этом. Но мы должны всегда создавать видимость работы — постоянно гнуть спину».

Молигрубер огляделся по сторонам, легонько взмахнул своей метлой, вытер нос правым рукавом с устрашающим звуком, а затем заявил: «Вот что я еще скажу вам, мистер, никогда Бог не спускался сюда, чтобы подмести за меня улицу, хотя мне спину ломит оттого, что я все время горбачусь, чтобы убрать всю ту грязь, которую оставляют за собой люди. Вы никогда не поверите, что за вещицы я подбираю здесь, на своем участке — колготки, а также все остальное, — такое, что вы никогда бы не поверили, что оно может валяться прямо у вас под ногами. Но как я уже говорил вам, Бог никогда не спускался с небес, чтобы подмести здесь немного за меня, никогда он не подбирал с дороги мусор за меня. Это все делаю я — бедный и честный я. Да, ваш слуга покорный, который не может подыскать себе работенки получше».

Вопрошающий покосился на Молигрубера и сказал: «Какой пессимизм. Бьюсь об заклад, что вы атеист!»

«Атеист? — удивился Молигрубер. — Не, никакой я не атеист. Моя мать была испанка, отец был русский, а я родился в Торонто. Не знаю, почему вы так решили, но я совсем никакой не атеист, и даже не знаю, где находится это место».

Вопрошающий сказал со смехом: «Атеист — это человек, который не верит ни в какую религию, не верит ни во что, кроме того, что существует здесь. Сейчас он находится на земле, затем умирает, И куда он попадает тогда? Об этом не знает никто, но атеист уверен, что, когда он умирает, его тело превращается в мусор, вроде того, что вы убираете. Это и есть атеист!»

Молигрубер одобрительно хмыкнул и ответил: «Во-во, точно. Это я. Теперь я знаю, кто я такой. Я — атеист, и когда ребята, что здесь вместе со мной работают, спросят меня, кто я такой, то я отвечу им, что я... не русский и не испанец, что я — атеист. И тогда они отойдут от меня, смеясь, решив, что у старика Молигрубера уже совсем мозгов не осталось».

Вопрошающий двинулся своей дорогой. «Какой смысл болтать со старым болваном, — подумал он. — Любопытно, насколько все эти дворники — эти «санитары улиц» — как они сами себя величают, при всем своем невежестве являются бесценными источниками информации обо всех жителях района».

Он внезапно остановился и хлопнул себя ладонью по лбу. «Ну не дурень ли я? — сказал человек самому себе. — Я же пытался разузнать побольше о том старике!» И он, развернувшись, зашагал назад к старому Молигруберу, все еще стоявшему в глубокой задумчивости, очевидно стараясь имитировать статую Венеры, невзирая на различие форм, пола и атрибутов. В конце концов, вряд ли стоит позировать с метлой! Человек подошел к нему вплотную и сказал: «Говорите, что работаете здесь и знаете всех людей в округе. А что бы вы сказали насчет этого?» Он показал дворнику пятидолларовую банкноту. «Я хочу знать все о том старике в инвалидной коляске».

Рука Молигрубера молниеносно взметнулась и выхватила пятидолларовую бумажку из пальцев вопрошающего прежде, чем тот понял, что происходит. «Знаю ли я что-то об этом старике в коляске? — спросил он. — Конечно же, я все знаю о нем! Он живет где-то здесь, и он ездит по этой аллее. Сначала он едет прямо, а затем сворачивает направо, туда, где его дом, тот дом, в котором он живет уже два года. Не слишком часто вижу его. У него какое-то заболевание конечностей или чего там... говорят, он долго не протянет. Он пишет книги. Его зовут Рампа, а то, о чем он пишет в своих книгах, полная чепуха — о жизни после смерти. Он не атеист. Но говорят, что многие люди читают всю эту дребедень. Вы можете увидеть все его книги на витрине вон того магазина. Они хорошо продаются. Как это некоторым людям так просто удается делать деньги? Взял и написал несколько строк! А я должен здесь пупок надрывать, махая метлой весь день. Справедливо, а?»

Вопрошающий сказал: «Можете ли вы просто выяснить, где он живет? Вы говорите, что он живет где-то там — в том многоквартирном доме. Но выясните для меня точно — ГДЕ ОН ЖИВЕТ. Вы узнаете номер его квартиры и то, в котором часу он выезжает на прогулку. И я приду завтра, и если услышу все это от вас, то дам вам десять долларов».

Молигрубер задвигал челюстями, снял с головы шляпу и почесал макушку, затем подергал себя за мочки ушей. Его друзья сказали бы, что никогда прежде не замечали за ним таких жестов. Молигрубер делал так лишь тогда, когда думал, а друзья прекрасно знали, что думал он не очень часто. Но он, пожалуй, мог бы немного пораскинуть мозгами, если за такое небольшое дельце ему предлагали десять долларов. Затем он плюнул на землю и сказал: «Что ж, тогда по рукам, мистер. Вы приходите завтра сюда в это же самое время, и я говорю вам номер его квартиры и час, когда он должен будет ее покинуть, если он не отправится на прогулку раньше. У меня есть друг, который знает уборщика из этого дома — они вместе выносят мусор оттуда. Мусор собирают вон в те голубые штуки, видите там? Так что мой друг выяснит все, что может, а если вы подмажете еще немного, то я попытаюсь разнюхать еще всякие интересные вещи для вас».

Вопрошающий вопросительно поднял брови и нервно зашаркал ногами, а затем

спросил: «Ладно, говорите, он выставляет мусор, а не попадают ли в мусоре письма или какие-нибудь записки?»

«О, нет, нет, нет, — решительно возразил Молигрубер. — Я точно знаю это. Только у него одного на этой улице есть такая штукавина, что режет бумагу. Он научился этому еще у себя в Ирландии. Какие-то газетчики нашли его записи и сделали свой бизнес. А этот парень никогда не повторяет одной и той же ошибки два раза. У него есть такая штукавина, которая нарезает бумагу как конфетти, а то, что не превращается в кусочки, выходит из нее в виде лент. Я видел все это в зеленых мешках с мусором. Не смогу найти там для вас ничего интересного, так как старикашка очень осторожен на этот счет. Он не хочет рисковать и не выбрасывает никаких вещей, которые можно было бы прочитать».

«Тогда до завтра, — сказал вопрошающий. — И помните, договор остается в силе. Я буду здесь в это же время и дам вам десять долларов, если вы скажете мне номер его квартиры и время, когда я смогу перехватить его. Желаю удачи!» С этими словами вопрошающий слегка поднял свою руку на прощание и отправился восвояси. Молигрубер некоторое время стоял неподвижно. Настолько неподвижно, что случайный прохожий действительно мог бы принять его за статую. Дворник пытался вычислить, сколько кружек пива он сможет купить за десять долларов. Затем он медленно побрел вперед, лениво помахивая своей метлой, делая вид, что он сметает мусор с тротуара.

Как раз в этот момент человек в черной одежде священника вынырнул из-за угла и чуть не перелетел через молигруберовскую тачку. «Эй, поосторожнее вы, там! — воинственно воскликнул Молигрубер. — Не переверните мой мусор. Я потратил день на то, чтобы убрать и запахнуть его в свою тачку». Пастор стряхнул со своего костюма пылинки, взглянул на Молигрубера и произнес: «Сын мой, ты единственный, кто может помочь мне. Я новичок в этом районе и хочу нанести несколько визитов. Мог ли бы ты рассказать о людях, поселившихся здесь недавно?»

Старик Молигрубер поднес к носу большой палец, зажал одну ноздрю и высморкался от души, чуть-чуть не угодив в ногу священника, на лице которого отразилось изумление и отвращение.

«Нанести визиты? — спросил он. — Я всегда считал, что визиты наносит дьявол. Он навещает нас, а затем мы покрываемся чирьями и прыщами или кто-то выбивает из наших рук кружку с пивом, за которую мы расплатились последним центом. Вот что такое визиты. По крайней мере я так считаю».

Пастер окинул его с ног до головы взглядом, в котором читалось явное неодобрение. «Сын мой, сын мой, — произнес он, — я подозреваю, что ты не был в церкви слишком долго, так как проявляешь удивительное непочтение к духовенству». Старик Молигрубер взглянул священнику прямо в глаза и изрек: «Нет, мистер, я не божий человек. Мне только что сказали, кто я такой. Я — атеист. Вот кто я». При этом он самодовольно ухмыльнулся. Священник, переминаясь с ноги на ногу, смерил его взглядом и сказал: «Но, сын мой, у тебя должна быть какая-то религия. Ты должен верить в Бога. Приди в церковь в воскресенье, и я отправлю службу, посвященную специально тебе — несчастному брату нашему, вынужденному зарабатывать себе на жизнь уборкой мусора».

Молигрубер оперся на свою метлу и самодовольно заявил: «Но вы все равно никогда не сможете убедить меня в том, что Бог есть. Смотрю я на вас и вижу, что у вас есть деньги и зарабатываете вы их тем, что выкрикиваете всякие там слова о том, чего не существует. Вы докажите мне, господин Священник, что Бог действительно существует. Приведите его сюда, и пусть мы пожмем руки друг другу. Никогда Бог ничего не делал для меня». Он сделал паузу, порылся в карманах и вытащил оттуда недокурную сигарету, затем достал спичку, чиркнул ею о ноготь большого пальца и, затянувшись дымом, продолжал: «Моя мать — она была одной из тех дамочек, которые делают это — ну, в общем, вы знаете, о чем я — за деньги. Никогда я так и не узнал того, кто мой отец. Думается мне, что в моем рождении виновата целая куча парней. Так что мне самому

приходилось прокладывать себе дорогу в жизни еще тогда, когда я был два вершка от горшка, и никто не помог мне ни на грамм. Потому не стоит вам из своего большого дома, своего роскошного автомобиля и своей удобной работы читать мне проповеди о Боге. Приходите и поубирайте улицу здесь за меня — и тогда посмотрим, что ваш Бог сделает для вас».

Старик Молигрубер яростно хрюкнул и стал действовать на удивление быстро. Он забросил метлу на тачку, ухватился за ручки и покатил ее по улице чуть ли не бегом. Священник смотрел на удаляющуюся фигуру, и его лицо выражало крайнее удивление. Затем он тряхнул головой и забормотал: «Помилуй Господь, помилуй Господь. Какой безбожник! Куда катится этот мир?»

В тот же день, но несколько позже, Молигрубер встретился с парочкой дворников, или мусорщиков, или уборщиков — зовите их, как вам самим нравится, — из соседних домов. У них было заведено встречаться таким образом и обмениваться животрепещущими новостями. Молигрубер (в некотором роде) был одним из самых информированных людей этого квартала; он знал о передвижениях каждого жителя, знал о том, кто вселяется в квартиру, а кто выселяется из квартиры. И вот, повернувшись к одному из своих дружков, он спросил: «Скажи-ка, что это за парень в инвалидной коляске? Писатель, вроде?»

Уборщики с удивлением поглядели на него, а один из них, расхохотавшись, заявил: «Послушай, старик, не говори мне, что ТЕБЯ интересуют книги. Я всегда считал, что ты выше всей этой чуши. Но если хочешь знать, то этот парень действительно пишет что-то о том, что зовется «танатологией». Сам толком не знаю, что это значит, но слышал краем уха, что это о том, как ты живешь, после того как умер. Все это кажется мне глупым, но так мне сказали. А живет старик в нашем доме».

Молигрубер покрутил сигарету во рту, скосил глаза к носу и произнес: «Бьюсь об заклад, хорошая должна быть у него квартирка. Небось, оборудована всякими там современными штуковинами. Хотелось бы мне увидеть все это своими глазами».

Уборщик улыбнулся и сказал: «О, нет, тут-то ты ошибаешься. Он живет там очень скромно. Не обязательно верить во все то, о чем он пишет, но живет он согласно тому, чему сам учит. Он выглядит достаточно плохо, и я уверен, что скоро сам сможет удостовериться в том, насколько вся его писанина об этой танато... как бишь ее там, окажется правдой».

«А где он живет? Я имею в виду, в какой именно квартире?» — спросил Молигрубер.

Уборщик окинул его испытующим взглядом и произнес: «О, это большая тайна. Люди не должны знать номер его квартиры, но я-то знаю, где он живет. А вот что известно тебе, а?»

Молигрубер ничего не ответил на это, и они возобновили свою бессвязную беседу. Затем он бросил вскользь: «Ты говорил, что квартира у него номер девяносто девять или как там?» Уборщик засмеялся и ответил: «Я знаю, что ты хочешь подловить меня врасплох, ты, старый хитрый пес. Ну ладно, тебе-то я скажу. Номер его квартиры...»

Как раз в этот момент грузовик, забирающий мусор, подъехал вплотную к тротуару и его автоматический подъемник пришел в действие. Пронзительный шум заглушил слова уборщика. Молигрубер умел проявить удивительную находчивость там, где пахло деньгами. Он протянул своему приятелю пустую пачку из-под сигарет и карандаш со словами: «Нарисуй-ка ты мне здесь этот номер. Я никому не стану говорить, кто дал его мне». Уборщик удивился тому интересу, который проявил старый дворник к этому вопросу, но послушно написал номер квартиры и передал пачку назад Молигруберу. Тот взглянул на нее, поднес руку к виску и засунул пачку обратно в карман. «Я уже должен идти. Нужно выкатить парочку этих контейнеров, чтобы их очистили, — сказал собеседник Молигрубера, — скоро увидимся». С этими словами он повернулся и зашагал к мусоропроводу. Старик Молигрубер зашагал своей дорогой.

Вскоре мусоровоз подъехал к молигруберовской тачке, и два мусорщика забросили ее в кузов. «Подсаживайся, старик, — обратился к Молигруберу один из них, очевидно шофер, — мы подбросим тебя до станции». Молигрубер забрался в грузовик. Он ничего не имел против того, что приедет на мусоросборник на пятнадцать минут раньше положенного срока.

«Скажите, ребята, — обратился к своим попутчикам Молигрубер, — не знаете ли вы писателя по имени Рампа, который живет в моем районе?»

«Да, — ответил один из мужчин, — мы вывозим немало мусора из его подъезда. Кажется, он употребляет кучу всяких лекарств. Мы забираем оттуда огромное количество всяческих упаковок, баночек, пузырьков и всякого такого. А сейчас, я гляжу, он начал колотья чем-то. Я видел там иглы, на которых стоял штамп «туберкулин». Не знаю, что это такое, но такой на них штемпель. Мне даже пришлось отговаривать одного уборщика, чтобы тот не доносил в полицию об этом. Кто знает, как старик дошел до такой жизни? Может быть, он действительно ширяется?» Мусорщик замолчал, сосредоточенно разминая сигарету. После паузы он продолжал: «Никогда не доверял людям, которые любят звонить в полицию. Помнится, около года назад, да, да, почти ровно год назад случилась совершенно дикая петрушка. Уборщица нашла на свалке баллон от кислорода, и хотя, понятное дело, баллон был совершенно пустой — даже клапана на нем не было, эта баба позвонила в полицию, затем стала обзванивать все больницы, пока после этой суматохи не выяснилось, что все совершенно законно. В конце концов, люди не пользуются кислородными баллонами, если они не больны, не так, что ли?»

Они одновременно подняли глаза к часам и тут же засуетились. Прошла уже целая минута, после того как они должны были закончить работу. Целую минуту они работали бесплатно! Быстро сорвав с себя рабочие комбинезоны, они переоделись в свои обычные костюмы и бросились к своим автомобилям, чтобы покружить по улицам города от нечего делать.

На следующий день Молигрубер приступил к работе с небольшим опозданием. Когда он зашел на станцию, чтобы взять свою тачку, то услышал, как его окликнул мусорщик из кабины подъезжающего мимо грузовика: «Привет, Моли! Вот здесь кое-что для тебя. Ты все время спрашивал о том парне, так вот что он сочиняет. Можешь прочесть». И с этими словами он бросил Молигруберу книгу в мягкой обложке. Она была озаглавлена «Ты вечен».

«Я верю, — пробормотал себе под нос Молигрубер. — Не нужна мне вся эта чепуха. Когда ты умер, так ты умер. Никто тогда не подойдет ко мне и не скажет: "Привет, Молигрубер, ты очень хорошо вел себя при жизни. Вот трон, который соорудили специально для тебя из пустых мусорных ящиков"». Он повертел книгу в руках, перевернул несколько страниц, а затем засунул ее во внутренний карман своего жакета. «Чем ты там занимаешься, Молигрубер, что ты воруешь?» — раздался хриплый голос, и из-за конторки вышел приземистый толстенный человек. Он протянул свою короткопалую руку к Молигруберу и сказал: «Давай». Молигрубер безмолвно расстегнул верхнюю пуговицу жакета, вытащил из кармана книгу и вложил ее в требовательно протянутую руку. «Хм, — многозначительно произнес директор, или управляющий, или кто-то там еще. — Так вот что тебя интересует, а я то думал, что ты можешь думать только о выпитом пиве и о жалованье».

Молигрубер поднял улыбающееся лицо и взглянул в глаза приземистому человеку, который, несмотря на малый рост, был все же выше Молигрубера. «Ну да, Шеф, — произнес он, — можешь сам прочесть эту книгу и еще целую кучу таких же, а затем скажи мне, есть ли какая-то жизнь после этой. Если я иду по тротуару и вижу рыбью голову, валяющуюся там, я поднимаю ее и бросаю в тачку, и никто мне не говорит, что рыба будет жить еще одну жизнь». Он отвернулся и в сердцах плюнул на пол.

Управляющий повертел в руках книгу, а затем произнес с расстановкой: «Знаешь ли, Молигрубер, существует множество вещей, относящихся к жизни и смерти, которые

мы вообще не понимаем. Моя половина — она настоящая охотница до этих книг. Она прочитала все вещи, которые написал этот парень, — так вот, моя половина утверждает, что все, о чем там говорится, — чистая правда. Моя женушка вроде ясновидящей. С ней произошла парочка подобных случаев. Так вот, когда она начинает говорить об этом, у меня мурашки по коже ползут. Да чего там, всего лишь два дня назад она так напугала меня рассказами о призраках, что я должен был выйти из дому и пропустить стаканчик-другой. И когда я возвращался после этого обратно ночью, то боялся собственной тени. Но мы тут заболтались, приятель. Давай возвращайся побыстрее на свой участок, ты и без того опоздал. Я не стану записывать тебя в журнал в этот раз, так как сам отвлек тебя, но давай двигайся. Одна нога здесь, другая там! Ну, давай!»

Итак, Молигрубер ухватился за свою тачку, удостоверился, что та пуста, ухватил свою метлу, удостоверился, что метла его собственная, и покатил тачку по тротуару навстречу новому дню.

Да, это был нелегкий день. Целая толпа школьников прошлась по улице, оставляя у обочины груды мусора. Старик Молигрубер бормотал под нос проклятия, нагибаясь за бумажками от конфет, за обертками от шоколадок и всей той дрянью, которую оставила после себя эта «стая деточек». Вскоре его маленькая тачка наполнилась до краев. Тогда он остановился на минуту и, опершись на метлу, стал изучать архитектуру ближайших зданий. Устав от этого занятия, он перевел свой взгляд на дорогу. Мимо тащили на тротуаре сломанную машину. Услышав бой часов, Молигрубер передвинул сигарету из одного угла рта в другой и отправился на обед в маленькую будку, стоящую в парке. Он любил обедать там, в стороне от остальных людей, сидящих на траве и оставляющих за собой мусор.

Молигрубер заковылял по дороге, толкая перед собой тачку. Дойдя до будки, он порылся в карманах, достал ключ и, открыв им боковую дверь, вошел вовнутрь. Он отодвинул в сторону свою тачку со вздохом облегчения и присел на ящик из-под цветов — тот самый ящик, в котором когда-то прибыли цветы для парка. Он начал рыться в своем «контейнере для ланча», когда заметил, что на порог упала чья-то тень. Подняв голову, он увидел, что тень принадлежит именно тому человеку, которого он ожидал встретить. Мысль о деньгах сразу согрела его душу.

Человек вошел в будку и присел на ящик. Он сказал: «Итак, я пришел за информацией, которую вы должны были раздобыть для меня». При этом он достал из кармана бумажник и стал перебирать в руках банкноты. Старик Молигрубер угрюмо взглянул на него и произнес: «А кто вы такой, мистер? Мы, дворники, не сообщаем информацию каждому встречному - поперечному. Мы должны точно знать, с кем мы говорим». С этими словами он впился зубами в свой сэндвич, из которого во все стороны брызнул кетчуп и прочие компоненты. Мужчина, рассеявшийся на ящиках, при этом поспешно вскочил и отступил на несколько шагов. Что мог этот человек рассказать о себе? Мог ли он сказать, что каждый должен сам догадаться, что он выходец из Англии и когда-то обучался в Итоне? Правда, он учился в Итоне не более недели, по той причине, что как-то раз в ночной темноте перепутал жену домовладельца с горничной, а это имело весьма печальные последствия. В общем-то его исключили почти при вступлении. Однако в анналах Итона его имя было увековечено. Он любил утверждать, что учился в Итоне, и это было абсолютной правдой!*

* Итонский колледж, одна из самых знаменитых привилегированных школ Англии, был основан Генрихом VI в 1440 году. — *Прим. переводчика.*

«Кто я такой? — переспросил он. — Я всегда считал, что каждому должно быть известно, кто я такой. Я представитель самой престижной издательской фирмы Англии и хочу узнать жизненную историю писателя во всех подробностях. Меня зовут Джарви Бумблекросс».

Старик Молигрубер продолжал бесстрастно жевать свой сэндвич, разбрызгивая

томатную пасту и что-то бормоча себе под нос. В одной руке он зажимал сигарету, в другой руке держал сэндвич. Он поочередно то затягивался сигаретой, то кусал сэндвич. Затем он произнес: «Джарви, говорите? Никогда не слышал такого имени. Не знаю даже почему».

Мужчина на минуту задумался, а затем решил, что ничего страшного не произойдет, если он откроется этому старику. В конце концов, скорее всего, он больше никогда с ним не встретится. Собравшись с духом, он заговорил: «Я происхожу из древнего английского рода, насчитывающего множество поколений. Давным-давно моя прабабка по материнской линии удрала в Лондон с кучером. В те времена кучеров называли «джарви», и потому с тех пор всех отпрысков мужского пола в моей семье стали называть «Джарви» в память об этом прискорбном случае».

Старик Молигрубер сказал, поразмыслив: «Итак, вы хотите написать что-то о жизни того парня? Но я слышал, что о его жизни и так написано предостаточно. Из того, что я слышал, мне показалось, что вы, газетчики, сделали его жизнь совершенно невозможной. А он-то не причинил мне никакого зла». — «А теперь взгляните на это, — с этими словами Молигрубер протянул сэндвич под нос собеседнику, — видите: весь хлеб в типографской краске. Как мне теперь его кушать? Какой смысл покупать газеты, если краска не держится на них, как должна держаться? Никогда не любил вкуса типографской краски!»

С каждой минутой мужчина раздражался все больше. «Не хотите ли вы стать на пути у средств массовой информации? Не знаете ли вы, что журналисты обладают правом идти куда угодно, к кому угодно и задавать какие угодно вопросы? Я проявил большую щедрость, предложив вам деньги за информацию. Но это ваша обязанность: рассказать все, что вам известно, представителю прессы».

Старик Молигрубер ощутил внезапный прилив ярости. Он не мог дольше выносить присутствия этого англичанина-краснобая, возмнившего себя главнее самого Бога. Потому он вскочил и закричал: «Убирайтесь вон, мистер, идите восвояси, катитесь к чертовой бабушке или я брошу вас в тачку и отвезу на свалку, где вами займутся другие ребята». С этими словами он схватил в руки грабли и стал наступать на мужчину, который мгновенно вскочил и стал пятиться, спотыкаясь об ящики. Оступившись, он упал на пол и начал барахтаться между ящиками, но не задержался там надолго. Взглянув на лицо Молигрубера, он подскочил как на пружинах и стал убежать что было сил.

Старик Молигрубер начал медленно собирать разбросанные ящики и деревяшки, раздраженно бормоча себе под нос: «Джарви — кучер — за кого, интересно, он меня принимает, если решил, что я поверю во все эти байки? И если это правда, что его прабабушка, или кто там еще, была замужем за кучером, то как случилось, что этот парень получился таким придурком?» — «Ага, — продолжал он бормотать себе под нос, и его лицо становилось все более мрачным и злым, — это, наверное, потому что он англичанин». Он присел на ящик и полез в свой контейнер за новым сэндвичем, но злость настолько душила Молигрубера, что он не смог продолжить свою трапезу. Затолкав остатки еды назад в контейнер, он отправился в парк, чтобы напиться воды из-под крана.

Он стал прогуливаться по парку, присматриваясь к другим людям. В конце концов, это был его законный перерыв на обед. Вдруг на тропинке показались фигуры двух или трех священников. Они только что вынырнули из-за угла, а до этого их скрывали деревья. «Сын мой, — обратился один из них к Молигруберу, — не мог бы ты подсказать, где находится хм, хм... общественное место для мужчин?» Старик Молигрубер, все еще пребывавший в дурном настроении, ворчливо ответил: «Нет здесь таких мест. Вам следует заскочить в какую-нибудь гостиницу и сказать там, что вам приспичило. Вы, наверное, прибыли сюда из Англии, где они есть на улицах, а у нас их нет на улицах, потому вам следует зайти на заправочную станцию, или в гостиницу, или еще куда-нибудь».

«До чего странно, до чего странно, — сказал один священник другому, — некоторые канадцы явно настроены против нас, англичан». И они заторопились прочь, по

направлению к гостинице, стоящей неподалеку.

Именно в этот момент Молигрубер услышал крики, доносящиеся от маленького озерца, расположенного в центре парка. Заинтересовавшись причиной беспокойства, он повернул и, дойдя до озерца, увидел барахтающуюся в воде маленькую девочку, приблизительно трех лет. Ее голова то показывалась над поверхностью, то скрывалась под водой. Рядом стояла группа зевак, но ни один из них не делал попытки спасти ребенка.

Старик Молигрубер иногда умел двигаться на удивление быстро. И сейчас он это доказал. Он ринулся вперед, сбив с ног какую-то толстуху и закружив как юлу другую женщину, попавшую ему на пути. Молигрубер перемахнул через каменную стену, ограждающую озерцо, и стал брести по неглубокой воде. При этом он поскользнулся на илистом дне и ушел под воду с головой, разбив себе лоб о что-то твердое, но все же он сумел выпрямиться и, подхватив девочку на руки, стал трясти ее, чтобы вся вода вылилась из ее легких и дыхательных путей. Затем со своей ношей он быстро зашагал по скользкому дну, снова перемахнул через каменную стену и очутился на твердой почве. Навстречу ему бросилась женщина, вопя: «Где ее шляпка? Куда девалась ее шляпка? Она была совершенно новой. Вы бы пошли и достали ее».

Молигрубер, не сказав ни слова, ткнул ребенка, с которого стекали потоки воды, в руки матери. Та попыталась отпрянуть назад, испугавшись, что ее платье навсегда будет испорчено. Старик Молигрубер отправился обратно в свою будку. Некоторое время он простоял там неподвижно, наблюдая за тем, как вода стекает с его костюма и, набираясь в ботинки, выливается из них на пол. Но затем он подумал, что у него нет никакой сменной одежды и что костюм вскоре просохнет, если останется на нем. Устало взявшись за ручки тачки, он выкатил ее во двор и запер за собой дверь.

Он поежился, когда с севера налетел холодный ветер. Ведь каждому известно, что ветер, дующий с севера, несет с собой настоящий холод. Старик Молигрубер поежился и зашагал быстрее, в надежде согреться от быстрой ходьбы и таким образом высушить на себе свою одежду.

Вскоре он начал потеть, но его одежда вовсе не собиралась высыхать. Вода сочилась и хлопала в ботинках, и казалось, что это никогда не кончится. Наконец он возвратился на станцию.

Остальные работники, казалось, были удивлены молчаливостью старого Молигрубера. «Что стряслось со стариком», — недоумевали они. «Он выглядит так, словно потерял доллар и нашел цент, — сказал один. — Никогда я еще не видел его таким тихим».

Его старая машина долго не заводилась, и, когда она наконец завелась, оказалось, что он все равно не может ехать на ней, так как задняя шина спустила. Тогда, громко ругаясь, он заглушил мотор и начал менять колесо. Покончив с этим делом, он вновь сел за руль и вновь стал мучительно долго заводить мотор. Добравшись наконец до дома, он почувствовал, что ему надоело все на свете; надоело одиночество, надоело спасать людей, надоела работа. Он быстро сорвал с себя мокрую одежду, растерся насухо полотенцем и забрался под одеяло, даже не позаботившись о том, чтобы поесть.

Ночью он обнаружил, что обильно потеет. Ночь казалась бесконечной, ему было тяжело дышать и казалось, что все тело охватил огонь. Так он и лежал в темноте, тяжело дыша, и решил, что, как только наступит утро, он отправится в аптеку и купит там лекарство от кашля или чего-нибудь еще, лишь бы избавиться от боли в груди.

Утро долго не наступало, но наконец первые лучи солнца проникли сквозь окна комнаты, в которой лежал Молигрубер с горящим от высокой температуры лицом. Он попытался подняться с кровати, но тут же рухнул на пол. Как долго он там пролежал, не знал никто. Когда он очнулся, то увидел двух санитаров, кладущих его на носилки. «Двусторонняя пневмония, вот что с тобой случилось, приятель, — сказал один из них. — Мы отвезем тебя в городскую больницу. С тобой все будет в порядке». — «Есть у тебя родственники? — спросил второй. — Кому мы должны сообщить о тебе?»

Старик Молигрубер устало закрыл глаза и провалился в беспокойный сон. Он не знал, когда его отвезли в приемный покой, он не знал, когда из приемного покоя его перевезли в отделение. Его вкатили в палату и переложили на кровать.

Глава 2

Давай же, смелее. Выпростай свою руку, и ничего плохого с тобой не случится. Смелее, смелее, давай, поехали!» — голос был повелительным, пронзительным и настойчивым. Леониде Мануэль Молигрубер слегка зашевелился, а затем стал с трудом осознавать происходящее. Его руку грубо ухватили и вытащили из-под простыни. «Не понимаю, почему ты оказываешь такое сопротивление, — с раздражением произнес все тот же голос, — мне нужно взять немного крови. Давай же, без глупостей». Старик Молигрубер приоткрыл глаза и осмотрелся по сторонам. Слева от кровати, стояла какая-то женщина и хмуро глядела на него. Он перевел взгляд на корзину из металлических прутьев, стоящую на тумбочке рядом с кроватью. Корзинка напоминала ту, которую носит молочник, только вместо бутылок с молоком в ней находились пробирки, горлышки которых были закрыты кусочками ваты. «Итак, ты возвратился? Что ж, давай займемся этим, а то я теряю свое время с тобой». С этими словами женщина резко закатила рукав его пижамы и обвила вокруг его руки какую-то черную резиновую трубку. Затем, разорвав маленький пакетик, она что-то достала из него и стала энергично растирать кожу руки Молигрубера. Внезапно Молигрубер почувствовал резкую боль и подпрыгнул в постели. «Черт бы подрал, — крикнула женщина, — почему ты не держишь руку как следует? Из-за тебя я проколола вену насквозь». Она вытащила иглу, поправила жгут и вновь загнала иглу под кожу.

Молигрубер изумленно посмотрел вниз и увидел большую пробирку — стеклянную пробирку для анализов, соединенную с иглой трубкой. Пробирка быстро наполнялась кровью. Когда она стала почти полностью красной, женщина отсоединила ее одним ловким движением и заменила новой. Та тоже стала наполняться кровью. Наконец, удовлетворенная количеством собранной крови, женщина выдернула иглу и закрыла горлышко пробирки пластырем. Затем, аккуратно написав на пробирках его имя, она засунула их обратно в свою корзину.

Медицинская сестра перешла к другой кровати, и ее резкий рычащий голос стал терзать нервы другого больного. Молигрубер обвел взглядом палату и обнаружил, что находится в ней вместе с пятью другими пациентами. Затем взгляд заволокла пелена и ему стало тяжело дышать. Некоторое время он ничего не сознавал.

Вскоре до его слуха донесся какой-то грохот. Казалось, что это грохочут тарелки, стоящие на большой тележке, которую толкают по коридору. Медленно и мучительно открыв глаза, он увидел возле двери палаты, как раз напротив своей кровати, какое-то хромированное приспособление, на котором стояли хромированные же контейнеры. Откуда-то появилась нянечка и начала выкладывать на подносы еду. К каждому из подносов была прикреплена табличка с именем пациента.

К нему подошел дежурный санитар и, склонившись над постелью, спросил: «Как вы себя чувствуете?»

Старик Молигрубер проворчал в ответ что-то неразборчивое, так как был почти не в силах говорить, и в его голове пронеслась смутная мысль: «Любой дурак сам может увидеть, как я себя чувствую». Дежурный санитар отстегнул что-то от спинки кровати и сказал: «Вытяните левую руку. Я хочу измерить ваше кровяное давление». Молигрубер ощутил, что его руку что-то сдавило, и увидел, как дежурный санитар вставляет в уши трубки стетоскопа, одновременно сжимая резиновый баллончик правой рукой. Молигрубер снова отключился и пришел в себя лишь позже, когда манжетка была снята с его руки. «Все в порядке, — сказал дежурный санитар. — Я думаю, что скоро здесь

появится доктор Флеботум. Он уже начал обход. Пока!» Дежурный санитар начал ходить по палате, присаживаясь, поочередно, рядом с каждым из пациентов. «Что случилось, приятель, чем плох твой сегодняшний завтрак?» — спросил он у одного из пациентов. Молигрубер увидел, что он обращается к человеку, рядом с которым стоял длинный штатив, к которому была прикреплена бутылочка. От бутылочки отходили трубки. Он произнес слабым голосом: «Что делают этому парню?» — «А, это капельница; из бутылочки по трубке в вену поступает раствор соли. Это необходимо, чтобы оживить его идеи».

Свет вновь померк в глазах Молигрубера, и единственное, что он слышал, — это свое хриплое дыхание, звук которого, казалось, разносился на большое расстояние. Его сон снова прервали. Он почувствовал чью-то руку у себя на шее, а затем понял, что пуговицы на его пижаме кто-то расстегнул. «Что случилось с этим парнем», — услышал он над собой мужской голос и, открыв глаза, увидел человека, в котором невозможно было не узнать врача. Прищурившись, Молигрубер увидел, что на карманчике белого халата этого человека были вышиты слова «Доктор Флеботум».

«Ах, доктор, этого человека доставили по скорой помощи, и санитар сказал, что у него двусторонняя пневмония. Мы ждали вас, когда вы проведете обследование». Доктор нахмурился и сказал: «Ага, так теперь санитары выступают в роли диагностов? Ну что ж, посмотрим, как это у них получается!» Он склонился над Молигрубером и приложил к его груди стетоскоп. Затем, вытащив трубки из ушей, постучал пальцем по груди, прислушиваясь к звуку.

«Я думаю, что следует сделать рентген. В легких, кажется, полно жидкости. Проследите за этим. Хорошо, сестра?» Затем доктор склонился над чем-то, что без сомнения было историей болезни Молигрубера, сделал в ней запись и перешел к следующему пациенту. Молигрубер задремал.

И вновь при звуке голосов Молигрубер открыл глаза. К его кровати подвезли носилки на колесах, и санитар вместе с нянечкой несколько грубовато стали перетаскивать его на край кровати. Носилки уперлись ему в бок. Затем одним ловким движением санитар перебросил его на носилки. «Словно подсек большую рыбу», — пронеслось в голове Молигрубера. На него набросили простыню и быстро повезли по коридору. «Что случилось с тобой, приятель?» — спросил санитар Молигрубера.

«Не знаю, — ответил тот. — Я вошел в холодную воду, а затем не смог просохнуть как следует. А затем мне стало слишком жарко, после чего стало очень холодно. Потом я, наверное, упал. Точно не могу припомнить, так как когда я пришел в себя, то был уже в палате. Слышишь, у меня боль в груди. Собирается ли кто-нибудь помочь мне?»

Санитар свистнул сквозь зубы и сказал: «Ну конечно же, поможем. Обязательно станем тебя лечить. Только вначале мы должны сделать тебе рентгеновский снимок. Как ты думаешь, зачем бы мы всем этим занимались, если бы не хотели помочь тебе?»

Затем раздался какой-то шум и звук удара — носилки остановились у стены. «Вот мы и приехали, — заявил санитар. — Вскоре они выйдут и заберут тебя к себе. Обязательно заберут, как только освободятся. Похоже, что сегодня один из этих сумасшедших деньков. Не знаю, зачем я ввязался во все это! Мог бы выбрать себе работенку поспокойнее!» С этими словами санитар развернулся и побежал назад по коридору со стеклянными стенами. Старик Молигрубер так и остался лежать, где его оставили. Ему показалось, что он провел в ожидании несколько часов. С каждой минутой дыхание становилось все более и более болезненным. Наконец дверь с шумом раскрылась, и в ней появилась фигура санитарки, толкающей носилки, на которых лежала женщина. «Вас заберут обратно в палату, — обратилась к ней санитарка. — Они придут за вами, как только освободятся». Поставив носилки рядом с Молигрубером, санитарка обратила к нему свое лицо. «Вы, я думаю, следующий, — сказала она. — Что с вами стряслось?»

«Не могу дышать. Вот что стряслось со мной», — сказал Молигрубер. Женщина ухватила за ручки носилок и с какой-то, как показалось Молигруберу, излишней силой

резко развернула их и завезла в темную-претемную комнату. Света в комнате не хватало и на то, чтобы увидеть собственную руку, но Молигрубер все же сумел разглядеть, что в кабинете стоят странные приборы с хромированными трубками и множеством проводов. На другом конце комнаты находилось что-то, напоминающее будку кассира в кинотеатре. Женщина подвезла его к какому-то странному столу. Поверхность стола была не прямой, а слегка выгнутой.

«Что случилось с этим человеком?» — раздался голос, и из-за стеклянной ширмы вышла молоденькая девушка.

«У меня здесь история болезни. Подозревают двустороннюю пневмонию. Рентгенограммы грудной клетки. Прямая и боковая». С этими словами санитарка ухватила Молигрубера, и вместе с молоденькой девушкой они перетащили его на хромированный стол с выгнутой поверхностью.

«Вам раньше делали рентген?» — спросила молоденькая девушка.

«Нет, раньше никогда не делали. Не знаю даже, что это такое», — ответил Молигрубер.

«Ладно, мы скоро закончим, — сказала ему девушка. — Лежите на спине и делайте то, что вам скажут. Вот и все, что от вас требуется». Она покрутила какие-то ручки, изменяя положение большой коробки, которая висела над столом на хромированных трубках. Она нажала кнопки, и появился слабый свет. На грудь Молигрубера упал луч в форме буквы «X». Удовлетворенная своей работой, девушка сказала: «А сейчас лежите, не двигаясь. Когда я скажу «дышать», вдохните глубоко и задержите дыхание. Понятно?»

«Да, я понял. Вы скажите мне, когда нужно задержать дыхание», — ответил Молигрубер.

Молоденькая девушка развернулась и удалилась в кабинку, ту самую, которая напомнила Молигруберу кабинку кассира. Через секунду она закричала: «А теперь вдохнуть воздух и держать, держать!» Раздался тихий свист. Затем девушка сказала: «Все, можно дышать!» Она подошла к столу и выдвинула что-то вроде ящика. Молигрубер только мог разглядеть, что она держит в руках большую плоскую металлическую коробку — большую, чем его грудная клетка. Девушка поколдовала над коробкой, затем достала другую и задвинула ее под крышку стола, на котором лежал Молигрубер. Затем она сказала: «А сейчас вы должны перевернуться и лечь лицом вниз». Она вцепилась в него и стала переворачивать, пока не решила, что пациент принял нужную позу. И снова она стала вращать какие-то ручки на черной коробке. И снова на грудь Молигрубера упал луч в форме буквы «X». Удовлетворившись всем сделанным, она снова развернулась и удалилась в кабинку. Через секунду она закричала: «А теперь вдохнуть воздух и держать, держать!» Снова раздался тихий свист. Затем девушка сказала: «Все, можно дышать!» Так повторилось несколько раз, и Молигрубер потерял счет сделанным снимкам. Наконец к нему подошла женщина и сказала: «Я выведу вас из кабинета, вы будете лежать в коридоре, пока мы не проявим снимки и не убедимся, что они получились нормально. Если снимки не получатся, я снова привезу вас сюда. Если же со снимками будет все в порядке, вас отвезут в палату». С этими словами она открыла дверь и просто вытолкнула носилки из кабинета. Молигрубер подумал, что все это напоминает работу стрелочника. Очевидно, люди в больнице испытывают к пациентам не больше чувств, чем машинист к товарным вагонам.

Казалось, прошло долгое время, когда в коридоре появилась, шаркая ногами, маленькая девчушка — лет около четырнадцати. Она хлюпала и сопела носом, словно у нее был сильнейший насморк. Не говоря ни слова, она ухватила за ручки носилок и стала толкать их вдоль коридора. Молигрубер поехал назад в свою палату, сопровождаемый сопящей девчонкой, обеспечивающей движение носилок. Девчонка втолкнула носилки в палату и со словами: «Вот, получайте. Он полностью в вашем распоряжении», — развернулась и зашагала обратно.

Носилки покатались и, стукнувшись о стену, остановились. Никто не обращал

внимания на Молигрубера. Наконец появился санитар и, придвинув носилки Молигрубера к кровати, сказал: «Ну, все в порядке. Врач вновь придет сюда примерно через час. Надеюсь, вы продержитесь».

Молигрубер вновь оказался в своей кровати. Санитар укрыл его простыней до самого подбородка и лениво покотил пустые носилки из палаты.

Через некоторое время в палату влетел другой санитар и притормозил у кровати Молигрубера. «Это вы вытащили вчера ребенка из воды?» — спросил он шепотом, разносящимся по всей палате. «Да, вроде я», — ответил Молигрубер.

«Понятно, так знайте, что здесь находится мать этой девочки, и она настаивает на том, чтобы увидеться с вами. Но мы сказали, что вы не можете ни с кем говорить, так как очень больны. Она — скандалистка». В этот момент из коридора донеслись звуки тяжелых шагов и на пороге появилась мать девочки в сопровождении полицейского. «Это он, он, — злобно закричала женщина, — он украл шляпку моей девочки». Полицейский приблизился к кровати и, глядя в упор на Молигрубера, жестко произнес: «Эта женщина утверждает, что вы сорвали шляпку с головы ее дочери и швырнули ее в воду».

«Но ведь это вранье, — запротестовал старик. — Я вытащил ребенка из воды в то время, когда все остальные просто стояли рядом и глазели, как девочка барахтается в пруду. Сама мать ничего не сделала, чтобы спасти свою дочь. Я не видел никакой шляпки. Что вы думаете, я сделал с ней? Съел, что ли?»

Полицейский обвел взглядом палату, а затем произнес громко: «Так это вы спасли ребенка, когда тот тонул? Значит, вы и есть тот герой, о котором я слышал?»

«Думаю, да», — прозвучало в ответ.

«Так вы же не говорили мне об этом, — обратился полицейский к женщине. — Почему вы ничего не сказали, что он вытащил вашего ребенка из воды? Что же вы за мать, если могли смотреть на то, как тонет ваш ребенок, а затем предъявлять обвинения человеку, спасшему его?» Женщина сначала покраснела, а затем побледнела от злости. Наконец она сдавленным голосом произнесла: «Но кто-то же должен был достать шляпку. Моя дочь осталась без своей шляпки, наверное, он забрал шляпку себе».

Полицейский подумал минуту, а затем сказал: «Я должен пойти на сестринский пост и позвонить начальнику». С этими словами он развернулся и вышел из палаты. Вскоре можно было услышать, как он, стоя невдалеке от лифта, говорил по телефону: «Да, сэр... Нет, сэр... Будет сделано, сэр». Затем он возвратился в палату и сказал женщине: «Мне приказали оштрафовать вас за предъявление ложных обвинений, если вы будете и дальше настаивать на этой несурзаце. Так что вам лучше забыть об этой ерунде. Но если вы не согласны, то можем пройти вместе к начальнику, который настроен против вас весьма решительно». Не говоря ни слова, женщина развернулась и вышла из палаты, почти сразу же за ней последовал и полицейский.

Старик Молигрубер выглядел совершенно изможденным после всех этих разбирательств. Его дыхание стало еще более хриплым, и санитар, вошедший в палату, сразу же нажал на кнопку срочного вызова, едва взглянув на больного. Через минуту в палате появилась старшая сестра отделения и, бросив взгляд на Молигрубера, тут же торопливо выбежала. Слышно было, как она говорит по телефону с дежурным врачом.

Старик Молигрубер снова провалился в забытие. Эти яркие сновидения были прерваны кем-то, расстегивающим пуговицы на его пижаме. «Раздвиньте занавески, сестра. Я хочу получше рассмотреть его грудь», — произнес над ухом Молигрубера мужской голос. Он открыл глаза и увидел, что над ним склонился новый, еще не знакомый ему врач. Тот, в свою очередь увидев, что пациент пришел в себя, сказал: «У вас полно жидкости в легких, полно жидкости в плевральной полости. Мы собираемся отсосать воду из вашей грудной клетки, чтобы вам стало легче дышать». В палату вошла женщина-врач, а за ней появилась медсестра с тележкой и подкатила ее к кровати. Женщина врач спросила: «Можете ли вы сесть?» Но Молигрубер оказался для этого слишком слаб, поэтому они усадили его, подоткнув одеяло под ноги и закрепив что-то вроде

скатанной простыни на спинке кровати. Таким образом он удерживался в сидячем положении.

Женщина-врач стала делать подкожные инъекции в область левой подмышки Молигрубера. Затем, выждав несколько секунд, она резко ткнула его иглой. «Нет, он не чувствует боли. Анестезия уже подействовала», — сказала она, отступая на шаг.

Сестра стала возиться с каким-то большим стеклянным сосудом с носиком на верхушке и с носиком у дна. Она аккуратно закрепила резиновые трубки на оба носика и наложила на них зажимы. Когда она подняла сосуд к свету, Молигрубер увидел, что он наполнен водой. Затем она подвесила сосуд к спинке кровати. После чего отступила в сторону, придерживая трубочку рукой, и Молигрубер увидел, что другая трубочка, выходящая из дна сосуда, опускается в ведро.

Второй врач возился с чем-то, стоя к Молигруберу спиной. Затем, явно удовлетворенный результатами своих манипуляций, он повернулся лицом к кровати, и у Молигрубера потемнело в глазах, когда он увидел огромную иглу или трубку, которую врач держал в руках. «Я собираюсь ввести этот троакар вам между ребер. А затем я собираюсь отсосать из плевральной полости жидкость. Когда мы сделаем все это, то сделаем вам искусственный пневмоторакс. Ваше левое легкое спадется благодаря этой операции. Но вначале мы должны отсосать жидкость. Вам не будет больно... почти», — сказал он. После чего он приблизился к Молигруберу и медленно ввел стальную трубку ему между ребер. Ощущение было ужасным. Старик казалось, что его ребра прогнулись вовнутрь. С каждым ударом его сердце подпрыгивало вверх — прямо к горлу. Первая попытка завершилась неудачей. Доктор сделал прокол в другом месте, но и это ни к чему не привело. Хмурясь все больше, доктор вгонял иглу в новые места. Наконец, после одного из отчаянных уколов, желтая струя хлынула из иглы на пол. «Быстрее, быстрее, сестра, — взволнованно закричал доктор, — подайте мне вон ту трубку!» Затем он натянул трубку на конец иглы. «Кажется, этот троакар совершенно тупой», — заявил он, ощупывая грудь Молигрубера.

Сестра склонилась возле кровати, и вскоре до слуха Молигрубера донеслось журчание воды. Женщина-врач, заметив изумление, написанное на лице старика, улыбнулась и стала объяснять ему: «Мы ввели этот троакар вам в межреберье, и он вошел в плевральный карман, где скопилась жидкость. Убедившись в том, что троакар находится там, где нужно, мы сняли оба зажима с бутылки с водой, которую вы видели. Теперь эта вода — чистая дистиллированная вода — вытесняет жидкость из вашей плевральной полости благодаря разнице в давлении. Очень скоро вы почувствуете себя намного лучше», — заявила она с убежденностью, которую, очевидно, действительно испытывала.

Старик становился все более и более бледным, впрочем, его лицо и раньше не отличалось особым румянцем. «Сестра, подержите вот это!» — сказал врач. Затем отвернулся к столику, позвенел там металлом и стеклом, после чего вновь подошел к пациенту и одним быстрым движением вонзил иглу туда, где, как казалось Молигруберу, находилось его сердце. Вначале он подумал, что вот-вот должна наступить смерть. Но после первого шока Молигрубер почувствовал во всем теле тепло и покалывание, а затем услышал, что сердце стало биться ровнее и сильнее. Легкий румянец возвратился на его лицо. И доктор, явно воспрянув духом, весело спросил: «Ну как, полегчало?»

«Вы считаете, что следует поставить капельницу?» — спросила женщина-врач.

«Да, думаю, капельница не помешает, — ответил ее коллега. — Сестра, принесите нам все необходимое».

Сестра выбежала из палаты и тут же вернулась, катя перед собой что-то напоминающее длинный шест с крюком на конце. На нижнем конце шеста были колесики. Сестра придвинула штатив к правой стороне кровати, а затем закрепила бутылочку на самом верху. Она расправила какие-то резиновые трубки и передала их концы доктору, который осторожно вонзил иглу в правую руку Молигрубера. Сестра убрала зажим с трубки, и Молигрубер испытал странное чувство оттого, что жидкость стала сочиться в

вену. «Ну, а теперь, — сказал доктор, — все будет в порядке. Лежите спокойно». Старик закивал головой, а затем снова провалился в сон. Врач склонился над ним и тихо сказал: «Не нравится мне его вид. Присматривайте за ним, сестра». После этого оба врача вышли из палаты, оставив сестру у изголовья спящего.

Позже, когда день начал клониться к вечеру, сестра разбудила старика и сказала ему: «О, сейчас вы выглядите намного лучше, может быть, перекусите?»

Старик механически закивал головой. Мысль о еде его не вдохновляла, но что было делать, если сестра настаивала? Она поставила поднос на столик рядом с кроватью и стала кормить его из ложечки, приговаривая: «Ешьте, ешьте. Мы слишком много старались, чтобы позволить себе потерять вас». Молигрубер не успевал проглатывать то, что было у него во рту, как сестра запихивала новую порцию.

В этот момент в палату вошел полицейский и, раздвинув занавески, остановился прямо перед кроватью Молигрубера. «Я удерживаю газетчиков подальше от вас, — заявил он. — Похоже, они собираются взять больницу штурмом. Они хотят, чтобы завтрашние газеты пестрели заголовками вроде: «Мусорщик спасает ребенка», а мы объясняем им, что вы слишком больны, чтобы говорить сейчас с кем-либо. Но может, вы все же хотите встретиться с журналистами?»

Старик отрицательно покачал головой со всей энергией, на какую был способен. «Нет, нет, — заговорил он, — неужели они не могут оставить в покое старика перед смертью?»

Полицейский со смехом ответил: «Ну, ну, в вас еще полно сил. Скоро вы снова возьметесь за свою тачку и метлу и отправитесь убирать мусор за всеми этими людишками. Но пока мы будем держать прессу подальше от вас. Мы пригрозим газетчикам, что примем против них меры, если они проберутся сюда, когда вы еще так слабы». С этими словами он покинул палату, а сестра возобновила процесс кормления. Так что еда, казалось, вот-вот полезет из ушей старика Молигрубера.

Приблизительно через час в палату вернулся доктор. Вначале он осмотрел Молигрубера, а затем склонился и стал изучать бутылочку, стоящую под койкой. «Ага, — воскликнул он, — похоже, вся жидкость вышла из этого кармана. А сейчас мы накачаем туда немного воздуха, чтобы легкое спалось». Затем он пустился в разъяснения: «Видите ли, мы закачиваем воздух в плевральную полость, с тем, чтобы он сдавил легкое. Некоторое время вы не сможете дышать им, и оно немного отдохнет. Я также предпишу вам кислород». Затем он высунул голову из-за занавески и крикнул: «Эй там, ребята! Прекратите курить! Нельзя курить, когда устанавливают кислородную палатку!» Тут же раздались гневные возражения со стороны других пациентов. Один сказал: «Почему мы должны отказаться от удовольствия, только из-за этого старикашки? Что он для нас сделал такое?» И мужчина демонстративно закурил новую сигарету.

Доктор отправился на сестринский пост и стал звонить куда-то по телефону. Вскоре появился санитар, и Молигрубера медленно повезли в индивидуальную палату вместе с капельницей. «Хорошо, — сказал врач, — теперь мы можем обеспечить вас кислородом, не рискуя вызвать пожар в больнице. Все будет в порядке».

Вскоре кислородная палатка была установлена, трубка, по которой подавался кислород, была присоединена к специальному крану, выходящему из стены, и Молигрубер, вдыхая кислород, почувствовал себя намного лучше. «Вы будете дышать кислородом всю ночь, — сказал доктор, — а к утру почувствуете себя совершенно новым». И с этими словами он покинул палату.

И снова старик забылся сном, но на этот раз более спокойным. Но вечером в палату пришел еще один врач, которого Молигрубер никогда раньше не видел. Он внимательно обследовал старика, а затем заявил: «Я собираюсь извлечь троакар, думаю, вся жидкость, скопившаяся в этом месте, уже дренирована. Приблизительно через час вам сделают еще один рентгеновский снимок, а затем мы решим, как поступить с вами в дальнейшем». Он развернулся и вышел, но затем вновь появился в дверях и спросил: «Нет ли у вас

родственников? Кому следует сообщить о вас?»

Молигрубер ответил: «Нет, у меня нету никого. Я один во всем мире. Но надеюсь, что с моей старой тачкой ничего не случится».

Врач со смехом сказал: «О, да, с вашей тачкой все в порядке. Ваши коллеги позаботились, чтобы ее отвезли на так называемую «станцию». Так что ваша тачка в полной безопасности, а нам остается заботиться только о вас. Постарайтесь поспать». Прежде чем врач вышел за дверь, Молигрубер вновь заснул. Ему снились раздраженные матери, требующие, чтобы он возвратил шляпки их дочерям, ему снились неистовые репортеры, толпящиеся у его кровати. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что санитар отсоединил его капельницу и готовится к тому, чтобы вновь повезти его на рентген.

«Можно ли мне войти? Я священник», — раздался невдалеке меланхолический голос. Молигрубер открыл глаза и с удивлением уставился на фигуру, появившуюся перед ним. У кровати стоял очень высокий, худой человек, облаченный во все черное, если не считать белого воротничка, обтягивающего шею под самым адамовым яблоком, которое энергично ходило вверх и вниз, словно собираясь сорваться с этого тощего горла. Лицо было бледным с ввалившимися щеками и крупным красным носом. Священник присел рядом с кроватью Молигрубера и, внимательно глядя прямо ему в глаза, сказал: «Я священник и изучаю здесь психологию. Таким образом, я могу помогать больным, лежащим в этой больнице. Я учился в Мэритемезе». Молигрубер нахмурился и произнес: «А я учился в Гэлгэри — на городской свалке».

Священник взглянул на него и сказал самым серьезным тоном: «Я невыразимо расстроился, узнав, что в учетной карточке не значится ваша принадлежность ни к одной религии. Я пришел, чтобы принести вам Слово Божье».

Старик нахмурился еще больше. «Слово Божье? — сказал он. — Почему вы считаете, что я расположен слушать всяческую болтовню о Боге. Что сделал для меня Бог? Я рос сиротой». Все это он произнес с видом крайнего раздражения, не желая разбираться в том, насколько логично звучали его слова. «Моя мать ничего не хотела для меня делать, а мой отец мог быть любым из сотни мужчин, которых она в то время знала. Я должен был заботиться сам о себе с тех пор, как себя помню. В детстве меня научили молиться, и я молился. Но это мне ничего не дало. Наконец я получил работу мусорщика на городской свалке».

Священник опустил глаза, покрутил пальцами в воздухе, а затем произнес: «Вы находитесь сейчас в очень опасном положении из-за вашей болезни. Готовы ли вы встретиться со своим Создателем?»

Молигрубер посмотрел прямо в глаза сидящему рядом с ним человеку и ответил со злостью в голосе: «Откуда я могу знать, кто создал меня? Я же объяснил вам, им мог быть любой из сотни мужчин. Не думаете ли вы, что Бог спустился на землю, чтобы вылепить меня из теста?»

Священник казался шокированным и оскорбленным. Когда он, наконец, ответил, голос его звучал еще более меланхолично: «Вы насмехаетесь над Богом, брат мой. Вы должны подготовиться к встрече со своим Создателем, со своим Богом, так как, возможно, в скором времени, вам предстоит явиться на Его Суд. Готовы ли вы к этому?»

Молигрубер воинственно воскликнул: «Действительно ли вы верите во всю эту чушь об иной жизни?»

«Конечно же, верю, конечно же, верю, — сказал священник. — Это написано в Библии, и каждому известно, что следует верить всему, что написано в Библии».

На это старик ответил: «А я не верю. В юности я немного читал, собственно говоря, я даже ходил в Библейскую Школу, и тогда я понял, что все это чистейшей воды вранье. Когда ты умер, то умер, — вот что я всегда говорю. Когда человек умирает, его закапывают, а потом, если у него есть родственники (лично у меня их нет), они являются на могилу с цветами и бросают их сверху на кучу земли, под которой лежит умерший. Вам не удастся убедить меня в том, что существует еще и другая жизнь, после этой. Как

по мне, то и эта жизнь не особенно-то нужна!»

Священник в возбуждении вскочил на ноги и стал расхаживать взад и вперед по палате, взад и вперед, пока у старика Молигрубера не закружилась голова от вида этой развевающейся черной рясы, подобной крыльям ангела смерти.

«Однажды я стал листать книжицу, которую написал парень, живущий в моем районе. Его зовут Рампой, и он тоже пишет всякую чепуху о жизни после смерти. Каждому ясно, что все это ерунда. Когда ты умер — то умер, и чем дольше ты лежишь, тем сильнее от тебя воняет. Мне приходилось подбирать нескольких покойников — пьянь всякую. Так вот через некоторое время к ним невозможно было подойти — так от них несло».

Священник тяжело опустился на стул, медленно покачал указательным пальцем перед лицом Молигрубера и, выдержав паузу, произнес со сдерживаемой злостью: «Вы пострадаете из-за этого, друг мой, вы пострадаете. Вы упоминаете всуе имя Божье, вы насмехаетесь над Священным Писанием. Не сомневайтесь, Бог обрушит всю ярость на вас!»

Молигрубер беззвучно подвигал челюстями несколько секунд, а затем сказал: «Как это получается, что ваш брат все время разглагольствует о Добром Боженке, Отце Небесном, любящем всех своих чад, проявляющем терпимость и безграничное сострадание, а в следующую минуту вы грозите, что этот же Бог станет мстить нам? И вот что еще мне не ясно, мистер: в вашей книжке сказано, что если вы не примете Бога в сердце свое, то отправитесь в ад. Я не верю в ад также, но если допустить, что все это правда, то что произошло со всеми теми людьми, которые жили до того, как появился именно ваш Бог, тот Бог, о котором говорится в вашей религии? Что вы на это скажете. А?»

Священник вновь поднялся на ноги. Его голос дрожал от злости, лицо залилось краской. Потрясая поднятым кулаком, он сказал: «Послушайте, дорогой мой, я не привык говорить с людьми, подобными вам. Если вы не примете Слова Божьего, вас поразит смерть». Он приблизился к койке, и Молигруберу показалось, что человек в черном собирается ударить его. Потому, с отчаянным усилием, Молигрубер присел на кровати. Острая боль пронзила его грудь. Молигруберу показалось, что ребра сломались. Его лицо посинело, и он упал на постель, издав какой-то всхлипывающий звук. Глаза оставались полуоткрытыми.

Священник побледнел и, бросившись к двери, закричал: «Быстрее, быстрее идите сюда. Человек умер. Он скончался в тот момент, когда я говорил, что Бог обрушит на него кару за его безбожье». После этого он бросился по коридору и влетел в открытую кабину лифта. Ничего не видя перед собой, он умудрился нажать на кнопку со стрелкой, указывающей вниз.

Сестра, высунув голову из-за угла, громко сказала: «Что это нашло на старую перечницу? Это пугало может довести до инфаркта любого человека. С кем это он только что говорил?» Санитар, появившийся из-за другого угла, отвечал: «Не знаю точно. Возможно, с Молигрубером. Надо пойти и проверить, все ли с ним в порядке». Оба они направились в отдельную палату, где и нашли Молигрубера, все еще сжимающего свою грудь руками. Веки были полуоткрыты, нижняя челюсть свисала. Сестра бросилась к кнопке срочного вызова и надавила ее несколько раз, используя особый код. Вскоре по интеркому раздался приказ: доктору Такому-то срочно явиться в индивидуальную палату.

«Я думаю, что нам самим следует попытаться привести его в чувства, а то доктор будет слишком суетиться, — сказала сестра. — Ах, вот и доктор!» Врач вошел в маленькую палату и тут же затараторил: «Боже мой, боже мой, что случилось с этим человеком! Вы только взгляните на выражение его лица! А я-то надеялся, что мы сможем поставить его на ноги через несколько дней!» Он бросился к кровати, одновременно вытягивая стетоскоп и вставляя трубки себе в уши. Затем, расстегнув пуговицы на пижаме больного, он приложил раструб стетоскопа к его груди. Правая рука доктора стала

нащупывать несуществующий молигруберовский пульс. «Все, он умер, он умер. Я пойду в ординаторскую и приготовлю свидетельство о смерти. А вы, сестра, пока отвезите тело в морг. Нам нужно поскорее освободить эту койку. У нас такой наплыв пациентов сегодня!» С этими словами он вытащил трубки из ушей, сделал отметку в истории болезни Молигрубера и вышел из палаты.

Сестра и санитар сняли одеяло, которым был укрыт Молигрубер, подвязали штанины пижамы и застегнули пуговицы на его груди. Сестра велела санитару привезти носилки, и скоро тот появился с теми же самыми носилками, на которых Молигрубер путешествовал в рентгеновский кабинет. Затем сестра и санитар подняли верхний щит носилок, под которым оказалась вторая полка. Вот на эту полку они и положили молигруберовское тело и тщательно закрепили его специальными ремешками (так как ронять мертвецов на пол в больнице считалось дурной приметой). Затем они накрыли носилки простыней, так что мертвое тело стало совершенно незаметным для посторонних глаз.

Санитар захихикал и произнес: «Не случится ли с каким-нибудь посетителем припадок, если он узнает, что на этих вроде бы пустых носилках лежит мертвец?» С этими словами он вытолкнул носилки в коридор и направился, посвистывая, по направлению к лифту. В лифте он нажал кнопку с надписью «Подвал» и поехал вниз, останавливаясь чуть ли не на каждом этаже, чтобы впустить или выпустить попутчиков. Наконец кабина лифта опустела, и он доехал до подвала в полном одиночестве. Там он снова покатил носилки по длинному коридору, постучал в какую-то дверь и сказал открывшему: «Вот и еще один для вас. Только что умер у себя в палате. Не думаю, что будет вскрытие. Просто подготовьте тело как положено».

«Какие-нибудь родственники?» — спросил работник морга.»

«Родственников нет, — ответил санитар. — Наверное, похоронят за счет городских властей, так как он был уборщиком улиц. Но скорее всего в безымянной могиле — ведь наши власти очень прижимисты». Закончив тираду, он помог работнику морга перенести тело с носилок на стол. Прихватив простыню, прикрывавшую тело, санитар удалился, весело насвистывая все ту же мелодию.

Глава 3

Но что же случилось с Леонидсом Мануэлем Молигрубером? Исчез ли он, как внезапно исчезает свет, когда щелкают выключателем? Или как огонек задутой спички? Нет, совсем не так!

Когда Молигрубер лежал на больничной койке и чувствовал себя готовым умереть, его очень расстроил священник. Он думал о том, насколько поведение священника не соответствует его сану. Он видел, как заливалось краской его лицо, когда тот ничего не мог сказать из-за давившей его злости. Наконец, глядя на священника снизу вверх, Молигрубер прекрасно мог увидеть, что тот вот-вот бросится на него и начнет душить — вот почему старик поспешил сесть на кровати.

Для этого ему потребовалось затратить весь остаток собственных сил, и он сделал настолько глубокий вдох, насколько позволяло ему его состояние. Тут же он ощутил страшную боль, пронзившую грудь. Его сердце заработало как мотор автомобиля с педалью «газа», вдавленной до самого пола, в то время как сцепление было отключено. Его сердце забилося и остановилось.

Старик ощутил приступ мгновенной паники. «Что произойдет сейчас? Каков будет конец? Сейчас мою жизнь задует как огонь свечи». Точь-в-точь как огонь тех свечей, которые он сам любил задувать дома в детстве. В том единственном доме, который он знал сиротой. Паника была ужасной. Огонь обжег каждый его нерв. Он ощущал, что его выворачивает наизнанку. Так, должно быть, должен чувствовать себя кролик — если, конечно, мертвый кролик может что-либо чувствовать, — когда, с него снимают шкурку

перед тем, как бросить в жаровню.

Вдруг произошло сильнейшее землетрясение, или, по крайней мере, Молигруберу показалось, что оно произошло, и все закружилось перед его глазами. Казалось, что весь мир соткан из ослепительных частиц, которые носились вокруг. Затем ему почудилось, что кто-то ухватил его и пропустил сквозь мясорубку или каток для белья. Ощущение было слишком ужасным, чтобы пытаться передать его словами.

Все вокруг потемнело. Стены палаты или «нечто иное», казалось, сомкнулись вокруг него. Ему казалось, что он затиснут в середине липкой, склизкой резиновой трубки и пытается выбраться оттуда на волю.

Все стало еще темнее, еще чернее. Казалось, он попал в узкую, длинную и бесконечно черную трубу. Но наконец где-то вдалеке появился свет. Но был ли это свет? Он казался каким-то красным, переходящим в оранжевый и напоминал по цвету флуоресцирующий жилет, который Молигрубер надевал, убирая улицы. Лихорадочно Молигрубер стал протискиваться из трубы навстречу свободе — вперед, дюйм за дюймом. Он попытался вдохнуть, но обнаружил, что не может сделать этого. Он прислушался к своему сердцу, но не услышал сердцебиения. В ушах стоял постоянный шум — словно дул сильный ветер. Затем, когда ему казалось, что он остановился, какая-то сила сама по себе постепенно стала выталкивать его из трубы. Наконец он достиг конца трубы и застрял там на некоторое время. Затем раздался мощный хлопок, и он вылетел из трубы, словно горошина из детского воздушного пистолета. Он стал вращаться, пытаясь увидеть, что творится вокруг. Но там ничего не было. Не было ни красного, ни оранжевого света, не было даже темноты. Не было НИЧЕГО!

Испугавшись этого странного состояния, он начал двигать руками, пытаясь нащупать хоть что-то, но ему ничего не попало. Казалось, что у него просто не было рук. Снова его охватила паника, он попытался оттолкнуться ногами и стал отчаянно размахивать ими. Но снова-таки ноги ни к чему не прикасались. Он их не чувствовал, так, словно их не было вообще. Тогда он попытался ощупать руками собственное тело, но насколько он мог понять, у него не было ни рук, ни пальцев, ни самого тела. Он просто «был», вот и все. Ему на ум пришел отрывок когда-то услышанного разговора. Там речь шла о бесплотном духе, лишенном формы, лишенном очертаний, но существующем как-то и где-то. Казалось, что он куда-то стремительно уносится, но в то же время он оставался совершенно неподвижен. Он ощутил странное давление, а затем ему показалось, что он попал в смолу — горячую смолу.

Где-то на краю памяти возникла картина: он, совсем еще маленький мальчик, наблюдает за тем, как какие-то люди смолят дорогу. Один из мужчин, возможно, слепой, а возможно, просто желая поразвлечься, перевернул тачку, на которой стоял бочонок со смолой, и облил мальчика с головы до ног. Маленький Молигрубер так и остался стоять, не в силах даже пошевелиться. Такое же чувство возникло у него и сейчас. Он ощутил жар, невыносимый жар, затем похолодел от испуга, а после вновь ощутил жар. Все это сопровождалось чувством движения, которое не было движением вовсе — так как он оставался неподвижным. «Неподвижен, как мертвый», — подумал он.

Время шло, а может и нет? Этого он не знал, так как все время находился здесь, в самом сердце *ничего*. Ничего не было вокруг него, ничего не было у него — ни рук, ни ног, оставалось, наверное, лишь тело, иначе как бы он мог существовать вообще? Но без рук он не был в состоянии ощутить и тело. Он вглядывался в окружающее, напрягая зрение, но не видел ничего. Вокруг него не было даже темно. Это был вовсе не мрак. Это было *ничто*. И снова какая-то путающая мысль пронеслась в его сознании. Мысль относилась к тем глубочайшим сферам космоса, где существует лишь *ничто*. Он как-то лениво подумал, откуда возникла у него эта мысль, но больше ничего не приходило на ум.

Он существовал один в пустоте. Здесь не было ничего такого, что можно было бы разглядеть, ничего такого, что можно было бы пощупать. Но даже если бы и существовало что-то, что можно было бы пощупать, это не помогло бы ему, так как щупать ему было

нечем.

Время тянулось медленно... Тянулось ли оно вообще? У него не было представления о том, как долго он здесь пробыл. Время не имело смысла. Ничто больше не имело смысла. Он был просто «там», где бы это «там» ни находилось. Он болтался в пустоте, словно муха, попавшая в сеть паука, но он не чувствовал себя мухой, так как у мухи хотя бы была паутина, на которой та могла висеть. У него же не было ничего. Старик Молигрубер попался в *ничто*, и это *ничто* низвело его до состояния *ничего*. Его разум, или то, что было у него вместо разума, бешено работал. Он бы упал в обморок, подумал он, но вокруг не было ничего, куда бы можно было упасть в обморок.

Он просто «был» чем-то или даже ничем, окруженным пустотой. Его разум или сознание, или что-то иное, что у него оставалось, пыталось формулировать мысли, пыталось создать что-то из страшной пустоты, окружающей его. Ему явилась мысль: «Я — ничто, существующее посреди ничего».

Внезапно на ум ему взбрела странная мысль — словно спичка, зажженная в безлунную ночь. Как-то раз его попросили сделать дополнительную работу — какой-то мужчина пожелал расчистить свой гараж. Старик Молигрубер отправился туда, осмотрелся вокруг, нашел маленькую тачку и несколько садовых инструментов, после чего он открыл дверь гаража ключом, который дал ему хозяин. Когда дверь распахнулась, Молигрубер увидел, что гараж забит самой причудливой коллекцией барахла, которую он когда-либо видел. Перед ним лежал диван с пружинами, торчащими в разные стороны, кресло с двумя отломанными ножками и тучей моли, копошащейся под обивкой. На стене висела рама, а в раме — велосипедное колесо. Тут же валялись шины — шины для снега и какие-то дырявые шины. Дальше лежали бесполезные ржавые инструменты. Там были и такие вещи, которые могли быть собраны лишь самым бережливым человеком, — керосиновая лампа с треснутым абажуром, венецианские жалюзи, а в дальнем углу стоял деревянный манекен, такие манекены обычно используют портнихи, когда шьют женские платья. Он выгреб все это, отвез на улицу и оставил рядом с мусорным ящиком. Затем он снова возвратился в гараж.

Под старым кухонным столиком находилась облупившаяся ванночка, возбуждавшая его любопытство. Молигрубер потянул ее на себя, но та не двигалась. Тогда он решил, что вначале должен поднять стол. Он потянул стол на себя, и оттуда выпал средний ящик. В ящике оказалось несколько монет. «Ладно, — подумал Молигрубер, — жалко выбрасывать их, я смогу купить на них бутерброд с сосиской». И он засунул монеты в карман. Продолжая исследовать содержимое ящика, Молигрубер обнаружил конверт, набитый бумажными деньгами различных стран. «Ладно, — подумал он, — я смогу показать их там, где меняют валюту, авось что-нибудь мне пригодится». И он снова принялся за работу. Подняв опустевший столик, он увидел, что ванна накрыта прогнившим холстом, под которым лежала поломанная табуретка. Он извлек все это наружу, после чего ему удалось подтянуть ванну к центру гаража.

Ванна оказалась набита книгами. Некоторые книги имели очень странный вид. Но Молигруберу некогда было разглядывать их. Он свалил их в одну кучу. На дне оказалось несколько книг в мягких обложках. Несколько из них привлекли его внимание. Рампа. Книги были написаны Рампой. Молигрубер лениво перелистал парочку из них. «Ага, — сказал он про себя, — этот парень, должно быть, большой чудак. Он верит в вечную жизнь. Хм!» Он бросил книжки на кучу и вытащил еще парочку книг того же автора. «Этот парень написал уйму книг», — подумал Молигрубер. Мусорщика настолько поразило само количество, что он стал пересчитывать все книги Рампы. Некоторые книги были безнадежно испорчены, из-за того, что на них перевернулся пузырек с чернилами. Одна книга была в чудесном кожаном переплете. Молигрубер издал вздох сожаления, вертя ее в руках, — чернило въелось глубоко в кожаный переплет. «Какая жалость, — подумал он, — я бы смог выручить несколько баксов только за переплет, будь он цел». Но стоит ли плакать над разбитым корытом? И Молигрубер отшвырнул книгу в кучу к

другим.

На самом дне ванночки, в гордом одиночестве, покоилась еще одна книга. Она была защищена от чернил, защищена от грязи, защищена от пыли прочной пластиковой обложкой. Молигрубер нагнулся и снял обложку. На переплете красовалось название «Ты вечен». Что-то заставило его начать перелистывать эту книгу. В ней оказались иллюстрации. Повинуясь какому-то странному чувству, Молигрубер засунул книгу в карман и снова принялся за работу.

Сейчас же, находясь в этом странном состоянии пребывания в пустоте, он вспомнил некоторые фразы из этой книги. Возвращаясь домой в тот вечер, он купил по дороге банку пива и большой кусок сыра. Расположившись поудобнее за столом и задрвав ноги повыше, он стал читать «Ты вечен», но некоторые вещи в этой книге показались ему столь фантастичными, что скоро он запустил ее в дальний угол комнаты. Сейчас он горько сожалел о том, что не прочел этой книги, так как она могла бы дать ему ключ к разрешению нынешней дилеммы.

Его мысли носились по кругу, словно пылинки, поднятые смерчем. О чем шла речь в той книге? Что подразумевал автор под этим? А что хотел сказать автор тем? Молигрубер вспомнил с сожалением, как его всегда возмущала мысль о том, что жизнь возможна и после смерти.

Одна из мыслей, прочитанных в книге Рампы (или это было написано в письме, которое он нашел среди мусора?), пришла на ум Молигруберу: «Если ты не веришь в существование вещи, она не сможет существовать». И еще одна: «Если человек с другой планеты прибудет на Землю и если этот человек окажется совершенно неизвестным землянам, возможно, они не смогут даже увидеть его, так как их разум не сможет принять того, что находится слишком далеко от их точки отсчета».

Молигрубер все думал и думал, а затем произнес про себя: «Ладно, я умер. Но я нахожусь где-то, а следовательно, должен существовать. Значит, должно быть что-то после смерти. Жаль, что я не знаю, что это такое». По мере того как он думал, ощущения липкости или смолистости сгущались. Ощущения были такими странными, что он даже подумал о том, что тогда он, наверное, ошибался и *нечто* может находиться рядом — *нечто*, чего он не может увидеть, *нечто*, к чему он не может прикоснуться. «Почему все так происходит? — недоумевал он. — Может быть, потому, что я просто не мог допустить мысль о жизни после смерти?»

Затем он снова начал слышать какие-то странные вещи — его приятели со станции говорили о человеке из больницы в Торонто. Все думали, что тот человек умер и покинул свое тело. Молигрубер не мог в точности вспомнить, о чем шла речь, но ему казалось, что этот человек был тяжело болен и когда умер, то покинул тело и увидел какие-то удивительные вещи в ином мире. Затем, к своему неудовольствию, он вновь возвратился в собственное тело, которое реанимировали врачи, и рассказал журналистам все о своих переживаниях. Молигрубер внезапно ощутил приподнятость — он почти что мог различить какие-то формы вокруг себя.

Внезапно бедный Молигрубер протянул руку, чтобы отключить звонок будильника. Будильник звонил точно так же, как и раньше, но только сейчас Молигрубер понял, что не спит. Он вспомнил, что не может чувствовать ни рук, ни ног, а все, что окружало его, было *ничем*. Вокруг было лишь *ничто*, за исключением настойчивого эха, которое могло быть звонком будильника, но не было им. Он даже не знал, что это было. Раздумывая над этим вопросом, он ощутил движение. Да, он несся куда-то с огромной скоростью. Но как и раньше, это не было движением. Он не был достаточно образован, чтобы составить представление об измерениях — третьем измерении, четвертом измерении, но все происходящее с ним подчинялось древним оккультным законам. Итак, он все же двигался. Мы называем это движением, так как очень трудно отобразить происходящее в четвертом измерении средствами трехмерного мира. Потому назовем это «движением».

Молигрубер несся вперед все быстрее и быстрее, как вдруг перед ним возникло «ничто», и, осмотревшись по сторонам, он увидел какие-то расплывчатые тени, словно смотрел на мир сквозь закопченное стекло. Как-то во время солнечного затмения один из его приятелей дал ему закопченное стекло и сказал: «Смотри сквозь это стекло, Моли, и ты увидишь, что происходит вокруг солнца. Но смотри, не вырони его». По мере того, как он глядел, дымка постепенно исчезла со стекла и перед его взором открылась странная картина, вызывавшая в нем страх.

Перед ним находилась странная комната, с рядами столов. Они напоминали столы в операционной, но только каждый из этих столов был занят покойником. Все покойники, как мужского, так и женского пола, были голыми. Все тела имели голубоватый оттенок, свойственный смерти. Он смотрел на комнату с чувством всевозрастающего ужаса и отвращения. Страшные вещи происходили с этими трупами; из различных участков их тел торчали трубки, в которых булькала жидкость. Доносился также звон и шум насосов. Он присмотрелся пристально со смешанным чувством ужаса и изумления и увидел, что из некоторых трупов откачивают кровь, в другие трупы закачивают какую-то жидкость. Когда жидкость насыщала тела, они меняли цвет — утрачивали свой мертвенный голубоватый оттенок и приобретали преувеличенно живые краски.

Молигрубер передвигался все дальше. Сейчас он находился в крохотной комнатке или кабинке, где сидела за столом молодая женщина, гримируя лицо одной из покойниц. Молигрубер был совершенно зачарован процессом. Он видел, как завивались щипцами волосы, подводились карандашом брови, подкрашивались щеки и губы, от чего те становились слишком уж яркими.

Затем он увидел еще одно тело, очевидно, только что попавшее сюда. На закрытых глазах покойника покоились металлические приспособления конической формы. Молигрубер сразу же понял, что они нужны для того, чтобы не дать векам раскрыться. Он также обратил внимание на зловещего вида иглу, продетую сразу сквозь обе десны трупа. Он испытал тошнотворное чувство, когда один из работников морга запустил щипчики в левую ноздрю покойнику и, нащупав там кончик иглы, потянул его и проколол носовую перегородку, после чего натянул нитку, чтобы свести челюсти вместе. Его затошнило, и если бы он мог, то тут же и вырвал.

Продвигаясь дальше, он испытал шок, наткнувшись на тело, которое еще недавно принадлежало ему самому. Он смотрел на это тело, лежащее на столе. Оно было голым, костлявым, истощенным и, безусловно, находилось в плохом состоянии. Он посмотрел с неодобрением на кривые ноги и корявые суставы пальцев. Рядом с телом стоял гроб, а точнее, просто деревянный футляр.

Сила увлекла его вперед, и он, пролетев сквозь короткий коридор, оказался в комнате. Его воля совершенно не влияла на передвижение. В комнате он остановился. Там находились четыре знакомых мусорщика. Они сидели и говорили с хорошо одетым, прилизанным молодым человеком, которого только и занимала мысль о том, сколько денег он сможет заработать на этом.

«Молигрубер работал на Город, — сказал один из его бывших коллег. — У него почти не было денег. У него была машина, но она не стоит больше сотни долларов. Это старый потрепанный драндулет. Он послужил ему достаточно долго, и это все, что у него есть. Эта машина потянет примерно на сотню долларов, и у него дома еще стоит старинный черно-белый телевизор, который потянет на двадцать-тридцать долларов. Что же касается всех остальных его пожитков, то думаю, что все они вместе взятые не стоят больше десятки. Так что, если учесть затраты на похороны, остается совсем немного».

Прилизанный молодой человек сложил губы в трубочку и похлопал себя пальцами у носа. Затем он сказал: «Ладно. Я думаю, что вы все сброситесь на похороны своего коллеги, который умер при столь необычных обстоятельствах. Все мы знаем, что он спас тонущего ребенка и за это поплатился собственной жизнью. Безусловно, кто-нибудь, а может, даже городские власти оплатят похороны». Коллеги обменялись

многозначительными взглядами, постучали пальцами по столу, а затем один из них сказал: «Не знаю, но Город не хочет оплачивать похороны и делать из этого прецедент. Нам сказали, что все решает городской совет и что, если речь пойдет о том, чтобы Город оплатил похороны, члены городского совета взвываются на дыбы и начнется скулеж. Нет, не думаю, что Город поможет вообще».

Молодой человек старался скрыть свое нетерпение. В конце концов он был бизнесменом и привык к мертвым телам, гробам и похоронам. Ему нужны были деньги, чтобы заняться делом. Затем он сказал с таким видом, словно мысль только что пришла ему в голову: «А может быть, тут поможет ваш профсоюз?»

Все четверо коллег одновременно, словно по команде отрицательно покачали головами. Затем один из них сказал: «Нет, мы уже обращались в профсоюз по этому поводу. Нам отказали. Старик Молигрубер был простым дворником, и им не удастся сделать большой рекламы из его похорон».

Молодой человек встал с места и перешел в смежную комнату. «Здесь есть различные гробы, — сказал он оттуда, — но самое дешевое погребение будет стоить двести пятьдесят долларов. Учтите, это будут самые дешевые похороны — просто самый простой деревянный ящик и катафалк, чтобы отвезти останки на кладбище. Сможете ли вы собрать двести пятьдесят долларов?»

Мужчины выглядели смущенными. Затем один из них заявил: «Да, мы можем. Мы можем собрать двести пятьдесят долларов, но мы не можем вручить их вам сейчас».

«О, нет, я не ожидаю от вас денег немедленно, — ответил молодой человек. — Вы всего лишь должны подписать эту форму. Здесь говорится, что вы обязуетесь уплатить двести пятьдесят долларов. Иначе мы можем понести убытки, а это вовсе не входит в наши планы».

Четверо коллег снова обменялись взглядами. Наконец один из них сказал: «Ладно, я подпишу бумагу, думаю, что нам удастся раздобыть долларов триста, но ни центом больше».

Молодой человек достал ручку и бумагу и передал их говорившему мусорщику. Тот торопливо расписался и внизу написал свой адрес. Остальные трое сделали то же самое.

Получив гарантийное обязательство, молодой человек заулыбался и произнес: «Мы должны все предусмотреть. У нас очень активный бизнес и нам скорее нужно забрать тело Молигрубера из морга, иначе нас могут оштрафовать».

Мужчины дружно закивали головами, попрощались с молодым человеком и сели в машину. Они были очень подавлены и долгое время молчали. Наконец один из них нарушил тишину. «Нам нужно собрать побыстрее эти деньги, — сказал он. — Я не хочу думать, что старый Моли будет долго оставаться в таком месте». Второй сказал: «Подумать только, бедняга годами мел улицы и следил за своей тачкой получше, чем все остальные. А сейчас он умер из-за того, что спас жизнь ребенку. И никто не хочет тратиться на похороны. Думаю, что хотя бы мы должны проявить уважение к покойнику. Он был вообще-то неплохим парнем. Давайте подумаем, как нам всем собрать деньги. Какие у вас идеи насчет похорон?»

Наступила тишина. Никто из них не задумывался об этом. Наконец один из приятелей сказал: «Ну, я думаю, что мы должны сходить в морг и проследить, чтобы все было путем. А вообще-то нам нужно поговорить с начальником, может он что-нибудь толковое скажет?»

Молигрубер плыл все дальше, глядя на город, который он знал так хорошо. Он напоминал один из тех воздушных шаров, которые иногда привязывают к рекламным автомобилям. Он несся сам по себе, и казалось, что он не может контролировать своего движения. Вначале ему показалось, что он взлетел над крышей погребальной конторы. Он посмотрел вниз и увидел, до чего тусклы улицы, до чего безрадостны дома, стоящие на них, до чего нуждались они в покраске. Он видел старые автомобили, стоящие вдоль

обочин дорог, а затем ощутил острую боль, когда, пролетая над своей старой сторожкой, увидел там незнакомца. Незнакомец был одет в желтый пластиковый шлем и флюоресцирующий красный жилет, принадлежавший, очевидно, когда-то самому Молигруберу. Он смотрел вниз, на мужчину, вяло помахивающего метлой и часто наклоняющегося, чтобы подобрать мусор с помощью двух дощечек и сбросить его в тачку. Тачка также выглядела замызганной. «Когда-то я лучше следил за ней», — подумал Молигрубер. Он продолжал лететь, критически рассматривая сор, валяющийся на улицах. Он посмотрел на новостройку и увидел, как высохшая земля из котлованов взлетает вверх и разносится сильными ветрами по всему городу.

Что-то на Мусорной Станции привлекло его внимание. Он чувствовал, как парит над городом и в то же время следует за мусоровозом. Затем он подлетел к станции и нырнул сквозь крышу. Там он обнаружил все тех же четырех приятелей, беседующих с начальником. «Мы не можем позволить ему оставаться там, — сказал один из них. — Страшно подумать, что из-за того, что у него не было денег, мы не можем похоронить его как положено. И никто не собирается и пальцем пошевелить». Начальник ответил: «Почему бы нам всем не сброситься? Сегодня же день получки. Если мы попросим каждого работника сдать на похороны по десятке, то можно будет устроить приличное погребение, даже с цветами. Я знал Молигрубера с молодости. У него никогда ничего не было за душой. Иногда мне казалось, что он немного не в себе, но он всегда справлялся со своей работой. Может быть, просто делал ее чуть-чуть медленнее, чем остальные. Да, это хорошая мысль — сброситься всем по десятке».

Один из мусорщиков спросил: «Ну а сколько вы сами дадите?»

Начальник выпятил губы, наморщил лоб, а затем начал рыться в кармане. Оттуда он достал старый потрепанный бумажник и, заглянув вовнутрь, произнес: «Ага. Здесь только двадцать баксов. Больше у меня ничего нет. Я остаюсь без копейки до получки. Даю двадцать баксов».

Один из мусорщиков осмотрелся и нашел подходящую коробку — большую картонную коробку. Он сделал прорезь в крышке и заявил: «Это будет нашей копилкой. Мы поставим ее перед кассой во время выдачи получки и напишем обращение. Я схожу к клеркам и попрошу, чтобы они написали записку до того, как начнут выдавать зарплату».

Вскоре на станцию стали являться уборщики. Они снимали свои тачки с грузовиков и расставляли по местам вместе с метлами и лопатами, чтобы забрать их на следующий день. Затем они не спеша побрели к кассе, спокойно переговариваясь друг с другом. «Что это такое?» — спросил один из них.

«Это на похороны нашего покойного коллеги Молигрубера. На его похороны не хватает денег. Почему бы, ребята, вам не сброситься хотя бы по десятке? Он работал с вами и долгое время был одним из членов совета».

Толпа зашумела немного, заволновалась. Но вот пришло время получить деньги первому из очереди. Когда он взял свой конверт с получкой, все взгляды были прикованы к нему. Он быстро засунул конверт в карман, но затем, под пристальными взглядами толпы, медленно вытащил его наружу, осторожно разорвал с одной стороны, а затем медленно-медленно извлек оттуда десятидолларовую купюру. Он повертел ее в пальцах, посмотрел на нее с одной стороны... с другой стороны, а затем с тяжелым вздохом быстро засунул ее в прорезь коробки, развернулся и ушел. Другие, получив деньги, тоже бросали по десять долларов в коробку под пристальными взглядами своих коллег. Наконец выдача зарплаты закончилась. Все дали по десять долларов на похороны Молигрубера, кроме одного человека. Он сказал: «О, нет. Я не знал этого парня. Я работаю здесь первую неделю. Не понимаю, почему я должен сдавать деньги на похороны человека, которого не видел ни разу в жизни?» С этими словами он надвинул фуражку на самые уши, зашагал к своему старенькому автомобилю и укатил под рев и треск мотора.

Начальник подошел к четверым активистам и сказал: «Почему бы вам не сходить к нашему высшему начальству? Может быть, они сами отстегнут немного? По крайней мере

вам нечего терять — ведь они не смогут уволить вас!» Итак, четверо мусорщиков отправились в контору к высшему начальству. Они смущенно переминались с ноги на ногу перед столом одного из менеджеров, объясняя, что их привело сюда. Выслушав мусорщиков, менеджер вытащил из бумажника десятидолларовую бумажку, сложил ее вдвое и бросил в прорезь коробки. Его коллеги сделали то же самое. Каждый бросил по десять долларов — ни больше, ни меньше. После этого четверо активистов спустились к своему шефу. И тот сказал: «А сейчас мы пойдем к бухгалтеру и дадим ему коробку. Пусть сосчитает деньги сам. Тогда нас никто ни в чем дурном не сможет заподозрить».

Глава 4

Герти Глубенхеймер мрачно обвела взглядом большую комнату. «Везде тела, — подумала она, — тела передо мной, тела позади меня, тела справа, тела слева. Как ужасно они выглядят!» Она выпрямилась и посмотрела на часы, висящие в дальнем конце комнаты. «Двенадцать тридцать, — сказала она сама себе. Время обедать». Она вытащила контейнер с ланчем из-под стола, за которым работала, и выложила сэндвичи и книгу прямо на труп, лежащий рядом с ней. Герти занималась бальзамированием. Она приводила трупы в порядок, так что те появились в наилучшем виде перед глазами любящих родственников. «О, гляди-ка, наконец-то дядюшка Ник выглядит отлично!» Так обычно говорили люди после того, как она поработала над трупом. Герти настолько привыкла к мертвым телам, что даже не заботилась о том, чтобы помыть руки, которыми только что прикасалась к ним, перед тем как приступить к еде.

Вдруг в комнате прогремел голос: «Какой идиот не стал зашивать грудную клетку покойника после вскрытия?» Повернув голову, Герти увидела у двери низенького мужчину, чуть ли не приплясывающего от гнева.

«Но, шеф, что случилось?» — неосторожно спросил один из сотрудников морга.

«Что случилось? Я скажу вам, что случилось! Жена того парня склонилась над ним, чтобы поцеловать его или прошептать там что-то на прощание, и вдруг — бац — ее локоть проваливается прямо сквозь грудную клетку покойника. Оказалось, под пиджаком была только газета! Сейчас с ней истерика. Она грозит подать на нас в суд».

С разных сторон комнаты раздались приглушенные смешки. Дело в том, что подобные вещи происходили довольно часто, и никто не принимал их всерьез. По здравому размышлению, родные не особо любят распространяться о том, что их локти проваливались сквозь грудную клетку дорогих покойников.

Шеф поднял глаза и засеменял по направлению к Герти. «Положила свой контейнер для ланча прямо на лицо покойника! — закричал он. — А что, если ты искривишь ему нос и нам не удастся исправить это?»

В ответ Герти только хмыкнула: «Ладно, шеф, успокойтесь. Этот парень из бедняков. Мы не собираемся выставлять его в траурном зале».

Шеф посмотрел на номер стола, а затем заглянул в свой список. «Верно, — сказал он. — Его похороны потянут не больше чем на триста долларов. Так что мы просто отвезем его в деревянном ящике прямо на кладбище. А как насчет одежды?»

Девушка посмотрела на обнаженное тело, лежащее рядом с ней, и сказала: «А что случилось с одеждой, в которой он появился в больнице?»

«Это тряпье в лучшем случае пригодно на то, чтобы отправить его в мусорный ящик. К тому же сейчас эти вещи настолько сели после стирки, что просто не налезут на труп», — ответил шеф.

Вдруг Герти вспомнила: «А что вы скажете насчет тех занавесок, которые мы сняли с окон, так как они совершенно выцвели? Ведь мы можем завернуть тело в одну из них!»

Шеф нахмурился: «Чтобы ты знала, эти занавески стоят десять долларов. Кто будет за них платить? Я думаю, что лучше всего насыпать стружек на дно ящика, положить на

них тело, а затем насыпать стружек сверху. Это вполне сойдет. Никто не увидит парня. Так и сделайте». С этими словами начальник покинул комнату, а Герти вновь принялась за ланч.

Над всем этим витал Молигрубер в своей астральной форме. Невидимый, неслышимый, но видящий и слышащий все. Ему не нравилось то, как обращаются с его телом, но какая-то сила удерживала его на месте. Он наблюдал за всем происходящим. Он видел, как некоторые тела облачают в прекрасные наряды — в вечерние костюмы и платья. Он же должен будет довольствоваться пригоршней-другой стружек!

«Что ты такое читаешь, Берт?» — обратился кто-то к парню, держащему в одной руке гамбургер, а в другой руке книжку. Последний помахал книжкой над головой и ответил: «Чертовски хорошая книга. Называется «Ты вечен». Ее написал Рампа. Он живет сейчас в нашем городе. Я читал все его книги, и одна вещь запомнилась мне больше всего. Нужно верить во что-то, если же ты ни во что не веришь, то совсем одичаешь. Взгляните хотя бы на этого парня, — и он указал на окоченевшее тело Молигрубера, лежащее на столе, — этот парень был атеистом. Интересно, что он делает сейчас? На небеса ему путь заказан, так как он не верил в них. В ад он тоже не попадет, так как не верил и в ад. Наверное, застрял где-то между миров. Этот парень, Рампа, все время повторяет, что не обязательно верить ему, но необходимо верить во что-то, по крайней мере, нужно держать разум открытым. Иначе Помощники, или как их там зовут, тех, что с Другой Стороны, короче, они не смогут установить с вами контакт, не смогут помочь вам. И в какой-то из своих книг он утверждает, что если вы умираете в безверии, то застрянете в пустоте». Он засмеялся, а затем продолжал: «Он также говорит, что когда люди покидают свое тело, то видят то, что предполагали увидеть. Какое должно быть зрелище — вокруг одни ангелы машут крылышками!»

Собеседник парня подошел к нему и посмотрел на обложку книги. «Как странно выглядит этот парень! Что должен означать этот рисунок?»

«Сам не знаю, — ответил владелец книги. — С этими книгами всегда так — по обложке никогда нельзя догадаться, о чем в них пойдет речь. Но не страшно, меня интересуют не обложки, а слова, написанные в книгах».

Молигрубер приблизился к собеседникам. Без всяких усилий с его стороны он направлялся в те места, где люди говорили о нем или о жизни после смерти. В его памяти застряла фраза: «Если ты не веришь в существование вещи, она не будет существовать. Что же тогда тебе останется делать?»

Работники морга продолжали обедать. Некоторые читали книги, прислоняя их к трупам. Герти разложила свою еду на теле Молигрубера, словно это был свободный столик. Наконец прозвенел звонок, и обеденный перерыв подошел к концу. Люди закончили есть и убрали за собой остатки пищи. Герти достала щеточку и смела крошки с тела Молигрубера. Он смотрел с отвращением на эти неряшливые действия.

«Эй, ребята, подготовьте это тело к выносу немедленно! Набросайте стружек в ящик под номером сорок девять, а затем уложите туда этого парня. Из него не должно течь, но мы должны застраховаться», — закричал шеф, возвратившись в комнату. Он приплясывал, держа в руках большую пачку бумаг. «Они хотят, чтобы похороны состоялись сегодня в два тридцать. Немного спешат». С этими словами он удалился.

Герти и один из ребят перевернули тело Молигрубера, подложив под него веревки, затем вытащили концы с другой стороны. Затем сквозь петли продели небольшие крюки, тело подняли в воздух, и оно заскользило как вагонетка на рейках. Тело остановилось в конце комнаты, где стояло то, что они называли «футляром», на стенке которого красовались цифры 49, написанные мелом. Крышка «футляра» была открыта. Ассистент подошел к большой бочке и достал оттуда опилки, которые насыпал равномерно на дно гроба, пока не образовался слой толщиной около шести дюймов. Затем тело Молигрубера опустили в гроб. Девушка сказала: «Я думаю, что все будет нормально. Я подвязывала ему челюсть и, конечно же, вставила затычку, так что из него не должно течь. Но на

всякий случай давай подсыплем еще немного опилок вместо стружки. Шеф не узнает». Итак, они взяли еще опилок из бочки и стали сыпать их сверху, пока тело полностью не покрылось ими. Затем они вдвоем подняли крышку и с размаху опустили ее на гроб. Мужчина достал пневматическую отвертку и стал закручивать ею винты, тогда как женщина вставляла их в отверстия. Затем она взяла в руку влажную тряпку и тщательно стерла ею номер, написанный на гробе мелом. Гроб, или футляр, сняли с козел и переставили на тележку. На гроб натянули алый покров и повезли в траурный зал.

Начальник, сейчас одетый как и подобает директору погребальной конторы — в строгий темный костюм, с шелковой шляпой на голове, засуетился и закричал: «Вывозите его отсюда побыстрее. Давайте, пошевеливайтесь! Катафалк готов, дверь открыта и все ожидают!» Герти и второй ассистент тут же «пошевелились» и подвезли гроб к рампе, где находился специальный автопогрузчик. Собственно говоря, это была площадка со множеством роликов, начинавшаяся у рампы и доходившая до того места, где останавливался катафалк.

Ассистенты поставили гроб на погрузчик, и тот плавно покотился по роликам в кабину катафалка. Шофер завел мотор. Директор сел рядом с ним. И когда дверь гаража открылась, катафалк тронулся.

На улице их поджидала лишь одна машина. В ней сидели четверо коллег Молигрубера. Они были одеты в свои лучшие воскресные костюмы. Возможно даже, эти костюмы были взяты прямо из ломбарда. У кого-то из этих парней возникла в голове светлая идея — оставлять выходные костюмы в будние дни в ломбарде. Таким образом все время до получки у них водились живые деньги и к тому же перед тем, как вернуть костюмы, ростовщик всегда отдавал их в чистку.

Бедняга Молигрубер, казалось, был привязан к своему телу невидимыми нитями. Куда бы ни передвигался гроб, Молигрубер в своей астральной форме неотлучно следовал за ним. Здесь он был не в силах что-либо сделать. Он находился приблизительно в десяти футах над телом и заметил, что может беспрепятственно проходить сквозь стены, полы и потолки. Наконец он попал в катафалк, и катафалк выехал на улицу. Директор погребальной конторы, высунувшись из кабины, закричал четверым мусорщикам, поджидавшим их: «Все в порядке, ребята! Поехали!» Катафалк покотился по улицам, и четверо бывших приятелей Молигрубера поехали за ним. Фары были включены, чтобы встречные видели, что это похороны, а из окна сопровождающей машины свисал треугольный флажок с надписью «Похороны». Это означало, что они могут ехать на красный свет и полиция не сможет предъявить им обвинений в нарушении правил движения. Они ехали и ехали по шумным улицам, мимо школьных двориков, где играла детвора, и наконец приостановились у длинного подъема, ведущего к кладбищу. Директор вышел из катафалка и обратился к четверым мужчинам, сопровождающим катафалк: «А теперь держитесь поближе к нам, так как на следующем перекрестке водители всегда пытаются вклиниться между машинами, а нам задержки ни к чему. К тому же вы можете потерять нас из виду и сбиться с пути. Мы повернем направо на третьем перекрестке, а затем налево на следующем. Понятно?» Водитель сопровождающей машины кивнул головой, и директор вновь залез на сиденье. Они тронулись снова вплотную друг к другу.

Вскоре они достигли ворот кладбища. Обе машины поехали по дорожке между могил. Наконец они достигли свежевыврытой могилы с деревянным обрамлением и прикрепленным к нему блоком. Двое мужчин, стоящих возле ямы, подошли к катафалку. Директор и водитель катафалка вышли, и вчетвером они открыли заднюю дверцу катафалка, вытащили гроб и направились к могиле. Четверо мусорщиков следовали за ними. «Этот человек был атеистом, — заявил директор, — потому службы не будет. Поэтому похороны обойдутся вам несколько дешевле. Мы просто спустим гроб в яму и закопаем». Четверо сопровождающих согласно закивали. Гроб подцепили хомутами и поставили на ролики. Он медленно стал опускаться на дно. Четверо мужчин подошли к зияющей яме, и один, заглянув в нее, сказал: «Бедный Молигрубер, никто в целом мире не

позаботился о нем». Второй сказал: «Я думаю, что он найдет кого-нибудь, кто будет ухаживать за ним в том мире, куда он отправляется или уже отправился». Затем они возвратились к машине, сели в нее и медленно поехали с кладбища. Двое мужчин, стоящих рядом с директором, подняли доски, и холмик земли у края могилы обрушился вниз, на крышку гроба с отвратительным звуком. Директор сказал: «Да забросайте яму землей и все». После этого он развернулся и пошел к катафалку. Шофер сел на место, завел мотор, и катафалк поехал обратно.

Молигрубер так и остался висеть там, не в состоянии двинуться с места. Он посмотрел вниз и подумал: «Итак, это конец жизни? Что же мне остается делать? Куда я отправлюсь дальше? Я всегда верил в то, что все кончается со смертью. Но вот пришла смерть, я нахожусь тут, а мое тело лежит в земле. Так где же я и что со мной?» Тут раздался громкий звук, словно сильный ветер гудел в телеграфных проводах, и Молигрубер обнаружил, что вновь уносится со страшной скоростью в *ничто*. Ничего не было перед ним, ничего не было за ним, ничего не было с обеих сторон от него, и он уносился в *ничто*.

Безмолвие! Безмолвие, ничего, кроме безмолвия. Он прислушивался очень внимательно, но не мог расслышать ни звука. Не слышно дыхания, не слышно сердцебиения. Он задержал дыхание, вернее ему показалось, что он задержал, и вдруг с ужасом осознал, что его сердце не бьется, а легкие не дышат. В силу привычки он приложил руку к груди, чтобы ощутить сердцебиение. У него создалось отчетливое впечатление о том, что он действительно приложил руку к груди, отчетливое представление о том, что все работает... но там не было ничего, ничего!

Тишина становилась гнетущей. Он беспокойно задвигался. Но задвигался ли? Сейчас он не был ни в чем уверен. Он попытался подвигать ногой, затем осторожно попытался покрутить пальцем. Но нет — ничего не вышло. Не было никаких ощущений, не было ощущения движения, не было ощущения того, что вообще что-то ЕСТЬ. Он откинулся назад (или ему показалось, что он откинулся) и попытался успокоиться, попытался привести в порядок свои мысли. Как вы можете чувствовать себя в самой сердцевине *ничего*, когда вы даже себя считаете несуществующим? Но он должен существовать, иначе как же объяснить то, что он способен был мыслить, если его вообще не существовало? Он подумал о гробе, зарытом в твердую, сухую землю, которая будет все высыхать и высыхать с каждым днем под безоблачным небом и палящим солнцем. Он думал.

По мере того как он думал, возникло странное ощущение движения. Он взглянул, как ему показалось, «вниз» на могилу. Но как это могло случиться, если всего лишь секунду назад... или было ли это все секунду назад? Как мог он измерять здесь время? По привычке он вытянул руку, чтобы взглянуть на часы, но часов не было, не было и руки. Не было *ничего*. Но когда он смотрел вниз, то видел могилу. Его изумление все возрастало, когда он увидел, что на могиле выросла длинная трава. Как быстро растет трава? Ему стало ясно, что его похоронили не меньше месяца назад. Трава не могла вырасти такой длинной за меньшее время. Должно было пройти не меньше месяца или по крайней мере шести недель. Затем он обнаружил, что видит то, что происходит под травой, видит то, что происходит под землей. Вокруг роились маленькие насекомые, он видел червей, прокладывающих свой путь сквозь почву. Его взор проник еще глубже, и он стал различать доски гроба. Затем под крышкой гроба он увидел разлагающуюся массу. Тут же он отпрянул в отвращении и взвился вверх с пронзительным криком ужаса (или, по крайней мере, у него было ощущение крика). Он почувствовал, что дрожит всем телом, что страх пронизывает каждую его косточку, но тут же вспомнил, что не имеет костей и не имеет тела. Он оглянулся по сторонам, но снова убедился в том, что не может ничего увидеть. Вокруг была пустота — абсолютный вакуум. Здесь даже свет не мог существовать. Ощущения были ужасными. Но как он мог испытывать ощущения, если у него не было тела? Он лежал там, но мог ли он находиться там? Он пытался понять, что

происходит.

Внезапно в его сознание заползла случайная мысль: «Я верю». Затем возникла другая мысль: «Рампа». О чем говорили эти парни, когда он видел их в последний раз на мусорной станции? Там было множество водителей грузовиков, а также много уборщиков мусора, все они говорили о жизни и смерти, и разговор этот возник из-за того, что Молигрубер показал им книгу Лобсанга Рампы.

Один человек сказал: «Я не знаю, во что я верю, я даже не знаю, во что следует верить. Моя вера никогда не помогала мне. Она не дает никаких знаний — просто считается, что ты должен во что-то верить. Как можно верить без доказательств? А как вы думаете, ребята, ответил ли вам Бог хоть на одну из ваших молитв?» Он посмотрел по сторонам и увидел, как его товарищи отрицательно закрутили головами. Один из них произнес: «Нет, на мои молитвы никогда не отвечали, и я не знаю ни одного человека, который мог бы похвастаться тем, что на его молитвы ответили небеса. Когда я был маленьким, мне часто читали Библию и из этого кое-что осталось в моей памяти. Так вот все эти Древние Ребята, эти великие пророки и святые постоянно молились и отбивали поклоны Богу своими глупыми лбами. Так вот — ничего хорошего у них из этого не вышло. Ни разу они не получили ответа. Помнится мне, я когда-то читал о Распятии. Так в этой Доброй Книге сказано, что Христос, распятый на кресте, произнес: «Отец, Отец, зачем ты оставил меня?» Но и он не получил ответа».

Воцарилась тишина, люди смотрели на пол и переминались с ноги на ногу, а их разум пытался делать непривычную работу — думать о будущем. Что происходит после смерти? Происходит ли что-то? Или просто тела возвращаются в землю, чтобы гнить там, а кости распадаются в пыль? Должно быть, нечто большее, чем только это, так думали они. Жизнь имела определенный смысл, и смерть имела не менее определенный смысл. Некоторые взирали как-то виновато на своих коллег, припоминая странные совпадения, загадочные происшествия, которые никак нельзя было объяснить логически.

Один из мужчин сказал: «Помнишь, ты нам рассказывал как-то о том парне, который живет в твоём квартале. Так вот моя супружница прочла его книги, а затем заявила мне ужасные вещи. "Джейк, слушай, Джейк, если ты не веришь ни во что сейчас, пока жив, то тебе не будет за что уцепиться потом, когда ты умрешь, — сказала она мне. — Если ты будешь верить в жизнь после смерти, то попадешь в эту жизнь. Это очень просто верить в жизнь после смерти. В противном случае ты просто будешь носиться как надувной шарик на ветру, когда умрешь. Ты должен верить, ты должен держать свой разум открытым, тогда ты сможешь поверить в то, что вызовет твой интерес, когда ты представишься"».

И снова воцарилась продолжительная тишина. Люди выглядели смущенными, и каждый думал, как лучше уйти, чтобы остальным не показалось, что ты спасаешься бегством. Молигрубер вспоминал все это теперь, когда он находился в пустоте — высоко в пустоте, будучи просто лишенным тела, как ему казалось. Но в конце концов, может, этот писатель и был прав, может, люди просто не поняли его и потому смеялись над ним, травили его и сделали ему плохую рекламу, а он был прав, а они были не правы? Чему же учил этот писатель? Молигрубер напряг память и попытался уловить ускользающую мысль, едва касающуюся поверхности его сознания. Затем это пришло ему: «Ты должен верить в НЕЧТО. Если ты католик, то должен верить в небеса, на которых живут святые и ангелы. Если ты иудей, то веришь в иную форму. Если ты последователь ислама, тогда ты веришь в еще иную форму рая. Но главное верить во что-то, главное держать свой разум открытым. Таким образом, если ты даже не исповедуешь определенной формы религии, то можешь в любой момент поверить. Иначе ты просто будешь витать между различными мирами, между различными планами, витать, как витает бесплотная мысль, и сам будешь столь же бесплотен, как мысль».

Молигрубер думал и думал об этом. Он думал о том, как всю свою жизнь отрицал существование Бога, отрицал правоту религии, считая всех священников алчными

торговцами, готовыми обмануть каждого без зазрения совести. Он думал об этом. Он пытался представить себе старого писателя, которого когда-то видел вблизи. Он сосредоточился на визуализации лица писателя и, к ужасу своему, увидел, что это лицо словно ожило — заговорило с ним. «Ты должен верить, что если ты не веришь в НЕЧТО, то остаешься тенью без силы, без мотивации и без якоря. Ты должен верить, твой разум должен оставаться открытым, только таким образом ты сможешь уйти от пустоты и оказаться на новом плане существования».

И снова Молигрубер подумал: «Интересно, кто пользуется моей старой тачкой сейчас?» И тут же увидел улицы Калгари, увидел молодого парня, катящего его тачку и подметающего улицу, время от времени останавливающегося, чтобы перекурить. Затем он увидел старого писателя и затрясся от испуга, заметив, что писатель поднял лицо к небу и с полуулыбкой смотрит в его сторону. Затем его губы стали шевелиться, и Молигрубер разобрал слова: «Верь в нечто, верь, открой свой разум. Есть люди, которые готовы помочь тебе».

Молигрубер вновь взглянул вниз и почувствовал приступ гнева к человеку, пользующемуся его тачкой. Сейчас это была старая грязная тачка. Грязь въелась в петли крышки и в ручки. Метла тоже была в жалком состоянии — она истерлась, но истерлась не так, как истираются все метлы от долгого употребления. Она истерлась неровно — под углом, что свидетельствовало о том, что ее нынешний хозяин не гордится своим делом. Он испытал приступ гнева, и с ним пришло ощущение скорости — огромной, головокружительной скорости. И снова он удивился, как могло появиться ощущение скорости без ощущения движения? Как он мог уноситься куда-то, не чувствуя ветра на лице? Затем он затрясся от страха. Было ли у него лицо? Мог ли быть ветер в этом месте? Этого он не знал.

Молигрубер просто БЫЛ. Чувство времени отсутствовало, отсутствовало и чувство существования — он просто БЫЛ. Его разум работал по инерции — просто случайные мысли пролетали по экрану его разума. Затем он снова увидел старика-писателя и услышал слова, которые не были произнесены: «Ты должен верить во что-то». И тут Молигрубер увидел собственное детство — те ужасные условия, в которых он жил. Он вспомнил картинку в Библии и подпись под ней: «Господь — мой поводырь. Я не буду нуждаться. Он ведет меня...» Он ведет меня: эта мысль билась бесконечным рефреном в сознании Молигрубера. И он сказал про себя: «Я хочу, чтобы Он вел меня. Я хочу, чтобы хоть кто-то повел меня за собой!» И тут он ощутил «нечто». Он не знал, что это было, но появилось чувство присутствия людей. Он вспомнил, как когда-то провел ночь в ночлежке; кто бы ни заходил в большую комнату, он знал об этом, но при этом не просыпался — просто был настороже в случае, если кто-то попытается украсть часы, которые он положил под подушку, или тощий бумажник, покоящийся под головой.

Он издал мысленный возглас: «Помогите мне! Помогите мне!» И тут же ему показалось, что у него появились ноги. Появилось какое-то странное чувство — да, у него были ноги, босые ноги. И тут же он с ужасом обнаружил, что его ноги стоят в чем-то липком — возможно, в смоле. Он вспомнил свое детство, когда он отправился из дома в город босиком. Он шел по дороге, которую дорожные рабочие только что покрыли смолой. Он вспомнил тот страх, тот ужас, который охватывал его при мысли, что он увязнет в смоле и никакая сила не сможет сдвинуть его с места. Затем он почувствовал, как смола стала окутывать его тело. Она окутала ноги и руки. Да, теперь у него были ноги, руки и пальцы, но он не мог пошевелить ими, так как они безнадежно увязли в смоле. Если это и не была смола, то было что-то другое, но такое же липкое, сковывающее все движения. И он мог поклясться, что рядом находились люди. Они следили за ним. Он ощутил прилив ярости — багровой ярости, почти убийственной ярости — и тут же послал мысль: «Эй, ребята, чего вы глядите на меня, раскрыв рты? Почему бы вам не подойти ко мне и не подать руку? Вы что, не видите, что я увяз здесь». Мысль возвратилась ему в чистом и ярком виде, напомнив о том, что он видел на экранах телевизоров, когда

заглядывал в окна дилеров: «Ты должен верить, должен верить. Открой свой разум, и мы поможем тебе. Ведь сейчас ты отвергаешь нас каждой мыслью. Верь, что мы готовы помочь тебе. Верь».

Он сердито хмыкнул и решил побежать к людям, которые глядели на него, — он был уверен, что они глядели, — но почувствовал, что просто барахтается на месте. Он застрял в смоле. Движения были практически незаметными. Он подумал: «Боже мой, что происходит?» И как только он произнес про себя «Боже мой», во тьме появился свет — словно забрезжил рассвет. Молигрубер взирал на все это с благоговейным ужасом а затем снова пробормотал: «Боже, Боже, помоги мне!» К своему восторгу и удивлению, он увидел, что на освещенном горизонте появилась фигура, призывающая его к себе знаками. Но нет, Молигрубер еще не был готов прийти. Он только бормотал про себя: «Какой-то странный холод. Больше ничего не будет. Никто не собирается помочь мне». Тогда свет померк, яркая линия горизонта исчезла, а Молигрубер еще глубже увяз в смолу или туда, где он находился. Время шло. Бесконечное время тянулось. Не было никаких признаков того, сколько прошло времени, но та сущность, которая была Молигрубером, просто покоилась «где-то», погруженная во тьму и неверие. А вокруг находились те, кто готовы были помочь ему — помочь в любое мгновение, стоило лишь Молигруберу открыть свой разум и дать возможность помощникам выполнить свою задачу — повести его к свету или к иной форме жизни, какой бы она ни была.

Он пришел в замешательство — нет, больше, чем в замешательство, — из-за того, что не мог чувствовать ни ног, ни рук. Это было очень неприятно. По какой-то причине он не мог изгнать образ старика-писателя из памяти — он просто застрял там. Что-то пузырилось в глубинах его сознания. Наконец он вспомнил.

Когда-то, бродя по парку, который он только что убрал, Молигрубер увидел старого писателя в инвалидной коляске, беседующего с каким-то человеком. Молигрубер остановился, чтобы услышать, о чем шла речь. Писатель говорил: «Знаете ли, в Библии, которую читают христиане, рассеяно множество намеков о жизни после смерти. Но меня всегда поражал тот факт, что христиане — особенно католики, — веря в святых, ангелов, дьяволов и во все такое, тем не менее, по какой-то непонятной причине, до сих пор сомневаются в идее жизни после смерти. Как же они собираются объяснить такие слова из Книги Екклесиаста: «Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его на улице плакальщицы; — доколе не порвалась серебряная цепочка и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, который дал его»? «Да, — продолжал старик-писатель. — Как вы думаете, что это означает? Это означает, что после смерти человека часть его тела возвращается к праху, из которого она (как предполагается) была создана, другая же часть возвращается к Богу или обретает иную жизнь. Так вот в Библии христиан признается идея жизни после смерти, сами же христиане не признают ее. Однако они обнаружат эту жизнь, перейдя на Другую Сторону!»

Молигрубер просто подпрыгнул, или ему показалось, что он подпрыгнул (как же можно подпрыгнуть, если у тебя нет тела?), так как слова прозвучали, словно их произнесли за его спиной. Каким-то образом ему удалось обернуться в своем сознании и посмотреть назад. Однако там никого не оказалось. Тогда он задумался над проблемой: возможно, его мышление деформировалось еще в детстве и он не допускал возможность жизни после смерти. Но она должна быть; ведь видел же он, как его тело умирало. Его потрясло зрелище собственного мертвого тела и чуть не стошнило (ведь не могло же его стошнить по-настоящему), когда он увидел свою разлагающуюся плоть, сквозь которую проступали кости скелета.

«Да, — бормотал он про себя (если только можно бормотать не имея голоса), — похоже, что существует какая-то жизнь после смерти. Очевидно, я обманывался долгие годы. Возможно, жизненные тяготы, с которыми я столкнулся еще в детстве,

деформировали мои представления о ценностях существования. Наверное, действительно существует какая-то жизнь, так как я до сих пор жив. Ведь если я не живой, как я могу думать? Скорее всего, это своего рода жизнь».

Как только ему явилась эта последняя мысль, произошла совершенно невероятная вещь: он ощутил покалывание по всему телу. Ощущение словно распространялось по очертаниям тела. Он ощутил руки и ноги, вращая ими, он почувствовал их движение. А затем — какое счастье! — появился свет. Свет начал проникать в *ничто*, в абсолютную пустоту, в которой он существовал. Свет имел розоватый оттенок. Вначале он был очень бледным, но постепенно становился все ярче. А затем, совершенно внезапно, он начал падать вниз. Через некоторое время он приземлился на что-то липкое, что-то клейкое, и рядом он увидел черную тучу, пронизанную розоватыми лучами. Он постарался пошевелиться и обнаружил, что хотя движения и были возможны, но производить их можно было лишь с огромным трудом. Казалось, он очутился в вязкой среде, замедляющей все движения. Он начал неуверенно перемещаться, поднимая то одну ногу, то другую. Он подумал, что, очевидно, напоминает сейчас одно из тех чудовищ, которые обычно изображают на безвкусных обложках научно-фантастических книг.

Он выкрикнул изо всех сил: «О Боже, если ты есть, помоги мне!» Как только эти слова сорвались с его уст, он обнаружил драматические перемены. Вязкая среда исчезла, атмосфера стала прозрачнее, и он мог различать смутные фигуры, движущиеся вокруг. Это было странное ощущение. Молигрубер сравнил его с тем, как если бы он смотрел на мир сквозь полупрозрачный пластик.

Он прикрыл глаза руками, как козырьком, и пытался рассмотреть все, что было возможно. У него создалось впечатление (хотя он не видел этого отчетливо), что какие-то люди протягивают к нему руки, но не могут дотянуться до него. Казалось, между ними существует какой-то барьер — незримая прозрачная стена.

«О Господи, — подумал он, — если бы я только мог прорваться сквозь эту стену или бумагу, или пластик, или что-то иное! Я не могу рассмотреть этих людей. Возможно, они хотят помочь мне, возможно, они хотят убить меня. Но как им удастся сделать это, если я и так уже мертв? Но мертв ли я?» Он стал вздрагивать и вздрагивать всем телом, пока ему не пришла еще одна мысль: «Наверное, я лежу в больнице и мне снится кошмар после встречи с попом? Может быть, я жив и нахожусь на Земле, а все это не более чем отвратительный сон? Хотелось бы мне знать истину!»

Издали до него донесся слабый голос, настолько тихий, что он едва различал слова, несмотря на то что напрягал свой слух изо всех сил: «Верь. Верь. О, верь в жизнь вечную. Верь, только верь, и мы сможем освободить тебя. Молись Богу. Бог существует. Не важно, как ты называешь Его. Не важно, какую религию ты исповедуешь. В любой религии есть Бог. Верь. Призови своего собственного Бога. Мы ждем. Ждем».

Молигрубер застыл на месте. Его ноги не пытались идти, он не пытался прорваться сквозь окружающую его вуаль. Он подумал о старом писателе, подумал о священниках и сразу же отверг священников, поняв их внутреннюю фальшь, их желание облегчить собственную жизнь, используя человеческие предрассудки. Он подумал о своем детстве, подумал о Библии и вновь стал молить Бога о просветлении: «О Боже Всемогущий, какую бы форму ты ни принял. Помоги мне. Я увяз, я потерялся, я существую, но у меня нет сущности. Помоги мне и позволь другим мне помочь». При этом всем своим верящим сердцем он ощутил сильный удар, словно прикоснулся к двум обнаженным проводам, по которым проходил мощный ток. Все перед ним закружилось, и покров разорвался.

Глава 5

Покров разорвался. Чернота, окружающая Молигрубера, разделилась с рвущимся звуком как раз перед его лицом. Затем он был ослеплен. Он отчаянно закрывал руками собственные глаза, благодаря «небеса» за то, что у него снова были руки. Свет был

совершенно ослепительным, такого света он в жизни своей не видел. Или, может быть, видел? Ему вспомнилось, как будучи дворником он наблюдал за строительством высотного здания. Тогда применяли электросварку, дающую необыкновенно яркий, слепящий свет. Этот свет был таким интенсивным, что рабочие должны были надевать специальные маски, чтобы защитить глаза. Молигрубер плотно зажмурил веки, закрыл глаза руками и все равно ему казалось, что свет проходит насквозь. Затем он взял себя в руки и очень медленно, очень осторожно стал отводить руки от глаз. Свет был ярким — в этом не было никакого сомнения, и он свободно проникал сквозь сомкнутые веки. Итак, Молигрубер осторожно приоткрыл веки — так, что образовались лишь узенькие щелочки.

До чего же прекрасная картина предстала перед ним! Чернота отлетела прочь, исчезла навсегда, как он надеялся. Он стоял под деревьями. Взглянув вниз, он увидел живую сочную зеленую траву. Он никогда раньше не видел столь сочной, столь зеленой травы. Затем в траве он увидел какие-то маленькие белые штучки с желтыми центрами. Молигрубер напряг свой мозг: что это может быть? И наконец до него дошло: это ведь маргаритки! Маленькие маргаритки на поле! Он никогда не видел их прежде живыми — лишь на картинах, иногда по телевизору, заглядывая через окно магазина. Но здесь было еще на что посмотреть, кроме маргариток. Молигрубер огляделся по сторонам и увидел двоих мужчин, стоящих по обеим сторонам и взирающих вниз на него с улыбкой. Да, именно взирающих вниз, так как Молигрубер был невысоким человеком — одним из тех неприметных, ссохшихся человечков с узловатыми пальцами и обветренным лицом. Он поднял глаза на этих двух мужчин, улыбающихся ему с самым приветливым видом.

«Ну как, Молигрубер, — сказал один из них, — что ты думаешь обо всем этом?» Молигрубер стоял словно немой. Что он мог думать обо всем этом? Что он мог сказать? Ведь он почти еще ничего не видел. Он взглянул себе на ноги и почувствовал радость от того, что они у него есть снова. Затем он обвел взглядом свое тело и тут же подпрыгнул на месте. Он залился краской до корней волос. «Святые угодники! — произнес он про себя. — Я стою здесь, перед людьми совершенно голый!» И сразу же его руки сомкнулись в традиционном жесте человека, который вдруг понял, что его увидели без штанов. В ответ прозвучал оглушительный хохот. Один из хохочущих мужчин произнес: «Ах, Молигрубер, Молигрубер, ты ведь не появился на свет в одежде! А если и родился в одежде, то ты единственный человек на свете, кому это удалось! Чего же ты боишься? Но если тебе нужна какая-нибудь одежда, что ж, придумай ее!»

Молигрубер пришел в панику. Некоторое время он даже не мог подумать о том, какую одежду он хотел бы надеть на себя. Затем он подумал о комбинезоне. И как только мысль о комбинезоне пришла ему в голову, он увидел себя облаченным в комбинезон. Он взглянул на себя и вновь содрогнулся — комбинезон был ярко-красного цвета. Казалось, что он залит краской стыда. Двое мужчин снова засмеялись, и женщина, проходившая мимо по тропинке, с интересом обернула к ним лицо. Подойдя поближе, она улыбнулась и воскликнула: «Что здесь происходит, Борис? Новичок все еще боится собственной кожи?» Человек, которого называли Борисом, ответил: «Да, Мейси. Такие являются к нам каждый день».

Молигрубер содрогнулся, взглянув на женщину. Он подумал: «Наверняка, это порядочная женщина. Наверное, я буду с ней в безопасности. Ведь я ничего не знаю о женщинах». Не успела эта мысль пронестись в его голове, как все трое снова залились гомерическим хохотом. Бедняга Молигрубер еще не осознал, что существа, находящиеся на определенном плане, обладают способностью к телепатии.

«Осмотришься пока что, Молигрубер, — сказала женщина, — затем мы отведем тебя на брифинг, где будем присутствовать все мы. Нам с тобой пришлось повозиться! Ты сидел в своем черном облаке и никак не хотел оттуда выходить, что бы мы ни говорили тебе!»

Молигрубер что-то пробормотал себе под нос, но это бормотание было столь неразборчивым, что его нельзя было понять даже при телепатическом контакте. Но все же

он огляделся по сторонам. Молигрубер находился в каком-то парке, но никогда в своей жизни он не мог вообразить, что окажется в таком месте. Такой зеленой травы он никогда раньше не видел. Цветы росли в огромном количестве, и о таком богатстве оттенков ему даже не приходилось мечтать. Уже рассвело, воздух был теплым и наполненным гудением насекомых и щебетом птиц. Молигрубер поднял глаза вверх — небо было ярко-голубым, и по нему плыли пушистые облака. Вдруг Молигрубер почувствовал, что его ноги подкосились. «Проклятье! Куда же девалось солнце?» — закричал он.

Один из мужчин улыбнулся и сказал: «Ты забываешь о том, что находишься не на Земле. Сейчас ты далеко-далеко от Земли, в ином времени, на другом плане существования. Тебе следует еще многое усвоить, друг мой!»

«Проклятье! — вновь сказал Молигрубер. — Как же называется эта чертовщина, когда у вас светит солнечный свет без солнца?»

Три его спутника — двое мужчин и одна женщина — лишь улыбнулись в ответ. Женщина нежно взяла его под руку и начала тихо говорить: «Не расстраивайся, мы отведем тебя к себе, объясним тебе множество вещей». И вчетвером они зашагали по мощеной тропинке. «Стойте! — закричал Молигрубер. — На этой тропинке я израню ноги. Я должен во что-то обуться!»

Эти слова вызвали новый приступ веселья у его спутников. Борис ответил: «Но, Молигрубер, почему бы тебе не придумать пару туфель или ботинок? Тебе ведь удалось сделать это с костюмом, правда, мне не особенно нравится его цвет. Ты должен изменить его!»

Молигрубер все думал и думал. Он думал о том, какое зрелище он должен являть собой в этом красном комбинезоне с босыми ногами. Ему захотелось избавиться от этого ужасного комбинезона, и он тут же избавился. «О, — закричал он в испуге, — я оказался голышом перед женщиной! Проклятье, что она подумает обо мне?»

Женщина залилась таким громким смехом, что несколько человек, идущих по тропинке, с недоумением обернулись. «О, нет, нет, — не переставая смеяться, говорила она, — все в порядке, Молигрубер, не так уж много ты можешь показать в конце концов. Но почему бы тебе не представить себя одетым в свой лучший праздничный костюм, с полированными туфлями на ногах? Если ты подумаешь об этом, то окажешься одет именно так». Молигрубер так и сделал, и у него получилось.

Молигрубер вышагивал очень бодро, но каждый раз краснел, когда ловил взгляд своей спутницы. Ему даже становилось жарко. Дело в том, что бедняга Молигрубер, который жил на Земле, любил наблюдать, а не заниматься. А это еще хуже, чем то, когда вы идете куда-то посмотреть, потому что вам не с кем заняться. Как это ни парадоксально, но молигруберовское знание о противоположном поле ограничивалось тем, что он мог увидеть в журналах, продающихся в определенных магазинах.

Он снова подумал о своем прошлом — о том, как мало ему известно о женщинах. Он припомнил, как когда-то считал, что от шеи и до колен женщины как бы состоят из одного куска. Ему было трудно вообразить, как им при этом удается ходить. Но затем он увидел каких-то девушек, купающихся в речке, и убедился в том, что у них есть руки и ноги, точно так же, как и у него. От раздумий его отвлек многоголосый смех. Подняв голову, Молигрубер увидел, что вокруг него образовалась целая толпа — он привлек людей своими мыслями. Ведь на этом плане мысли были тем же самым, что и слова на Земле. Он огляделся по сторонам, вновь залился краской и буквально пустился наутек. Оба мужчины и женщина бросились за ним, но им не удавалось догнать беглеца, так как им мешал собственный смех. А Молигрубер все бежал и бежал, пока не почувствовал, что силы уже на исходе, и он со всего размаха опустил на парковую скамейку. Его преследователи наконец-то поравнялись с ним, чуть не рыдая от смеха.

«Ах, Молигрубер, Молигрубер, тебе лучше отказаться на время от мыслей, пока ты не окажешься в том здании. — Они указали на красивый дом, стоящий справа от них. — Просто думай о своем наряде, пока не окажешься внутри. Мы все объясним тебе там».

Они поднялись, и двое мужчин встали по обе стороны от Молигрубера, ухватив его под обе руки. Все вместе они повернули направо и прошли сквозь очень красивый мраморный вход. В середине было прохладно, и свет, казалось, исходил из самих стен. Чуть поодаль стоял стол, в точности такой, какой он видел раньше в гостиницах, когда заглядывал через стеклянные двери. За столом сидел мужчина, который с приятной улыбкой спросил: «Новенький?» Мейси закивала головой и добавила: «К тому же совсем зеленый». Молигрубер быстро посмотрел вниз, испугавшись, что его костюм стал зеленым, и это вызвало новый приступ смеха у его спутников.

Они прошли через холл и оказались в коридоре. Там толпилось множество народу. Молигрубер, не переставая краснел от смущения. Некоторые люди были одеты в какие-то причудливые костюмы, другие же были совершенно голыми. Но ни один из них не выглядел смущенным.

Когда Молигрубер наконец попал в очень просторную, хорошо обставленную комнату, он был совершенно мокрым от пота. Ему показалось, что он только что искупался в бассейне, хотя никогда раньше не посещал бассейна. Плюхнувшись в кресло, он стал утирать лицо носовым платком, который обнаружил в кармане пиджака. «Нет, — думал он, — скорее бы попасть обратно на Землю. Я не могу долго оставаться в подобном месте!» Мейси засмеялась и возразила: «Но ты должен остаться здесь. Помнишь, Молигрубер, ты был атеистом и не верил в Бога. Ты не исповедовал никакой религии и не верил в жизнь после смерти. Что ж, ты все же оказался тут, значит, должна же быть какая-то жизнь после смерти?»

В комнате, где сейчас сидел Молигрубер, были очень большие окна. Его взгляд не отрывался от картины, открывавшейся из них. Он с восхищением взирал на прекрасный ландшафтный парк с озером в центре и речкой, впадающей в него. Он видел мужчин, женщин и детей. Все они шли куда-то с целеустремленным видом, словно точно знали, что им предстоит сейчас сделать. Он изумленно наблюдал за тем, как какой-то мужчина, свернув с парковой тропинки, уселся на скамейку и достал из кармана пиджака сэндвич, обернутый в бумагу. Он быстро развернул его и бросил бумагу в урну, стоящую рядом. Затем он быстро умял свой сэндвич. Молигрубер почувствовал головокружение, в животе у него заурчало. С мольбой он обратился к Мейси: «Я очень голоден. Где вы тут обычно питаетесь?» Он порылся у себя в карманах, надеясь нащупать какую-то мелочь, чтобы купить за нее гамбургер или бутерброд. Женщина взглянула на него понимающе и ответила: «Ты можешь получить здесь любую пищу, а также можешь выпить какой угодно напиток, Молигрубер. Просто подумай о чем-то, и ты будешь это иметь. Но не забудь подумать вначале о столе, иначе тебе придется разложить еду на коленях или на полу».

Один из мужчин повернулся к нему и сказал: «Мы оставим тебя ненадолго, Молигрубер. Если ты почувствуешь, что хочешь какой-то еды, то просто подумай о ней, но помни, что сказала тебе Мейси: вначале подумай о столе. После того как ты завершишь свою трапезу, в которой ты в общем-то не нуждаешься, мы вернемся». С этими словами они подошли к стене, которая расступилась перед ними, а затем вновь закрылась позади них.

Молигруберу показалось все это очень странным: как это можно выдумать себе еду? И как это может быть, что еда не нужна? Что этот человек имел в виду, говоря такое? Однако его живот сводило от голода. Чувство голода было столь сильным, что Молигруберу показалось, что он вот-вот упадет в обморок. Это было знакомое ощущение. В детстве он не раз терял сознание от голода, и это было очень неприятной вещью.

Он стал размышлять о том, как это *придумать*. Во-первых, как насчет стола? Он знал, как выглядит стол — каждый дурак это знал, — но когда он начал *придумывать* его, это оказалось совсем непросто. Его первая попытка оказалась крайне смешной. Он вспомнил, как заглядывал в окна мебельной лавки, убирая улицу. Вначале он стал вспоминать металлический круглый столик для двора, с зонтиком в центре. Но тут же ему

на ум пришел маленький столик, за которым обычно любят сидеть женщины, занимаясь вязанием или вышиванием. Вдруг, к своему изумлению, он увидел, что перед ним возникла странная, неустойчивая конструкция, наполовину состоящая из круглого металлического столика, а на половину из столика для рукоделья. Он протянул руки вперед и произнес: «Фью! Испарись!» — точно так же, как когда-то в одном фильме, который он видел на Земле. Затем он стал думать снова, и перед его мысленным взором предстал столик, который он когда-то видел в парке, — сделанный из досок и бревен. Он тщательно нарисовал стол в своем воображении. Да, точно таким он был. Доски почти столь же грубо обработаны, как и бревна. Он только забыл о скамейке, но это не важно — ведь он мог использовать свое кресло.

Наконец он мог начать думать собственно о еде. Молигрубер был одним из тех неудачников, которые не знали толка в деликатесах. Всю свою жизнь он держался на кофе, безалкогольных напитках и гамбургерах. Так что сейчас лучшим блюдом, о котором он мог подумать, был огромный гамбургер. Теперь, когда гамбургер материализовался перед ним, Молигрубер ухватил его рукой и впился в него зубами. Но во рту ничего не осталось, так как гамбургер оказался пустым! После множества попыток и множества провалов Молигрубер решил, что должен представить себе все очень детально. И он вообразил гамбургер, наполнив его всем необходимым. Да, гамбургер, в конце концов, получился, но оказался совершенно безвкусным. С кофе получилось еще хуже. Нет, Молигрубер *придумал* чашечку кофе, но до сих пор он никогда не пил худшего напитка и не хотел бы выпить такое впредь. Он пришел к выводу, что у него плохо обстоят дела с воображением. Тогда он стал представлять все новую и новую пищу, но так и не смог уйти далеко от кофе и гамбургеров. Поскольку он никогда в жизни не ел свежего хлеба, то и *придуманный* хлеб был черствым и отдавал плесенью.

Некоторое время раздавались чавкающие звуки — это Молигрубер уминал гамбургеры. Затем не менее звучно он стал тянуть кофе. После он просто оттолкнулся от стола и откинулся на спинку кресла, чтобы обдумать все те странные вещи, которые произошли с ним сегодня. Прежде всего он вспомнил о том, что никогда не верил в жизнь после смерти. Тогда где же он находился сейчас? Вспомнив о своем разлагающемся теле и о том, при каких обстоятельствах ему пришлось увидеть его, Молигрубер чуть не вырвал прямо на пол. Молигрубер подумал о своих странных переживаниях — о том, как вначале застрял в чем-то вроде чана со смолой, потом смола сменилась черной копотью. Затем ему казалось, что он ослеп, так как не мог видеть ничего вокруг. Такое же чувство его охватило когда-то давно, когда он слишком сильно открутил фитиль керосиновой лампы перед тем, как выйти из комнаты в темный коридор. Вдруг Молигрубер вспомнил, что ему тогда сказала хозяйка квартиры!

Тут Молигрубер обернулся и увидел Бориса, стоящего рядом. «О, я вижу, ты отлично подкрепился, — сказал он, — но почему же ты решил ограничиться лишь этими ужасными гамбургерами? Мне кажется, что это не особенно вкусно. Ты можешь придумать все что угодно. Но только придумывать нужно тщательно — вначале следует представить все ингредиенты, а затем создавать из них блюдо шаг за шагом». Молигрубер поднял глаза на Бориса и спросил: «А где я могу помыть тарелки?»

Борис расхохотался от всего сердца и сказал: «Дорогой мой, тебе совершенно незачем мыть здесь тарелки. Тебе следует лишь подумать о том, как они появляются, а затем подумать о том, как они исчезают. По завершении трапезы тебе нужно представить, как исчезают тарелки, и они отправляются назад, в Хранилище Природы. Это очень просто, и ты скоро привыкнешь к этому, но знай, что тебе вовсе не обязательно кушать — все необходимое питание ты получаешь прямо из атмосферы».

Тут Молигрубер ощутил острую досаду. Как глупо было говорить, что можно получать все необходимое питание прямо из атмосферы! За кого принимал его этот Борис, если думал, что он может поверить в такую нелепость? Уж кто-кто, а он, Молигрубер, знал, что такое голод! Что такое терять сознание от недостатка пищи и падать просто на

тротуар, где к тебе подходит полицейский и пинает тебя ботинком, приказывая, чтобы ты встал и убирался с дороги!

Борис сказал: «Ну, а теперь нам пора идти дальше. Я собираюсь познакомить тебя с нашим врачом — он сможет рассказать тебе некоторые интересные вещи. Пошли!» С этими словами он посмотрел на стол, и тот, вместе с горой посуды и остатками молигруберовской трапезы, растаял в воздухе. Затем он подвел Молигрубера к стене, которая расступилась перед ними, и они вышли в длинный сверкающий коридор. Вокруг них прогуливались различные люди, но в то же время казалось, что они направляются куда-то с вполне определенными целями, собираются решить конкретные задачи. Молигрубер только изумлялся всему этому.

Он со своим спутником прошел в конец коридора и завернул за угол. Там Борис постучал в какую-то зеленую дверь. «Входите», — раздался голос из-за двери, и спутник легонько подтолкнув Молигрубера вперед, развернулся и ушел.

И снова Молигрубер испытал испуг. Комната, в которой он оказался, была тоже просторной и светлой, но крупный мужчина, сидящий за столом, вызвал в нем настоящий страх. Этот человек очень живо напомнил ему чиновника медицинской службы, которого он видел когда-то раньше. Этот чиновник осматривал Молигрубера, когда тот устраивался на работу. Окинув презрительным взглядом тщедушную фигуру, стоящую перед ним, он вначале заявил, что не думает, что у Молигрубера хватит сил махать метлой, но затем смилостивился и признал его годным к уборке улиц.

Но этот человек, сидящий за столом, приветливо улыбнулся и сказал: «Подойди ко мне, Моли, не бойся. Я должен рассказать тебе о различных вещах». Молигрубер неуверенно двинулся вперед и буквально рухнул в кресло, стоящее рядом со столом. Большой мужчина, сидящий напротив, окинул Молигрубера участливым взглядом и мягко сказал: «Ты что-то нервничаешь побольше, чем остальные. Что с тобой происходит, приятель?» Бедняга Молигрубер даже не знал, что и сказать на это. Жизнь не была добра к нему, а смерть казалась еще страшнее. Он набрал полную грудь воздуха, и его жизненная история сама полилась из уст.

Большой мужчина слушал, не отрывая взгляда от Молигрубера, откинувшись на спинку кресла. Затем он сказал: «А теперь выслушай меня. Я знаю, что у тебя была трудная жизнь, но ты сам делал ее еще более трудной для себя. Ты взвалил себе на плечи бревно, если не целый лес. Ты должен изменить свои концепции относительно различных вещей». Молигрубер просто смотрел на человека, ничего не говоря. Многие из сказанных слов просто-напросто ничего для него не значили. Тогда большой человек спросил: «Почему ты молчишь? Что сейчас не так?» — «Да некоторые слова, — ответил Молигрубер. — Я просто не знаю их значения. Видите ли, у меня нет никакого образования».

Мужчина на минуту задумался, очевидно просто вспоминая те слова, которые только что произнес. Затем он ответил: «Но мне кажется, что я не употреблял каких-то необычных слов. Чего же ты не понимаешь?»

Молигрубер посмотрел себе под ноги и сказал как-то стыдливо: «Концепцию — я всегда считал, что концепция происходит тогда, когда люди планируют завести детей. Я знаю лишь этот смысл слова». *

* В английском языке слово *conception* означает как *концепцию*, так и *зачатие*. — Прим. переводчика.

Большой мужчина посмотрел на Молигрубера с неприкрытым изумлением. Затем он засмеялся и сказал: «Концепция? О нет, концепция не означает лишь это, концепция также означает понимание.

Если у тебя нет концепции об определенной вещи — значит, нет и понимания. Скажем проще: если ты ни черта не смыслишь в чем то, то должен научиться смыслить».

Все это оставалось полной загадкой для Молигрубера: если человек говорил о понимании или непонимании чего-то, так почему же, черт подери, не сказать об этом

прямо, а называть все это «концепцией»? Но затем до него дошло, что большой мужчина еще не закончил говорить, и он откинулся на спинку и стал слушать.

«Ты не верил в смерть, а точнее, ты не верил в жизнь после смерти. Ты покинул тело и летал вокруг, но твоя несчастная башка никак не могла уразуметь, что, оставив свое истлевающее тело, ты продолжал жить. Ты все время концентрировался на пустоте. Но если ты ничего не можешь представить, то никуда не сможешь и попасть. Уверяя себя в том, что ничего вокруг не существует, ты получаешь лишь ничего. Человек может рассчитывать лишь на то, что он понимает, во что он верит. Мы хотели расшевелить тебя, шокировать и потому отправили тебя назад в морг, чтобы ты взглянул там на парочку трупов, которых поддурмянили и подштопали, чтобы выставить напоказ в траурном зале. Мы хотели показать тебе твой собственный несчастный труп, о котором некому было заботиться, и потому он был забросан опилками и зарыт в землю без всяких церемоний. Но и этого оказалось недостаточно, и нам пришлось показать тебе твою могилу, твой гроб и твою гниющую плоть. Нам не доставило особого удовольствия это занятие, но мы должны были пробудить тебя к пониманию того, что ты не мертв».

Молигрубер сидел словно в трансе. Он начал что-то смутно понимать и изо всех сил старался понять побольше. Но врач вывел его из задумчивости: «Материя не может быть разрушена — она лишь может изменять свою форму, а внутри человеческого тела находится бессмертная душа. Эта душа живет вечно. Ей недостаточно одного тела, так как она должна приобрести самый разнообразный опыт. Если она хочет набраться опыта сражений, то получает тело воина и так далее... Но когда тело гибнет, оно становится не более чем изношенной одеждой, которую следует выбросить на свалку. Душа, или астральное тело, — зови это как пожелаешь — вырывается на свободу из этих обносков и готова начать свой путь сызнова. Но если душа утратила понимание, то нам приходится повозиться с ней».

Молигрубер согласно закивал головой и вспомнил о том старом писателе, который писал все эти вещи, стоящие выше понимания Молигрубера в свое время. Но сейчас некоторые слова и мысли из его книг начинали складываться воедино, словно фрагменты мозаичной головоломки.

Врач же тем временем продолжал: «Если человек не верит в Царство Небесное или в жизнь после смерти, то, попадая на другую сторону мира, он начинает скитаться. Ему некуда идти, ему не с кем встречаться, так как все время он убеждал себя, что там может существовать лишь ничто. Он подобен слепцу, утверждающему, что если он не видит какой-то вещи, то ее не существует». Он прервался и окинул Молигрубера пронизательным взглядом. Убедившись, что тот понял, о чем шла речь, доктор продолжал: «Сейчас ты, наверное, думаешь: «Куда это я попал?» — ну так вот, ты не в аду. Ты только что пришел из ада. Единственным адом является то место, которое вы зовете Землей. Нет иного ада. Не существует муки вечной и проклятий, не существует адского огня и чертей с вилами. Ты приходишь на Землю, чтобы учиться, чтобы обогащать свой опыт. Когда же ты научился тому, за чем приходил на Землю, то сбрасываешь свое износившееся тело и уносишься в астральные сферы. Существует множество планов существования — этот план является низшим. Он находится рядом с земным, и ты оказался на нем, потому что у тебя не хватает понимания высшего — тебе недостает способности верить. Окажись ты сейчас на более высоком плане существования, то тут же ты был бы ослеплен мощными лучами куда более высоких вибраций». Увидев, что Молигрубер совершенно потерялся, врач озабоченно закусил губу. Затем, после минутной паузы, сказал: «Пожалуй, тебе сейчас стоит отдохнуть. Я не хочу перегружать твой мозг. Пойди, отдохни, а затем мы продолжим нашу беседу. Мне есть еще о чем рассказать тебе».

Молигрубер вошел в комнату, которая показалась ему весьма комфортной, но как только он достиг ее середины, все вокруг исчезло и Молигрубер — даже не догадываясь об этом — провалился в сон, во время которого его «астральные батареи» подзаряжались.

Да, ему нужна была подзарядка после всего, что он пережил в течение этого дня.

Глава 6

Проснулся Молигрубер рывком, охваченный внезапно налетевшим страхом. «Боже правый, — воскликнул он, — я опоздал на работу, теперь меня уволят, и придется жить на пособие по безработице». Он опрометью сорвался с постели, да так и прирос к полу, изумленно воззрившись на роскошную меблировку комнаты и раскинувшийся за огромным окном восхитительный пейзаж. Но мало-помалу все вернулось на свои места. Он был свеж и бодр, как никогда в жизни — как никогда в жизни? Тогда где же он теперь? В жизнь после смерти он не верил, но уж умер-то он наверняка, так что, по-видимому, ошибался, и жизнь после смерти все-таки есть.

В комнату с приветливой улыбкой вошел человек и произнес: «Так это ты один из тех, кто не прочь позавтракать? Ты ведь любишь вкусно поесть, верно?» При одном напоминании о еде в животе у Молигрубера заворчал. «А то как же, — ответил он. — Не пойму, как вообще можно прожить без съестного. Поесть я люблю, и чтобы побольше, но вот этого мне как раз всегда недоставало. — Он чуть помедлил, потупившись, и добавил: — Я жил на одном кофе и гамбургерах — на том, что подешевле. А больше, собственно, и есть было нечего, разве что краюха хлеба перепадет. Эх, как бы я хотел наесться до отвала!» «Что ж, закажи, что нравится, и получишь», — ответил человек, окинув его взглядом. Молигрубер растерялся — сколько всевозможных заманчивых названий мелькало перед его глазами в меню, вывешенных у дверей отелей и ресторанов. Как там у них было? На мгновение он задумался и чуть не замурлыкал, припомнив один совершенно особый завтрак, зазывно манивший зайти в очень классное местечко. Почки под острым соусом, яичница, тост — словом, уйма всякой всячины. О некоторых блюдах он и понятия не имел, другие никогда не пробовал. Тут его собеседник неожиданно улыбнулся и сказал: «Все ясно, ты создал очень яркий образ, так что получай заказ». С этими словами он рассмеялся и вышел из комнаты.

Молигрубер проводил его взглядом, недоумевая, с чего это он так поспешно удалился. А как же завтрак? Сам же попросил его заказать завтрак, а потом вдруг взял и вышел.

Невесь откуда возникший нежнейший аромат заставил Молигрубера резко обернуться. Прямо за его спиной стоял накрытый нарядной белой скатертью стол. Салфетка, столовое серебро, поразительной красоты тарелки, — все было на своих местах, а при виде красовавшихся на столе блюд, накрытых сверкающими металлическими крышками, глаза у него просто полезли на лоб.

Неверной рукой он приподнял одну из крышек, и восхитительный запах едва не лишил его чувств. Ничего подобного он в жизни не едал. Виновато оглянувшись — неужто все это богатство ему одному, — он уселся за стол, наспех заткнул салфетку за воротничок и приступил к делу. Довольно долго в комнате раздавалось одно лишь усердное чавканье — зубы Молигрубера старательно перемалывали колбасу, печенку, почки, яичницу, и много чего другого. Затем он с хрустом разгрыз поджаренный гренок, за которым одна за другой последовали несколько чашек чая. Совсем не похоже на кофе, и, пожалуй, даже вкуснее. Такого он раньше никогда не пробовал.

Прошло немало времени, прежде чем он тяжело встал из-за стола и снова прилег, чтобы перевести дух. От всего съеденного неудержимо клонило в сон, и он расслабленно развалился в постели, погружившись в сладкую дремоту. Во сне перед ним проплывали мысли о Земле. Он думал о том, как тяжело ему там жилось, думал об отце, которого никогда не знал, о беспутной матери, о том, как он сбежал из дому и сначала работал на свалке, а потом на свой манер «выбился в люди», обзаведясь мусорной тележкой и став подметальщиком улиц. А мысли все кружили, возвращаясь то к одному, то к другому образу. Внезапно открыв глаза, он обнаружил, что стол со всеми его красотами бесследно

исчез, а напротив него сидит тот самый доктор, которого он видел вчера.

«Ну, сынок, — промолвил врач, — нагрузился ты основательно. Ты, конечно, знаешь, что ни в одном из здешних миров или уровней существования пища не нужна. Это не более чем атавизм, бесполезная привычка, перенесенная с Земли, где без еды не обойтись. Здесь же всю пищу, всю подпитку, всю энергию мы получаем из окружающей среды. Ты и сам скоро обнаружишь, что делаешь то же самое, ибо все съеденное тобой — всего лишь иллюзия, а приток энергии ты получил в совершенно иной форме. Однако теперь нам пришла пора обстоятельно побеседовать, а тебе — многое узнать. Присядь или приляг и послушай, что я тебе скажу».

Молигрубер устроился поудобнее и стал слушать.

«Род человеческий — это эксперимент, затеянный в пределах одной отдельно взятой Вселенной, в которой Земля была не более чем крохотным неприметным закоулком. Само же человечество было всего лишь временной телесной оболочкой для бессмертных душ, которым надлежало пройти испытания невзгодами и суровой дисциплиной через обитание в физическом теле, ибо в том, что именуется духовными мирами, таких невзгод не существует.

Те или иные духовные сущности всегда дожидаются своего рождения в земном теле, но этому должна предшествовать тщательная подготовка. Во-первых, следует определить, что именно должна будет усвоить та или иная сущность, затем — какие обстоятельства должны преобладать в ее земной жизни с тем, чтобы сущность извлекла из жизни на Земле максимальную пользу».

Покосившись на Молигрубера, доктор заметил: «Да ты, похоже, ничего об этом не знаешь».

Молигрубер поднял глаза на собеседника: «Что верно, то верно, док. Я только знаю, что люди в грязи и крови рождаются на свет, сколько-то там лет мордуются на земле, а потом умирают, их зарывают в яму, и на этом конец. — И, спохватившись, добавил: «По крайней мере так я думал до сих пор».

«Да и трудно думать иначе, если не имеешь никакого представления о том, каково истинное положение дел. По твоему разумению, приходит на свет человек или рождается ребенок, потом он живет и умирает, и на этом все. Но дело обстоит совершенно иначе. Об этом я и собираюсь рассказать».

И вот что рассказал врач:

Земля в этой Вселенной — это лишь неприметный уголок, да и сама наша Вселенная — такой же неприметный уголок в гигантском водовороте других вселенных, бурлящих жизнью в самых разнообразных ее проявлениях и предназначениях. Но для людей значение имеет только то, что происходит с ними в данный момент. Все это похоже на школу. Вот рождается на свет ребенок. Со временем он усваивает от своих родителей различные навыки, обучается основам речи, перенимает их поведение, культуру. Затем, достигнув определенного возраста, ребенок идет в начальную школу и отсиживает положенные ему уроки, на которых вконец издерганный учитель безуспешно пытается утихомирить шалунов до последнего звонка. Первый школьный семестр мало что значит — так же, как и первая жизнь человека на Земле.

Шаг за шагом ребенок переходит из класса в класс, каждый из которых важнее предыдущего, до тех пор, пока ступени школьного образования не приводят его одна за другой к вершине личных достижений, какова бы она ни была — медицинское училище, юридический колледж или заурядный ученик слесаря. При этом неважно, чему именно человек учится или какие экзамены сдает. К слову сказать, некоторые слесаря зарабатывают побольше врачей. Положение, занимаемое человеком на Земле, — сплошная фикция. Совершенно неважно, кем были его родители. В последующей жизни имеет значение лишь то, КАКИМ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК СТАЛ. Высокообразованный джентльмен, преисполненный добра и благородства, может быть на Земле сыном простого слесаря. Другой, будь он хоть куратором музея, пользующимся всеми преимуществами

высокого рождения, может быть хуже свиньи по своим манерам или их отсутствию. Земные ценности ложны, совершенно ложны. Значение имеют лишь ценности, действующие после жизни.

На заре нынешнего Витка цивилизации, когда всем безраздельно правил грубый примитив, человек постигал житейскую науку, круша дубиной чужие головы, чтобы уберечь собственную. Иногда противоборство разгоралось между простецами-крестьянами или батраками, иногда — между высокородными рыцарями в королевских дворцах. Но как и когда тебя убивали — неважно. В любом случае ты умирал и переходил в иную жизнь.

Однако по мере того, как мир на этом Витке бытия обретает все большую зрелость, выпадающие на долю человека стрессы и перегрузки становятся все более изощренными. Один занимается бизнесом, и на его голову обрушивается вся ненависть, зависть и мелочность конторской жизни, вся беспощадность конкуренции в драке за покупателя автомобилей или страховых полисов. И так происходит в любом другом ремесле или профессии, где присутствует конкурентная борьба. В современном обществе не принято проламывать ближнему голову. Вместо этого надлежит вежливо всадить ему нож в спину. Скажем, если вы, писатель, невзлюбили по какой-то причине своего собрата по перу, то сговоритесь с парочкой других писателей и сообща подставьте свою жертву. Выдвиньте против нее кучу вздорных обвинений, подключите к делу какого-нибудь резвого газетчика, заплатите ему кругленькую сумму, а если он не дурак выпить, тогда поите и кормите его до отвала, и тогда он настроит статейку о вашем недруге, а другие писаки и репортершники — вот уж гнусное ремесло — заглотают наживку и не пожалеют сил, чтобы совсем угробить писателя, которого сами не читали и о котором слыхом не слыхивали. И все это называется цивилизацией».

Доктор немного помолчал: «Надеюсь, тебе все это понятно. Если же нет, то лучше останови меня. Я просто должен что-то тебе преподать, а то, похоже, ты в своей земной жизни так ничего и не усвоил».

Молигрубер только молча кивнул — в голове была полная сумятица, и доктор продолжил:

«После того, как в астральном мире будет определено, что требуется усвоить человеку, для него подбираются обстоятельства рождения и подходящие родители. И как только муж и жена на Земле выполнят то, что им положено, пребывающая в астральном мире сущность полностью готова к рождению, «умирает» для астрального мира и перемещается в мир земной в облике новорожденного младенца. Шок, испытываемый приходящим на свет ребенком, почти всегда столь силен, что он начисто забывает о своей прежней жизни, и потому от людей часто приходится слышать: «А я не просился родиться на свет, и нечего меня за это винить!»

Свой смертный час на Земле человек встречает, придя к определенному уровню постижения, возможно даже получив некоторое представление о метафизике, и таким образом обретает познания, которые пригодятся ему в следующем мире. Что до тебя, Молигрубер, то ты, судя по всему, редкостный невежда в том, что касается жизни после смерти, а посему слушай внимательно».

Если человек успел прожить на земном трехмерном уровне лишь несколько считанных жизней, то, когда он покидает Землю или, как ошибочно принято считать, «умирает», его астральное тело или душа — назовем ее как угодно — попадает в низший астральный мир, отвечающий познаниям вновь прибывшей особы. Ведь когда подросток или взрослый человек слабоват в науках, то ему прямая дорога в вечернюю школу, ибо если он не получит приличного образования, ему вовек не выбраться из низов общества. Точно так же обстоит дело и в астральных мирах, которым несть числа. Каждый из них отвечает тому или иному типу личности. Здесь, в низшем астральном мире четвертого измерения, тебе предстоит узнать основы метафизики, научиться мысленно сотворять для себя одежду, пищу и все необходимое. А еще тебе предстоит отправиться в Зал Памяти,

где ты увидишь все, что сделал в минувшей жизни, и сам станешь собственным судьей. И не побоюсь сказать, что нет на свете более строгого судии, чем собственная Высшая сущность человека. Высшую сущность можно уподобить душе. Словом, в данной сфере бытия существует около девяти «измерений». Придя в конечном итоге к своему девятому воплощению или Высшей сущности, личность готова к восхождению в высшие сферы и постижению более высоких истин. Люди или сущности всегда устремлены вверх, подобно тянущимся к свету растениям.

Наш мир принадлежит к низшему астралу, и здесь тебе предстоит усвоить множество уроков. Ты отправишься в школу, где многое узнаешь о жизни на Земле и жизни в астрале. В дальнейшем ты сам будешь решать, какие уроки тебе нужны более всего. А когда все будет четко определено, ты сможешь вернуться на Землю к подходящим родителям, и есть надежда, что на сей раз у тебя будет больше возможностей занять более высокое положение в земном обществе, — я говорю о более высоком положении души, а не о принадлежности к высшему классу общества. Есть надежда, что в грядущей жизни ты сумеешь многому научиться, так что, снова покинув свое земное тело, ты вернешься не сюда, а взойдешь на одну, две, а то и три ступени выше этого «уровня».

Чем выше ты поднимаешься по ступеням астральных уровней, тем интереснее обретаемый тобою опыт и тем меньше страданий выпадает на твою долю, однако ко всему этому следует подходить осторожно, постепенно и без лишней спешки. К примеру, окажись ты вдруг в астральном мире, расположенном двумя-тремя ступенями выше нашего, тебя бы попросту ослепили яркие эманации, исходящие от Стражей того мира, поэтому чем скорее ты постигнешь то, что должен постигнуть, тем скорее сможешь вернуться на Землю и подготовить себя к более высокой ступени.

Представим, что трехмерную Землю, откуда совсем недавно прибыл и ты сам, покинул некий в высшей степени добродетельный человек. Если ему присуща подлинно высокая духовность, то он может подняться двумя-тремя ступенями выше, не встретив там такого сурового приема, как тот, с каким ты столкнулся на этом уровне. Скажем, чтобы подкрепиться, ему не пришлось бы рисовать в воображении различные блюда. Его телесная сущность впитывала бы всю необходимую ей энергию из окружающей среды. Тебе это тоже по силам, но ты пока несведущ в такого рода вещах и ничего не смыслишь в духовности, разве что способен признать тот факт, что до сей поры не верил в существование жизни после смерти. На том уровне, где ты сейчас находишься, обитает великое множество тех, кто подобно тебе не верил в жизнь после смерти, и здесь они именно для того, чтобы узнать, что такая жизнь есть!

В дальнейших инкарнациях ты будешь восходить все выше и выше. С каждым разом, умирая в земном мире и возрождаясь в мире астральном, ты будешь подниматься на более высокую ступень, а промежутки между очередными инкарнациями будут становиться все более продолжительными. Взять хотя бы твой случай. Допустим, уволили тебя на Земле с работы. Ну, в твоём ремесле никогда не было недостатка в вакансиях, и уже на другой день ты мог бы получить аналогичную работу. Зато будь ты профессором или чем-нибудь в этом роде, тебе пришлось немало потрудиться, чтобы найти подходящую работу, да и вряд ли она нашлась бы так скоро. Так и здесь. С того уровня, где ты находишься сейчас, тебя могут отправить на Землю через месяц-другой, но попадая на более высокие уровни, человек нуждается в более длительном отдыхе, чтобы восстановить силы после выпавших на его долю психических нагрузок».

Тут Молигрубер, резко выпрямившись, перебил собеседника: «Ну, док, все это мне пока не по зубам, так что придется основательно засесть за науку. А можно отсюда разговаривать с людьми на Земле?»

Доктор помолчал, не сводя с него пытливого взгляда: «Если речь идет о достаточно неотложном деле, то да, при определенных условиях и обстоятельствах с этого уровня можно вступить в контакт с обитателем Земли. А в чем дело?»

Не зная, куда девать руки, Молигрубер смущенно потупился, повертел пальцами и

наконец выпалил: «Это все тот балбес, которому досталась моя старая тележка. Не нравится мне, как он с ней обращается. Я-то за ней смотрел, наждаком надраивал, она у меня чистенькая была, как игрушка. А этот мужик вывозил ее в дерьме. Вот я и хотел сказать начальнику конторы, чтобы он надавал тому типу хороших пинков сами знаете куда».

Вконец ошарашенный доктор возразил: «Но друг мой, именно этому тебе и следует научиться — не прибегать к насилию и не осуждать ближнего. Слов нет, весьма похвально, что ты так старательно ухаживал за своей тележкой, но ведь может же другой человек проводить свое время, как ему заблагорассудится. Само собой, ни о каком контакте с начальником ради такой чепухи не может быть и речи. Лучше бы тебе совсем забыть о прежней земной жизни. Ты ведь уже не там, а здесь, и чем скорее ты постигнешь эту жизнь и этот мир, тем скорее продвинешься вперед, ибо здесь твоя единственная задача — учиться с тем, дабы тебя можно было отправить на Землю в новой, высшей ипостаси».

Молигрубер растерянно забарабанил пальцами по коленям. Доктор не без любопытства наблюдал за ним, недоумевая, как это обитатели Земли могут, прожив немало лет, оставаться все той же «душой в брэнной оболочке», едва осознавая, что творится вокруг них, ничего не ведая ни о прошлом, ни о будущем. Наконец он прервал молчание: «Ну, а теперь что?» Молигрубер, вздрогнув, поднял глаза: «Да я все раздумываю о том о сем и вообще-то понимаю, что умер. Так вот, если я умер, тогда почему я вроде как из плоти и крови? Я-то думал, что стал привидением. А привидению полагается быть прозрачным, что струйка дыма».

Доктор рассмеялся: «Ох, сколько раз мне уже задавали этот вопрос! Ответ куда как прост. В своем земном облике ты, в основном, состоишь из того же вещества, что и все другие люди, и потому друг для друга вы непрозрачны. Но если бы кто-нибудь — да хоть я сам — явился из астрального мира на Землю, то в глазах земных обитателей я был бы или совсем невидимым, или прозрачным. Но здесь мы с тобой состоим из одного материала, поэтому друг для друга мы обычные люди из плоти и крови, и вполне реальны все окружающие нас предметы. И запомни хорошенько, что, когда ты попадаешь на высшие уровни, частота твоих вибраций становится все выше, так что явись к нам сейчас кто-нибудь, скажем, с пятого уровня, то мы бы его просто не увидели. Будучи созданным из более тонкого материала, он был бы недоступен нашему взору».

Не в силах постигнуть все сказанное, Молигрубер в полной растерянности крутил пальцами.

Доктор промолвил: «Ты, похоже, так ничего и не понял».

«Нет, — ответил Молигрубер, — ровным счетом ничего».

Доктор вздохнул: «Ну хоть о радио ты должен что-то знать — ведь радио тебе приходилось слушать. Ты же знаешь, что приемник, работающий только в диапазоне АМ, не берет станций на FM, и наоборот. Вот тебе и ниточка в руки. FM — это высокие частоты, а АМ — низкие. Точно так же можно сказать, что мы на нашем уровне находимся в высокочастотном диапазоне, а обитатели Земли — в низкочастотном. Теперь-то ты должен понять, что на небесах и Земле есть много такого, о чем ты понятия не имеешь, но теперь ты здесь, и тебе предстоит кое-что узнать».

Молигрубер вдруг живо припомнил, как ходил в воскресную школу — правда, всего раз или два, но что-то в памяти все же осталось. В конце концов он оставил в покое пальцы и поднял глаза на собеседника: «А это правда, док, что в раю самым что ни на есть праведникам отведены места в первом ряду?»

Доктор безудержно расхохотался: «Силы небесные, и приходит же людям в голову такая чушь. Да ничего подобного. О человеке судят не по тому, к какой он принадлежит религии, а по тому, что у него на душе. Творит ли он добро ради самого добра или ради того, чтобы ему это зачлось после смерти? Вот вопрос, на который надо уметь дать ответ. Покинув земной мир, люди поначалу видят и испытывают все то, что вписывается в их

представления о загробной жизни. Скажем, если ревностный католик воспитан на образах ангельских чертогов, где звучит небесная музыка, и сонмы святых играют на арфах, то, расставшись с земной жизнью, он именно это и увидит. Но едва он осознает, что все это — не более чем декорации, словом, чистая видимость, ему тотчас открывается Подлинная Реальность, и чем скорее он ее увидит, тем лучше для него». Он помолчал, не сводя пристального взгляда с Молигрубера. «Вообще-то людям вроде тебя присуща одна замечательная черта — у них нет никаких ложных представлений о том, что они могут здесь увидеть. У многих людей твоего склада разум открыт, иными словами, их не назовешь ни верующими, ни неверующими, а это куда лучше, чем рабская приверженность какому-то одному религиозному учению».

Сосредоточенно сведя брови на переносице, Молигрубер немного помолчал, затем промолвил: «Да уж, когда я был еще пацаном, меня застращали до смерти. Мне все твердили, что если я не буду делать того, что велено, то прямиком отправлюсь в ад, где толпа чертей проткнет меня ВИ сами знаете куда раскаленными докрасна вилами, и мне будет очень больно. Но ведь если Господь так велик, если Господь — наш добрый и милосердный Отец, то как же Он может хотеть, чтобы нас веки вечные терзали и мучили? Вот этого я никак не возьму в толк!»

Доктор глубоко вздохнул и, чуть помедлив, ответил: «Да, пожалуй, это, самая большая трудность, с которой мы сталкиваемся. Людям внушаются ложные ценности, ложные истины о том, что человек попадает в ад, где подвергается вечному проклятию. В этом нет ни единого слова правды. Настоящий ад находится на Земле. Сущности отправляются на Землю для того, чтобы набираться опыта, большей частью через лишения и невзгоды, и постигать — опять же через лишения и невзгоды все то, что им надлежит постигнуть и усвоить. Земля — это обычно место страданий. Если человек находится на низшей ступени эволюции, то, как правило, он не обладает достаточной кармой, чтобы постигать те или иные уроки через страдания. Такие люди, находясь на Земле, обретают опыт из наблюдений за другими людьми, а уж затем возвращаются за своей долей невзгод. Но вне жизни на Земле никакого ада нет. Это пустая иллюзия, ложное учение».

«Тогда почему так много говорится о преисподней в Святом писании?» — поинтересовался Молигрубер.

«Да потому, — ответил доктор, — что во времена Христа была на свете такая деревушка с названием Ад. Находилась она далеко в горах, а поблизости от нее дымилась кипящая грязевая трясина, распространяя по всей округе жуткое зловоние сернистых газов. Заподозренного в каком-либо преступлении человека отправляли в эту деревушку, обрекая на испытание Адом со всеми его озерами бурлящей серной грязи. При этом считалось, что подлинный преступник непременно рухнет от нестерпимого жара на землю и сгорит дотла. Если же человек был невиновен или имел довольно денег, чтобы подкупить местных священнослужителей, тогда ему давали на ноги незатейливую обувь, чтобы он без вреда для себя мог пройти через трясину и с полным правом считаться невинным. Да и в наше время правосудие сплошь и рядом подкупается, ни в чем не повинных людей сажают в тюрьму, а преступники разгуливают на свободе».

«Не могу взять в толк еще одного, — не унимался Молигрубер, — мне говорили, что когда человек умирает, на Той Стороне его поджидают помощники, или как их там, которые помогают ему перебраться в Рай или Другое Место. Вот я вроде как умер, но никаких помощников не встречал. Сюда я добирался сам, как преждевременно родившийся младенец. Так как же насчет этих самых помощников?»

«Само собой, для тех, кто хочет получить такую помощь, помощники найдутся, — ответил доктор, — но если человек, к примеру ты сам, ни во что не верит, то не поверит он и в помощников. А если ты в них не веришь, то они не смогут приблизиться к тебе, чтобы оказать помощь. Вместо этого тебя окутывает густая черная мгла твоего собственного невежества, безверия и непонимания. Да, помощники разумеется существуют, и

они приходят, когда им это разрешено. Точно так же на астральных уровнях существования вновь прибывшего встречают давно ушедшие родители и родственники. Но наш с тобой уровень — низший, ближе всех расположенный к Земле, и здесь ты оказался именно потому, что ни во что не верил. И так как в силу этого невежества тебе будет очень трудно уверовать в существование высших уровней, ты находишься здесь, в месте, которое иногда называют Чистилищем. Это слово означает очищение, место, где оно совершается, и куда ты полностью не избавишься от своего безверия, путь наверх для тебя закрыт. А находясь на этом уровне, ты не можешь встретиться с теми, кто был добр к тебе в прежних жизнях, ибо они пребывают гораздо выше».

Молигрубер нервно поерзал на месте: «Да, похоже, в жизни я немало накуролесил. Что же теперь будет?» При этих словах доктор встал и дал знак Молигруберу последовать его примеру. «Сейчас ты отправишься в Зал Памяти, где тебе предстоит увидеть всю твою земную жизнь. Просматривая свои земные дела, ты сам будешь судить, в чем преуспел, в чем потерпел поражение, и тогда у тебя в душе зародится представление о том, в чем тебе надлежит совершенствоваться в следующей земной жизни. Идем же».

С этими словами он вышел в открывшийся в стене проем. Затем они с Молигрубером снова пересекли давешний огромный зал. Подойдя к сидящему за столом человеку, доктор обменялся с ним несколькими словами, затем вернулся к Молигруберу и сказал: «Теперь спускаемся вниз». Вместе они миновали длинный коридор и вышли на просторную поросшую травой лужайку, в дальнем конце которой возвышалось необычного вида здание, казалось, возведенное из цельного кристалла, сверкающего всеми цветами радуги и множеством иных оттенков, которым Молигрубер даже не сумел бы дать названия. Перед дверью они остановились, и доктор пояснил: «Это и есть Зал Памяти. Куда бы ни попал человек, покинув пределы земного уровня, он найдет такой зал на каждом из высших уровней. Войдя в зал, ты увидишь витающую в пространстве модель земного шара. По мере приближения к ней ты ощутишь как бы бесконечное падение, пока, наконец, не очутишься на Земле, имея возможность видеть все происходящее, но сам оставаясь невидимым. Ты увидишь все свои дела и поступки, а также то, как они сказались на других людях. Таков Зал Памяти. Кое-кто называет его Залом Суда, хотя само собой, там нет никакого грозного судии, который придирчиво судит каждое земное деяние человека, взвешивает его душу на чашах весов — не слишком ли она отягощена грехами, и если да, то повергает ее в вечный огонь. Ничего такого там нет. В Зале Памяти каждый видит себя сам и судит, была ли успешной его жизнь. Если же нет — то почему и как это можно поправить. Теперь же — и взяв Молигрубера за руку, доктор мягко подтолкнул его вперед, — я оставлю тебя здесь. Ступай в Зал Памяти и оставайся там сколько понадобится. А когда ты выйдешь, тебя встретит другой человек. Прощай».

С этими словами он зашагал прочь. А охваченный смутным страхом Молигрубер остался стоять, не ведая, ни что откроется его взору, ни как реагировать на увиденное. Он все не решался двинуться с места, застыв как изваяние подметальщика улиц, только без привычной тележки. Наконец, какая-то Сила мягко развернула его и подтолкнула к Вратам Зала Памяти. И Молигрубер вошел.

Вот так Леониде Мануэль Молигрубер ступил под сень Зала Памяти, где увидел всю историю жизни — и собственной, и всех прочих ипостасей своей единой сущности от самого начала времен.

Он многое постиг, многому научился, разобрался в совершенных ошибках и узнал, к чему следует готовить себя в будущем. И неведомыми на Земле путями его познания неизмеримо расширились, характер прошел своеобразное очищение, а спустя некоторое время — дни, недели, а может, месяцы — Леониде Мануэль Молигрубер покинул Зал Памяти, после чего с помощью нескольких советников приступил к планированию своего возвращения на Землю с тем, чтобы исполнив свое задание в следующей жизни, он смог вернуться на гораздо более высокий уровень астрального бытия.

Глава 7

Болезненно схватившись за грудь, великий президент бессильно откинулся на спинку роскошного вращающегося кресла. Опять эта боль, эта бешеная грызущая боль, от которой грудь словно сдавливали безжалостные тиски. С трудом переведя дух, он стал лихорадочно соображать, что делать. Немедля вызвать врача и ехать в госпиталь или можно еще повременить?

Мистер Хоги МакОгуошер, президент компании «Блестящая безделушка», страдал тяжким недугом, сродни тому, что свел в могилу его отца. Основанная отцом фирма процветала как никогда, и Хоги не раз жалел, что старик этого не видит. Однако теперь и сам Хоги мешком осел в кресле, вытряхивая из пузырька капсулы амилнитрата. Разломив их в бумажной салфетке, он почувствовал, как легкий дымок проникает в грудную клетку, принося временное облегчение. Впрочем, при его болезни на выздоровление рассчитывать нечего — боль покинет его только вместе с жизнью. Но амилнитрат давал хотя бы небольшую передышку, и на том спасибо. Понимая, что очень многое остается несделанным, он вспомнил о давно умершем отце, о том, как они, бывало, подолгу беседовали — скорее как два брата, чем как отец с сыном. Мельком взглянув в широкое панорамное окно с тонированным вверху стеклом, он припомнил, как у этого окна рядом с ним стоял отец, слегка приобняв его за плечи. Тогда, глядя на здание фабрики, отец сказал: «Хоги, сынок, в один прекрасный день все это станет твоим. Береги ее как зеницу ока, Хоги, и она тебя обеспечит до конца твоих дней». — С этими словами отец тяжело опустился в кресло и — как теперь сам Хоги — застонал от боли, схватившись за грудь.

Хоги искренне любил отца. Как-то раз он уселся на край громадного отцовского письменного стола, который посетителям казался и вовсе безбрежным, — прекрасно отполированного резного стола работы старого европейского мастера — и спросил: «Не пойму, откуда у нас такая странная фамилия, папа? Меня многие спрашивают, а я ничего не могу ответить. Сегодня у тебя выдалась свободная минутка, заседание Совета директоров прошло удачно, вот и расскажи, что было до того, как ты приехал в Канаду».

Папаша МакОгуошер откинулся на спинку кресла — того самого, в котором теперь сидел Хоги, — и закурил толстую гаванскую сигару. Уютно попыхивая дымком и закинув ноги на стол, он сложил руки на внушительном животе и начал: «Ну что ж, сынок, мы были выходцами из Верхней Силезии, что в Европе. Вообще-то мы были иудеями, но нам с твоей мамой сказали, что даже в Канаде иудеев крепко притесняют, и тогда мы с мамой сказали, хорошо, мы это быстренько уладим, мы станем католиками — у них и денег куры не клюют, и несметная рать святых, которые о них заботятся. И вот мы с твоей мамой подумали-погадали насчет разных всяких фамилий — какую себе выбрать, и тогда я вспомнил двоюродного брата дяди твоей матери. Хороший был человек, и на жизнь хорошо имел. Он был таким же евреем, как мы с тобой, и делал большие деньги на мытье свиней. Он их - таки здорово мыл от хвоста до рыла, отскребал дочиста, даже бензином драил, и они выходили из его рук чистенькими, розовенькими — все равно что попка у младенца. И судьи всегда говорили, ну, этот кабанчик мог побывать в руках только одного человека — красавчик хоть куда». — Тут отец Хоги спустил ноги со стола, не спеша взял особый нож с острием в виде наконечника копья, отрезал кончик погасшей было сигары, и убедившись, что она снова задымила как следует, продолжил:

«Так вот, — говорю я жене, — вот что мы сделаем, назовемся Огуошерами — вполне приличное имя для Америки. У них там хватает забавных фамилий. — Он помолчал, задумчиво пожевав сигару. — А моя хозяйка говорит, что надо бы фамилию как-то украсить, чтобы она звучала совсем по католически. Давай-ка прибавим к ней приставку Мак, вроде как мы ирландцы. Ирландцы сплошь и рядом лепят эту приставку к своим фамилиям, и благодаря этому погромщики обходят их стороной. Тогда я говорю себе и говорю жене, так мы и сделаем, назовемся МакОгуошерами и заделаемся

настоящими католиками».

Старик снова умолк, размышляя о чем-то своем. Хоги всегда безошибочно узнавал, когда отец впадал к задумчивость, по тому, как неизменная сигара то и дело перекатывалась из одного уголка его рта в другой. Чуть погодя, выпустив огромное облако дыма, отец заговорил снова. «Рассказал я обо всем этом друзьям, а те говорят, что святых хоть пруд пруди, и потому надо обзавестись собственным святым покровителем, как это принято у ирландских католиков. А я не знал, какого святого выбрать, — я с этой публикой ни разу и словом не обмолвился. Вот мой приятель и говорит, слушай, тебе так нужен свой святой? Тогда лучшего патрона, чем святой Люкр*, тебе не найти».

*Lucre (англ.) — презренный металл, чистоган. — *Прим. перев.*

Хоги изумленно воззрился на отца: «Но папа, я никогда не слышал о таком святом. Когда я учился в семинарии, монахи преподали нам целую науку о святых, но о святом Люкре не было сказано ни слова». «Да, малыш, — согласился папаша МакОгуошер, — теперь я расскажу, откуда у святого взялось такое имя. Мозес, говорит мне мой приятель, ты вечно гонишься за наживой, ты сам не раз говорил, Мозес, что деньги не пахнут, но говорят, что ты даже из навоза деньги делаешь. Так какой святой тебе еще нужен, Мозес, как не святой Люкр?»

Новый приступ боли острыми когтями впился в грудь, заставив Хоги содрогнуться. На какой-то миг ему показалось, что он умирает — беспощадная сила сдавила грудную клетку, выжимая последний воздух из легких, но он опять вдохнул амилнитрат, и боль понемногу отступила. Осторожно шевельнувшись, он понял, что главный приступ миновал, но все же решил устроить себе недолгую передышку, отложить в сторону дела и поразмышлять о прошлом.

И снова на память пришел отец. Много лет назад он начал свой бизнес, что называется, на голом месте. Верхнюю Силезию родители покинули после очередного ежегодного погрома и приехали иммигрантами в Канаду. Сразу же выяснилось, что для папаши Мозеса работы нет, и какое-то время он батрачил на фермах, хотя дома учился на ювелира. Однажды на глаза ему попался другой батрак, который вертел в пальцах небольшой камешек с высверленным в нем отверстием. На недоуменный вопрос он ответил, что игра с камешком помогает ему быстро успокоиться, и он всегда держит его при себе. Когда хозяин бранит его за тупость или неповоротливость, он достает свой камешек и в душе понемногу наступают покой.

Много дней этот камешек не выходил из ума отца Хоги, и наконец он принял великое решение. Он собрал все деньги, какие мог, влез в долги, сам тянул лямку, как раб, лишь бы побольше заработать, и со временем открыл свою маленькую компанию под названием «Блестящие безделушки». Они выпускали небольшие, совершенно бесполезные вещицы, покрытые мишурной позолотой, а людям казалось, будто такая безделка в кармане приносит в душу покой и умиротворение. Однажды приятель спросил его: «Что ЭТО за штуковина такая, Мозес, какой от нее толк?»

И Мозес ответил: «Хороший вопрос, дружище. Что такое блестящая безделушка? Этого никто не знает, но все хотят знать и не жалеют денег, чтобы купить и разобраться. Никто не знает, что это такое. Никто еще не придумал, к какому делу ее приспособить, но мы трубим на весь свет «НОВИНКА, НОВИНКА, НОВИНКА», и обладать такой вещицей стало престижно. Мы даже гравировем на ней инициалы владельца — само собой, за отдельную плату. Не забывай, что здесь, на американском континенте, публика вечно требует чего-нибудь новенького. Все старое мигом отправляется на свалку. А мы подбираем это старье, покрываем позолотой, чтобы бросалось в глаза, и рекламируем как последний крик моды с гарантированным таким-то эффектом. Само собой, ничего такого эта вещица не делает. Весь секрет в покупателе, в том, что он о ней думает. Даже если клиент считает, что от нее никакого проку, ему не хочется признавать, что его облапошили, и он сам начинает продавать ее всем подряд, чтобы и другие ходили в таких

же дураках, как он сам. Что до меня, то я на этом сколотил недурной капиталец».

«Силы небесные, Мозес, — воскликнул его приятель, — только не говори мне, что продаешь доверчивой публике никуда не годный ХЛАМ!»

Мозес МакОгуошер приподнял седые брови в притворном ужасе: «Боже меня избавь, как ты мог подумать, что я стану надувать почтенную публику? Разве я мошенник?»

Приятель не удержался от смеха: «Каждый раз, встречая католика с именем Мозес, я задаюсь вопросом, что заставило его выкреститься из иудеев в католики».

От души посмеявшись шутке, старый Мозес поведал другу историю своей жизни, — как он открыл свое дело в Верхней Силезии, как пользовался доброй репутацией за высокое качество работы, деловую порядочность и низкие цены, и тем же веселым тоном добавил: «И все полетело в тартарары. Пришли русские и все забрали, пустили меня по миру, выгнали из собственного дома, а ведь я был честным человеком, не мошенничал и не продавал подделок. Ну, покрутился я туда-сюда, начал без зазрения совести продавать втридорога всякую дребедень и за это стал уважаемым человеком! Посмотри на меня теперь — у меня свой бизнес, своя фабрика, свой кадиллак и даже свой святой покровитель св. Люкр!» Все еще смеясь, он подошел к небольшому стенному шкафчику в углу кабинета, неторопливо открыл дверцу и так же неторопливо подозвал приятеля: «Kommen Sie hier».

Приятель живо вскочил на ноги и весело заметил: «Не на том ты языке говоришь, Мозес. Теперь тебе немецкий ни к чему, и как канадский гражданин, ты должен сказать "Опрокинь-ка рюмочку, дружище"».

Он подошел поближе — туда, где соблазнительно манила к себе чуть приоткрытая Мозесом дверца. Тут она внезапно распахнулась настежь, и его взгляду открылся небольшой постамент черного дерева. На нем возвышался отлитый из чистого золота символ доллара, над которым сиял такой же золотой ореол. При виде его оторопелой физиономии Мозес расхохотался. «Это и есть мой святой, мой св. Люкр. Оно конечно, деньги — презренный металл. Так вот, мой святой — это доллар чистоганом».

К этому времени Хоги заметно полегчало. Нажав кнопку селектора, он вызвал секретаршу: «Зайдите ко мне, мисс Уильяме. — В кабинет вошла очень деловая на вид молодая женщина и молча присела у края стола. — Пригласите моего адвоката, пусть придет. Пожалуй, мне пора составлять завещание».

«О, мистер Хоги, — встревожилась секретарша, — да на вас лица нет. Может, лучше вызвать доктора Джонсона?»

«Нет, нет, дорогуша, — возразил Хоги. — Просто я немного переутомился, а лишняя предосторожность не помешает. Так что позвоните адвокату и попросите его явиться ко мне завтра в десять утра. А на сегодня все». Он жестом отпустил секретаршу, и она вышла из кабинета, гадая, не овладело ли Хоги МакОгуошером предчувствие близкой смерти или еще какой беды.

А Хоги вернулся к размышлениям о прошлом и будущем, как, должно быть, не раз сживал и его отец. Покружив немного над словами мисс Уильяме, его мысли исподволь вернулись к жизни Папаши МакОгуошера. Мисс Уильяме как-то рассказывала Хоги, что зайдя однажды в кабинет, увидела Папашу МакОгуошера, угрюмо сидящего за своим столом. Он молча глядел в небо, на стремительно пролетающие над фабричными корпусами облака, затем, неловко шевельнувшись, испустил глубокий тяжкий вздох. Мисс Уильяме испуганно замерла, решив, что старик при смерти. «Мисс Уильяме, — произнес он, — немедленно вызовите машину. Велите шоферу подъехать к входной двери, я поеду домой». Мисс Уильяме молча кивнула, и Папаша МакОгуошер откинулся на спинку кресла, сложив руки на животе. Открыв немного погодя дверь кабинета, мисс Уильяме совсем встревожилась при виде сгорбившегося за столом хозяина. «Машина у подъезда, сэр, — сказала она, — помочь вам надеть пальто?» Чуть пошатнувшись, старик встал на ноги: «Ой, ой, мисс Уильяме, что я, по-вашему, совсем уже развалина?»

Секретарша улыбнулась и молча подала ему пальто. Он неловко сунул руки в рукава, а она аккуратно обдернула на нем пальто и застегнула пуговицы. «Ваш портфель, сэ. Я ни разу не видела вашего нового «кадиллака». Можно я провожу вас до машины?» Старик что-то одобрительно буркнул, и они вместе дошли до лифта и вниз.

Затянутый в униформу шофер пружинисто выпрямился и быстро открыл дверцу. «Нет, сынок, нет, нет. Сегодня я сяду впереди, рядом с тобой», — возразил старик, усаживаясь на переднее сиденье. Махнув рукой мисс Уильяме, он наконец устроился поудобнее, и машина тронулась с места.

Мистер МакОгуошер Старший жил в отдаленном пригороде, милях в двадцати пяти от офиса, и пока машина сквозь потоки транспорта выбиралась из центра на окраину, он с любопытством глядел по сторонам — так, словно все видел впервые. Прошло не меньше часа — что поделаешь, транспортные пробки — прежде чем машина остановилась перед усадьбой МакОгуошера. Миссис МакОгуошер уже стояла в дверях, так как мисс Уильяме, как и положено хорошей секретарше, успела ей позвонить и предупредить, что боссу нездоровится.

«Ах, Мозес, Мозес, я так за тебя сегодня беспокоилась, — сказала миссис МакОгуошер, — ты слишком много работаешь, пора устроить себе каникулы. Ты слишком поглощен делами компании».

Отпустив шофера, старый Мозес устало переступил порог. Это был дом человека богатого, но не отличающегося хорошим вкусом. Бесценные раритеты и дешевые современные поделки стояли в нем бок о бок, образуя такую немыслимую мешанину старого и нового, присущую старым евреям, выходцам из Европы, что вместо лавки старьевщика получился вполне привлекательный интерьер.

Миссис МакОгуошер взяла мужа за руку: «Пойдем, присядем, Мозес, у тебя такой вид, будто ты вот-вот свалишься с ног. Я, пожалуй, пошлю за доктором Джонсоном».

«Нет, нет, мама, нет. Прежде чем приедет доктор Джонсон, нам надо поговорить», — возразил Мозес. С этими словами он сел и в глубокой задумчивости охватил голову руками.

«Мама, — произнес наконец Мозес, — помнишь нашу Старую Веру? Иудейская вера — вот вера нашей семьи. Как же мне теперь не позвать раввина и не потолковать с ним? Мне очень во многом надо разобраться».

Жена осторожно положила в приготовленный коктейль кубики льда и подала ему стакан. «Но как же мы вернемся в иудейство, если мы стали добрыми католиками, Мозес?» — спросила она. Старик неторопливо обдумал ее слова, попивая свой вечерний коктейль, и, наконец, сказал: «Ну, ну, мама, когда слетает последняя штукатурка, нечего возводить ложный фасад. Мы не можем вернуться в землю наших отцов, но вернуться в старую веру можем. Думаю, мне пора повидаться с ребе».

На этом разговор до поры и закончился, но за ужином старик вдруг со стуком выронил вилку и нож и, задыхаясь, стал сползать со стула.

«Ну, нет, Мозес, с меня довольно, — воскликнула жена, бросаясь к телефону. — Я сейчас же звоню доктору Джонсону».

Быстро пробежав пальцами по клавишам, она нажала кнопку вызова. Новейшее электронное чудо тихонько пожужжало, отыскивая домашний телефон доктора Джонсона. Спустя мгновение в трубке послышался чей-то голос, и миссис МакОгуошер сказала: «Доктор Джонсон, приезжайте скорее, мужу совсем плохо, опять приступ грудной жабы». Доктор, зная, что имеет дело с богатым пациентом, не колебался ни минуты: «Хорошо, миссис МакОгуошер, я буду через десять минут». Женщина положила трубку и, вернувшись к мужу, присела на ручку его кресла.

«Мама, мама, — промолвил старик, держась обеими руками за грудь, — помнишь, как мы приехали из Старого Света? Помнишь, как мы плыли самым дешевым классом, как скот в загонах? Мы с тобой тяжело работали, мамочка, и ты, и я, в жизни нам крепко досталось, и теперь я уже не знаю, правильно ли мы поступили, став католиками. По

рождению мы иудеи и должны ими оставаться. Думаю, мы должны вернуться в Старую веру».

«Но мы не можем этого сделать, Мозес, просто не можем. Что скажут соседи? Нам этого никогда не простят. Не лучше ли нам поехать куда-нибудь на отдых, и там ты немного поправишься. Надеюсь, доктор Джонсон подыщет нам сиделку, которая станет за тобой ухаживать». Раздавшийся звонок сорвал ее с места. Горничная уже спешила к двери, и спустя пару минут доктора Джонсона провели в комнату.

«Ну, ну, мистер МакОгуошер, — бодро приветствовал его доктор, — что с нами такое? Боли в груди? Должно быть, очередной приступ стенокардии — один из первых ее симптомов, знаете, — ощущение близкой смерти».

Миссис МакОгуошер печально кивнула. — «Да, доктор, последнее время он только о том и думает, что больше не продержится, вот я и решила срочно вызвать вас».

«И правильно, миссис МакОгуошер, правильно, для того мы и здесь, — согласился доктор. — Давайте-ка уложим его в постель и хорошенько осмотрим. У меня с собой портативный кардиограф, так что сделаем кардиограмму на месте».

Вскоре старый Мозес уже лежал на огромной двуспальной кровати, укрытый пестрым стеганым на старый европейский манер одеялом. Немного погодя доктор тщательно осмотрел больного, становясь все мрачнее, и, наконец, изрек: «Боюсь, некоторое время вам придется полежать в постели. Вы очень больны, работаете на износ, не щадя себя, а в вашем возрасте это непозволительно». С этими словами он закрыл кардиограф, убрал стетоскоп и вымыл руки в шикарно отделанной ванной комнате. Затем, обменявшись рукопожатием с пациентом, он вместе с миссис МакОгуошер спустился по лестнице в холл. И только внизу, поманив к себе миссис МакОгуошер, он тихонько шепнул: «Мы можем поговорить где-нибудь наедине?» Она провела его в кабинет хозяина дома и закрыла дверь.

«Миссис МакОгуошер, — сказал доктор, — боюсь, ваш супруг тяжело болен и не сможет выдержать малейшей нагрузки. Как ваш сын Хоги? Он все еще в колледже?»

«Да, доктор, — ответила миссис МакОгуошер, — он в колледже Бэлли Оул. Если вы сочтете нужным, я тотчас ему позвоню и попрошу приехать. Он славный мальчик, очень славный».

«Да, — заметил врач, — я это знаю. Мы с ним не раз виделись. Но сейчас, полагаю, ему следует приехать, чтобы повидаться с отцом — как бы не в последний раз. Хочу подчеркнуть, что ваш муж нуждается в тщательном круглосуточном уходе, и позаботиться об этом предоставьте мне. Я могу прислать к вам сиделок».

«О, да, доктор, разумеется, это мы можем себе позволить. Мы сделаем все, что вы посоветуете».

Доктор поджал губы, прихватив их большим и указательным пальцами и, задумчиво скосив глаза на кончик носа, произнес: «Я бы, разумеется, предпочел, чтобы он лежал в моей лечебнице — там бы ему был бы обеспечен безупречный уход, но в данный момент я побаиваюсь, что транспортировка может ему повредить. Так что придется лечить его дома. Я пришлю сиделку, которая пробудет здесь восемь часов, затем ее сменит другая, а завтра в восемь утра я первым делом явлюсь к нему. Сейчас я выпишу рецепты и распорядюсь, чтобы аптека прислала лекарства с посылным, а вы строго соблюдайте все мои предписания. Желаю здравствовать, миссис МакОгуошер». Доктор неторопливо направился к двери, и пройдя через гостиную, вышел к машине.

Некоторое время миссис МакОгуошер сидела в полной растерянности, схватившись за голову. От невеселых раздумий ее отвлекло появление горничной: «Хозяин зовет вас, мэм». И миссис МакОгуошер заторопилась по лестнице наверх.

«Почему еще не позвали ребе, мамуля? — спросил он. — Он мне нужен побыстрому. Мне с ним о многом надо потолковать и, может быть, все приготовить к тому, чтобы мой сын или старый друг прочитал Каддиш».

«Ой, вей, Мозес! — воскликнула жена. — Так ты в самом деле хочешь позвать

ребе? Не забывай, что ты добрый католик. Как мы объясним соседям, что ни с того ни с сего обратились в иудейскую веру?»

«Но разве могу я умереть с миром, мамуля, не зная, прочтет ли кто-нибудь надо мной Каддиш?»

Миссис МакОгушер немного постояла, подумала и, наконец, произнесла: «Теперь я знаю, как все сделать. Мы позовем ребе в гости как доброго друга, а когда он уйдет, позовем католического священника, и так выкрутимся перед обеими религиями и перед соседями».

От безудержного хохота у старика даже слезы выступили на глаза и прежняя боль снова выпустила когти. Немного успокоившись, он сказал: «Ой, вей, мамуля, что же, по-твоему, я был так плох, что теперь нуждаюсь в защите двух религий, чтобы наверняка заручиться заступничеством на Небесах? Ладно, мамуля, пусть так и будет, но первым делом пусть поскорее придет ребе, а уж потом католический священник. Так мой уход в иной мир окажется сразу под двойной защитой».

«Я уже позвонила Хоги, Мозес, — сказала миссис МакОгушер, — сказала, что тебе немного нездоровится, и попросила приехать на денек-другой, чтобы тебя порадовать. Он пообещал немедленно приехать».

Воспоминания о давно минувших днях настолько живо всплыли в памяти Хоги, что на какое-то время он позабыл о собственной боли. Он припомнил, как зябкой ночью проносился в огромной машине через города и поселки. Припомнил оторопелую физиономию выскочившего невесть откуда полисмена, который пытался остановить мчавшегося во весь опор Хоги, а затем пустился за ним в погоню на мотоцикле, но так и не догнал. Машина у Хоги была отличная, да и сам он был недурным водителем, А полисмен, должно быть, был новичком, так как вскоре безнадежно отстал.

Хоги вспомнил, как приехал в отцовский дом. Далеко на востоке только занимались первые проблески зари, расцветившая небо красными, голубыми и желтыми тонами. Тем же утром, передохнув лишь самую малость, чтобы отец не заметил, как его вымотала ночная гонка, он отправился к старику.

У лежащего на кровати папаши МакОгушера на голове красовалась ермолка, которую в определенных случаях надевают ортодоксальные иудеи. Его плечи его покрывала молитвенная шаль. При виде сына он слабо улыбнулся: «Хоги, сынок, я рад, что ты успел вернуться. Я иудей, а ты добрый католик. Ты свято веришь, что добро воздается сторицей, мой мальчик, поэтому я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Я хочу, чтобы ты прочитал надо мной Каддиш, нашу успокоительную молитву. Я хочу, чтобы прочитал ее ты, как было принято в старину. Это ведь не повредит твоим католическим убеждениям, сынок?»

Хоги заколебался. Он был ревностным католиком, безоговорочно верившим и в Святое Писание, и в святых, и во все прочее. Он свято верил, что на Папе Римском и всех прочих иерархах католической церкви почит Божественная благодать. Как же он, будучи истым католиком, вдруг обратится на какое-то время в иудаизм, веру своих отцов? Старик, не сводил глаз с сына, пристально следя за выражением его лица, и наконец с глубоким вздохом откинулся на подушки. «Ладно, сынок, не стану тебя смущать своими просьбами, но все равно я думаю, что все мы возвращаемся в Дом Отца нашего одним путем. И совсем неважно, что я иудей, а ты католик. Путь у нас один. Если жизнь прожита хорошо, то нам уготована за нее добрая награда. Но скажи мне вот что, сынок, — добавил он, слабо улыбнувшись, — почему католики сильнее страшатся смерти, чем все прочие? Чего ради католики так непримиримы к другим религиям и цепко держатся за то, что если ты не католик, то не видать тебе рая небесного, как своих ушей?» «Не иначе, как они загодя выкупили все билеты в рай», — не удержался от смеха старик.

Хоги со стоном взмолился: «Папа, папа, позволь мне немедленно пригласить священника. Если ты сейчас же обратишься в католическую веру, место на небесах тебе наверняка обеспечено. А так у тебя, как у иудея, нет никаких шансов, и ты попадешь

прямо в преисподнюю, как и тот старый писатель. Недавно священник застал меня за чтением одной его книжки, и наложил на меня суровую епитимью за одно только чтение книги этого типа Рампы. Помню, одна добрая католическая монахиня пролиwała над ним слезы сожаления и сказала, что ему прямиком уготована дорога в ад, как буддисту — подумать только, буддисту!»

Бросив на сына взгляд, полный сострадания и жалости, папаша МакОгуошер сказал: «Ты слишком долго был вдали от дома, сынок, и католическая вера въелась в тебя накрепко. Ну, да ничего, малыш. Я позову старого друга, который был мне дорог как родной сын. Вот он и прочтет надо мной Каддиш, чтобы не смущать тебя в вере».

К папаше МакОгуошеру приехал старый раввин, и они довольно долго беседовали наедине. Старик сокрушенно пожаловался: «Мой сын так изменился, что, пожалуй, уже перестал быть моим сыном. Он ни в какую не хочет читать надо мной Каддиш и даже слышать не хочет о нашей вере. Вот я их хочу попросить тебя, старый друг, прочти надо мной Каддиш».

Положив руки на плечи старого приятеля, раввин промолвил: «Само собой, я все сделаю, Мозес, но мой сын тоже очень достойный человек, и наверное будет лучше, если это сделает он, — он ведь почти ровесник твоему сыну. А я скорее принадлежу к одному с тобой поколению».

Немного поразмыслив, старый Мозес согласно кивнул: «Да, да, это хорошая мысль, ребе. Я согласен, и пусть твой сын, если захочет, прочтет надо мной Каддиш, как если бы он был моим сыном». Старик умолк, и на некоторое время в комнате воцарилась тишина. Затем он добавил: «Ребе, ты знаешь что-нибудь об этом писателе по имени Рампа? Тебе попадались в руки его книги? Мой сын говорит, что многим католикам было запрещено читать его книги. О чем там идет речь?»

Раввин рассмеялся: «Одну такую книжку я захватил с собой и для тебя, дружище. В ней много говорится о смерти, но человеку она приносит только ободрение и поддержку. Я даже попрошу тебя прочесть ее, ибо она вселит покой в твою душу. Я уже не одному человеку рекомендовал ее прочесть. Да, кое-что мне о нем известно. Этот человек пишет чистую правду. Его беспощадно травил пресса, вернее радио и телевидение. Несколько лет назад против него затеяли настоящий заговор. Сразу несколько газет обвинили его в том, что на самом деле он сын слесаря, хотя, насколько я знаю, это бессовестное вранье. Впрочем, я вообще не понимаю, что дурного в том, чтобы быть сыном слесаря, если уж на то пошло? Ведь принято считать, что их Спаситель Христос был сыном плотника, да и многие католические святые были выходцами из простонародья. Тот же святой Антоний был сыном свинопаса. Иные же и вовсе были обращенными в новую веру грабителями с большой дороги. Нет, этот человек пишет истинную правду. Мне, как раввину, многое доводится слышать. Я получаю множество писем. В этом человеке нет ни капли притворства, но кучка недоброжелателей облила его грязью, и с тех пор его травят без устали, а средства массовой информации ни разу не дали ему возможности оправдаться».

«А чего ради он должен оправдываться? — спросил Мозес. — Если его подставили, как это часто бывает, почему он сразу ничего не предпринял и к чему теперь ворошить старое?»

Помрачневший раввин ответил: «Когда его дом целыми тучами осаждали репортеры, он был прикован к постели коронарным тромбозом. Все думали, что он вот-вот умрет, а пресса вконец озверела, и никому не пришло в голову усомниться в ее выдумках. Но довольно об этом, займемся лучше тобой. Сейчас пойду, поговорю с сыном».

Дни шли за днями. Миновало три, четыре» пять дней, и на пятый день в комнату отца вошел Хоги. Старик лежал, безвольно откинувшись на подушки, глаза его были полузакрыты, нижняя челюсть отвисла на грудь. Хоги бросился было к отцу, затем, спохватившись, подбежал к двери и позвал мать.

Похороны Мозеса МакОгуошера были скромными, тихими, неприметными. Спустя три недели Хоги вернулся в колледж, чтобы завершить образование и продолжить отцовский бизнес.

Глава 8

Вздвогнув, как от удара, Хоги МакОгуошер рывком вернулся к действительности и тотчас упрекнул себя — это сколько же времени пропало зря? Да что там время — слепящая боль накатила с новой силой, и схватившись за грудь, он подумал, не уготован ли ему тот же конец, что и отцу.

Дверь в кабинет тихонько приоткрылась. Хоги удивленно поднял глаза. Это еще что такое? Неужто какой-нибудь грабитель явился обчистить офис? Что это за уловки? Дверь приоткрылась чуть шире, и возникшее в просвете лицо уставилось на него одним глазом — секретарша! Поймав взгляд хозяина, она вошла в кабинет, румяная от смущения: «О, мистер Хоги, я так за вас беспокоилась. Я дважды заходила в кабинет, а вы ничего не заметили. Я уже собиралась звонить врачу. Надеюсь, вы не подумали, что я за вами шпионю?»

Хоги добродушно улыбнулся. «Нет, милочка, я знаю, что шпионить вы не станете, и мне немного неловко, что я вас так встревожил. — И он чисто по-еврейски вопросительно поднял брови. — Ну? Вы что-то хотите спросить?»

Секретарша помедлила в нерешительности: «Мистер Хоги, в последние дни не только я, но и другие сотрудники заметили, что вам докучают сильные боли. Почему бы вам не пройти тщательное обследование, сэр?»

«А я уже обследовался — у меня стенокардия, словом, грудная жаба, так что, по-видимому, мне придется уйти с поста президента компании — если я до этого доживу. А посему я намерен назначить преемника. Возможно, завтра после обеда надо будет созвать Совет директоров, так что попрошу вас известить всех членов Совета».

Секретарша кивком подтвердила полученное распоряжение: «О, мистер Хоги, я так надеюсь, что все еще будет хорошо. Может, позвонить миссис МакОгуошер и предупредить, что вы едете домой?»

«Нет, нет, — возразил Хоги. — Жена и без того тревожится за меня, так что вызовите лучше шофера и велите подогнать машину к подъезду. А я тем временем сойду вниз и подожду в вестибюле. Пусть зайдет за мной, как только подъедет».

Лениво пробежав глазами по нескольким лежащим на столе бумагам, Хоги резким движением схватил их в охапку и запихнул в открытый сейф. Бросив взгляд на часы, он окинул глазами кабинет и запер сейф, после чего просмотрел содержимое ящиков стола, запер все до единого и не спеша спустился по лестнице в вестибюль.

Хоги жил в одном из новых пригородов, милях в восемнадцати от офиса. Это был довольно обширный, недавно застроенный район. По дороге домой Хоги удивленно смотрел на новостройки — прежде он их просто не замечал. По пути с работы и на работу он обычно сидел, уткнувшись носом в деловые бумаги, а теперь впервые в жизни просто глядел в окно на кипящую ключом жизнь и думал: пожалуй, скоро и я умру, как умер отец, а жизнь будет идти своим чередом без меня.

«О, Хоги, я вызову врача, — воскликнула миссис МакОгуошер. — Сейчас же позвоню ему. Лучше всего доктору Роббинсу. Он тебя знает, как никто». Она бросилась к телефону и вскоре связалась с секретаршей доктора. Поначалу в свойственной секретарям манере эта особа держалась весьма высокомерно: «О, доктор Роббинс очень занят, пусть ваш муж сам приедет на прием». Но миссис МакОгуошер отлично знала, как разговаривать с людьми такого сорта, и тотчас заявила: «Вот что, милочка, если до вас не доходят мои слова, то я немедленно позвоню жене доктора. Мы с ней близкие подруги».

Хоги тем временем сел перекусить и нехотя ковырял вилкой в тарелке. Есть совершенно не хотелось. Он неважно себя чувствовал и побаивался перегружать сердце

сытным обедом. «Пожалуй, пойду, прилягу, — сказал он, вставая из-за стола. — Думаю, доктор Роббинс приедет часа через два-три. Странный народ, эти нынешние медики. Сострадания к больному у них ни на грош — один гольф на уме, и чтобы вовремя поступали чеки». С этими словами он медленно с натугой стал подниматься по ступенькам. В спальне он порылся в карманах, выложил на тумбочку у кровати всю мелочь, затем аккуратно сложил снятую одежду и, надев свежую пижаму, — ведь придет врач! — улегся в постель. Какое-то время он просто лежал, размышляя о том, как почти в точности испытывает то, что довелось испытать его покойному отцу.

«Пресвятая Дева, Матерь Божия, — начал молитву Хоги, — пребудь с нами ныне и в час нашей смерти». В этот момент где-то в отдалении послышался звонок и вслед за ним торопливые шаги. Затем скрип открывшейся двери, приглушенный говор, и вверх по лестнице взбежала горничная. «Доктор приехал, сэр. Провести его наверх?»

«Что? Ах, да, проводите тотчас же».

Вошедший доктор лаконично поздоровался и, достав из кармана стетоскоп, тщательно прослушал всю грудную клетку больного. «Да, мистер МакОгуошер, — вымолвил он наконец, — приступ у вас нешуточный. Ну, да ничего, мы вас вытащим, нам не привыкать. Так что беспокоиться не о чем». И присев на край кровати, он повторил старую песню о том, что первейшим симптомом стенокардии является страх близкой смерти. «Что ж, рано или поздно все мы покидаем этот мир, даже врачи. Не родился еще врач, способный исцелить сам себя, так что все мы смертны, а смертей на своем веку я повидал достаточно. Но ваше время еще не пришло. В этом я уверен. — Он немного помолчал, поджав губы. — Вам, пожалуй, понадобится дневная и ночная сиделка. И вам будет спокойнее, и вашей жене, которая и без того крайне встревожена — кстати, совершенно напрасно — вашим состоянием. Если вы не против, сиделок я организую сам».

«Ах, доктор, — ответил Хоги, — лучше вас этого никто не сделает. Может быть, есть смысл устроить все так же, как было при отце, — две сиделки днем и одна ночью. Разумеется, я буду вам весьма признателен».

Некоторое время спустя в спальню Хоги поднялась сиделка. Раздраженно окинув взглядом эту угловатую мымру, он подосадовал, что ему не прислали хорошенькую медсестру с пышными формами. Впрочем, сиделка оказалась весьма деловитой и тотчас принялась наводить порядок в комнате, перевернув все вверх дном так, что бедняга Хоги уже не знал, на каком он свете. С этими женщинами всегда так, думал он, вечно умудряются так прибрать в доме, что после уборки ничего не найдешь. Делать нечего — когда ты болен, волей-неволей приходится с этим мириться.

Ночь не принесла желанного покоя. Приступы боли чередовались с приемом все новых лекарств, и, казалось, прошла целая вечность, прежде чем сквозь щели венецианских жалюзи просочились первые проблески зари. Более скверной ночи у него в жизни не было, подумал Хоги, и едва в спальню вошла жена, поспешил сказать: «Думаю, мне сегодня же надо повидать священника и исповедаться». Спустившись вниз, жена набрала телефон католического священника. После бурных словесных излияний, послышались наконец долгожданные слова миссис МакОгуошер: «Я так рада, отец мой, так рада. Муж тоже будет очень рад, если вы сможете его навестить».

Ближе к вечеру в дом пожаловал священник. Хоги выпроводил сиделку, и они остались наедине. «Могу заверить, мистер МакОгуошер, — сказал священник, — что вы всегда были безупречным католиком, и когда придет ваш последний час, вы вне всякого сомнения отправитесь на небеса, ведь вы так много добра сделали для Церкви. И я присоединяю свои молитвы к вашим». С этими словами он опустил на колени прямо посреди спальни и елейным голосом промолвил: «Помолимся вместе?»

Хоги согласно кивнул. Подобные вещи всегда приводили его в смущение. Ему вспомнился отец, старый добрый еврей, — которого он никогда не стыдился. Да и сам-то он кто такой, как не вероотступник, предавший религию своих предков? Он где-то читал,

что нельзя отречься от своей веры без достаточно веских оснований, а разве можно считать веским основанием положение в обществе!

Этой ночью Хоги долго лежал без сна, погрузившись в раздумья. Боль куда-то отступила, но недомогание как было, так и осталось. Где-то в глубине сердца затаилась странная пустота, и временами ему казалось, что оно БЬЕТСЯ НАОБОРОТ. Так он и лежал в темноте, глядя в ночное небо поверх деревьев, прикивших к окнам спальни. Он размышлял о жизни, размышлял о религии. Согласно преподанным ему догмам, Царство небесное оставалось бы для него за семью печатями, не стань он приверженцем учения Иисуса Христа. Он раздумывал над тем, что стало со всеми душами, обитавшими на Земле за многие тысячи лет до христианства, о многих миллионах тех, кто исповедует иные веры, — что стало с ними. Была ли хоть доля правды в том, что, не будучи католиком, нельзя попасть в Царство небесное? Так в этих размышлениях он и погрузился в глубокий спокойный сон.

Через несколько дней состояние Хоги заметно улучшилось. Врач не скрывал удовлетворения. «Ну, мистер МакОгушер, — пообещал доктор Роббинс, — совсем скоро я разрешу вам встать, и вы сможете отправиться на столь необходимый вам отдых. Вы уже решили, куда поедете?»

Хоги уже не раз задумывался над этим, но так и не мог прийти к окончательному решению. Куда же поехать? Собственно говоря, придавленный бесконечной усталостью, он и не хотел никуда ехать. Боль ослабела, но, сам не зная почему, он чувствовал себя не в своей тарелке — в глубине груди что-то по-прежнему надсадно ныло, не давая покоя. Правда, доктор сказал, что его дела пошли на поправку, да и сиделки твердят, что ему лучше. Даже преподобный отец, навестив его, сказал, что милостью Господней он выздоравливает.

Наконец наступил день, когда Хоги было разрешено встать с постели. Он надел уютный теплый халат и немного постоял у кровати, глядя в окно на проносящиеся мимо автомобили, на соседей, с любопытством глазевших из-за полуприкрытых занавесок. Однако что толку торчать в спальне, не лучше ли спуститься вниз.

Он медленно подошел к двери и не без труда открыл ее. Взявшись за ручку, он не сразу сообразил, что с ней делать — повернуть, толкнуть или потянуть на себя. Он немного постоял, пытаясь разобраться, как действует ручка, пока наконец случайно не повернул ее, и дверь открылась так стремительно, что он едва не упал навзничь.

Он вышел в выстланный пушистым ковром коридор, добрал до верхней площадки и ступил сначала на верхнюю ступеньку, затем ниже, еще ниже и еще. И вдруг болезненно вскрикнул. Боль, бешеная, слепящая, неумолимая! Он резко обернулся, ища за спиной убийцу, который всадил ему нож в спину, потерял равновесие и беспомощно рухнул на лестницу вниз головой.

К счастью, врач как раз входил в дом. К упавшему с лестницы Хоги со всех ног бросились и врач, и миссис МакОгушер, и горничная, столкнувшись у нижней площадки над неподвижно лежащим хозяином. Первым опомнился доктор — он быстро опустился на колени, распахнул халат, выхватил стетоскоп и приложил его к груди больного.

Схватив саквояж, он молниеносно открыл его — наш доктор был весьма предусмотрителен — и достал лежавшую наготове ампулу.

Перед глазами Хоги, словно в тумане, промелькнул вонзившийся в руку шприц. Резкая боль от укола — и он провалился в беспамятство.

Странное гудение, покачивание, толчки. Где-то в немыслимой дали невнятный говор. Хоги не мог понять, что происходит. Но тут вдруг надсадно взвыла автомобильная сирена, и открыв глаза, Хоги понял, что лежит в машине скорой помощи, крепко привязанный к носилкам. На соседнем сиденье неловко примостилась его жена. До чего же она расстроена, подумал он, заодно удивляясь, почему никто до сих пор не придумал более удобных сидений для друзей или родных пациента.

Затем его внимание переключилось. Странное дело, подумал он, на спусках ноги

оказываются выше головы, а на подъемах — наоборот, совсем как на качелях. Все вокруг приобрело какой-то необычный вид. Стоило машине остановиться перед светофором, как прохожие с нездоровым любопытством начинали заглядывать в окна. К тому же некоторых людей окружало странное сияние невиданных прежде цветов и оттенков. Не давая себе труда задуматься над причиной этого явления, он позволил мыслям свободно блуждать, переходя с одного предмета на другой. Перед машиной что-то лязгнуло, и нырнув в мрачный туннель, она резко затормозила. Водитель и санитар мигом выскочили и открыли дверцу. Сначала они помогли выйти жене, затем со стуком и грохотом вытащили носилки, что-то там подкрутили, и носилки приподнялись фута на четыре, превратившись в удобную каталку. Санитар буркнул жене Хоги: «Ступайте в контору и сообщите все необходимые сведения: номер страховки, возраст, диагноз, фамилию врача, номер карточки социального страхования, словом, все. Как только справитесь, приходите в палату XYZ». Санитары дружно взялись за носилки и покатали их вверх по длинному пандусу, — нечто похожее было и у Хоги на фабрике. Несмотря на тусклое освещение, они явно хорошо знали дорогу, резво катя носилки и здороваясь по пути с медсестрами и врачами.

Хоги лежал, робко поглядывая по сторонам, раздумывая то над тем, то над этим. Тут носилки остановились, и краешком глаза он заметил, что санитар жмет на кнопку, должно быть, лифта — да, так и есть. Вскоре раскрылись настежь широкие створки, и двое санитаров ловко вкатили носилки в кабину. Створки со стуком закрылись, и лифт тронулся вверх. Прошло, казалось, довольно много времени, и наконец лифт остановился, легонько покачиваясь на тросах подвески.

Дверь открылась, и в кабину хлынул яркий свет. Хоги не без труда разглядел размещившийся рядом с лифтом сестринский пост.

«Приступ стенокардии по скорой. Куда его везти?» — спросил один из санитаров.

«Ах, этого? Минутку, сейчас посмотрим. Ага, вот оно. Блок интенсивной терапии», — ответила дежурная сестра. Санитары кивнули и покатали носилки по гладкому полу коридора. Послышался чей-то приглушенный говор, затем стук инструментов, звон металла по стеклу, и каталка, резко повернув, въехала в распахнутую дверь.

Остановка. Хоги растерянно огляделся по сторонам, оказавшись в новом для себя месте. Это была просторная палата с доброй дюжиной коек. К его изумлению, женщины и мужчины лежали вперемешку на соседних койках, и Хоги страшно смутился при мысли о том, что может оказаться в постели с какой-нибудь женщиной — ну, не то чтобы совсем, но в одной палате. Он что-то пробормотал, и к нему из-за спины наклонился санитар: «Что?»

Хоги повторил: «А я и не знал, что здесь мужчины и женщины лежат в одной палате».

Санитар расхохотался: «Да это же Блок интенсивной терапии, и тем, кто здесь лежит, не до ЭТОГО!» Тут опять все пришло в движение, послышались тихие голоса, невнятные разговоры, и его носилки покатали вперед. Затем санитар сказал: «Вас подвезли прямо к кровати. Сами перебраться сможете?»

Хоги отрицательно покачал головой, и санитар сказал: «Ладно, управимся сами — просто перетащим вас на кровать. Высота почти одинаковая. Ну, взяли!»

Хоги рывком подняли и перевалили на больничную койку. Убрав носилки, санитары вышли из блока. Подошедшая медсестра приподняла бортики кровати так, что Хоги оказался словно в клетке, разве что без крышки.

«Я ведь не дикий зверь и никому не опасен», — заметил он.

«Ну, из-за этого огорчаться не стоит, — ответила медсестра. — Мы всегда поднимаем бортики, чтобы пациент случайно не свалился на пол. Это помогает избежать судебных тяжб!» И, спохватившись, добавила: «Потерпите еще немного. Доктор придет, как только освободится».

И Хоги остался лежать. Он не знал, сколько прошло времени. Случайно открыв

глаза, он увидел рядом жену, потом она исчезла в смутной сероватой дымке, застилавшей глаза. Позже вокруг него столпилась куча народу. Кто-то расстегнул пижаму, затем холодное прикосновение стетоскопа, резкая боль в руке от укола — и, как в тумане, трубки, тянущиеся от руки к чему-то — ЧЕМУ-ТО, чего издалека не разглядеть. Предплечье другой руки что-то сдавило, послышался звук накачиваемого воздуха, и мужской голос, назвав вслух какие-то цифры, выдохнул «Ого!» Потом все исчезло.

Время остановилось. Времени больше не существовало. Как сквозь туманную пелену, Хоги ощущал перемещение коек, а может, это были каталки, что-то все время позвякивало и постукивало, в нос то и дело ударял раздражающий запах, но что это было — он не понимал.

Он смутно осознал, что рядом с ним или над ним — кто знает? — разговаривают двое. Доносились лишь невнятные обрывки фраз: «Кардиостимулятор?» — «Не знаю, на всякий случай будем держать наготове электроды шокового стимулятора — мне это тоже не нравится. И все же не исключено, что он еще выкарабкается. В любом случае стоит рискнуть». Голоса растаяли вдаль, словно унесенные ветром. Хоги снова впал в дремоту, из которой его вырвал чей-то вопрос: «Ну, мистер МакОгуошер? Как вы теперь? В порядке? Мистер МакОгуошер! Мистер МакОгуошер! Вы меня слышите? Мистер МакОгуошер, отзовитесь, отзовитесь! О, Боже, Боже, — продолжал тот же голос, — надо взять кровь на анализ, а я никак не найду эту проклятую вену!» — «Попробуй с другим турникетом, — посоветовал другой голос. — Иногда получается — вот этот, с широким бандажом». Кто-то, похоже, возился с его рукой. Что-то неприятно сжало его предплечье, так что вздулись кончики пальцев, затем резкий укол и возглас: «Есть наконец-то, теперь все в порядке».

Разговоры в палате понемногу смолкали, стихала суета, лишь где-то прозвенел колокольчик — раз, два, три, — и все. Три часа, подумал Хоги. Интересно, день сейчас или ночь. Не знаю. И вообще не знаю, что со мной происходит. Ну, ничего не поделаешь.

И опять голоса. «Может, ему пора принять последнее причастие, доктор?» — тихо спросил кто-то. «Пожалуй, об этом стоит подумать, — симптомы скверные. Об этом стоит подумать». — Хоги попытался открыть глаза. До чего же все странно — над ним склонился человек в черном. Может, он уже попал на небеса в сопровождении черного святого? Однако чуть позже он сообразил, что это больничный капеллан.

А время все шло. В тускло освещенной палате слабо поблескивали загадочные инструменты, мигали огоньками приборы. Едва различимо вспыхивали то желтые, то красные, то зеленые светлячки, а временами загорались и гасли белые. Где-то за окном запела птица. Вскоре, негромко шурша сандалиями или тапочками, в палату вошли несколько медсестер и санитаров. Тихо перемолвившись с ними несколькими фразами, ушел персонал ночной смены. Утренняя смена начала обход, шепотом расспрашивая больных о самочувствии, шелестя бумагами и рулонами самописцев. Наконец, дошла очередь и до Хоги. «О, сегодня вы выглядите получше, мистер МакОгуошер», — сказала сестра. Хоги немного удивился — ведь она видит его в первый раз. Склонившись над больным, сестра чуть пригладила одеяло и перешла к следующему пациенту.

В палате посветлело — наступило утро. Далеко на востоке вынырнул и начал подниматься над краем земли красный овал, мало-помалу превращаясь в полный яркий шар, и едва рассеялся утренний туман, солнце засияло чистым ярким светом.

В Блоке интенсивной терапии возобновилась привычная дневная суета: одних пациентов умывали, других кормили, кое-кого даже через вену. Не оставили в покое и Хоги. Одна сестра взяла кровь на анализ, другая измерила давление. Затем появился доктор и, заметив: «А вы молодец, мистер МакОгуошер, скоро встанете на ноги», — тотчас ушел.

Прошло несколько часов, а может и дней, и Хоги, наконец, смог сидеть в кровати. К нему подошли две медсестры: «Мы переводим вас в отдельную палату, мистер МакОгуошер. Интенсивная терапия вам больше не нужна. У вас в тумбочке есть что-

нибуть?»

«Нет, — ответил Хоги. — Только то, что на мне».

«Хорошо, тогда мы сейчас вывезем вас, держитесь крепче». — С этими словами сестры разблокировали колесики кровати и осторожно покатали ее вместе с капельницей, и при выезде из палаты он увидел, как на освободившееся место вкатывают койку с новым пациентом.

Хоги огляделся с естественным любопытством человека, оказавшегося в госпитале или как-то иначе ограниченного в передвижениях. Его привезли в довольно уютную маленькую палату с закрепленным у самого потолка телевизором, кроватью и одним окном. Рядом с кроватью виднелся стенной шкаф и умывальник. На узком выступе у шкафа виднелась кнопка вызова сестры, а у бортика кровати он не без интереса заметил панель управления радиоприемником и телевизором.

Сестры развернули кровать и заблокировали колесики. Одна из них тотчас ушла, другая повозилась еще немного, наводя порядок, и затем тоже вышла из палаты.

Хоги остался лежать, гадая, что будет дальше. Из коридора едва слышно доносились переговоры по селекторной связи. Он было попытался вслушаться, но потом решил, что это просто система вызова, так как врачей постоянно вызывали то на один, то на другой этаж. При этом очень часто звучала фамилия его лечащего врача. Прислушавшись, он понял, что этого доктора вызывают в палату такую-то. В такой-то палате лежал сам Хоги, и он стал ждать. Примерно час спустя явился врач: «Ну, мистер МакОгуошер, судя по вашему виду надеюсь, сегодня вам гораздо лучше, хотя должен признать, что вы нас крепко напугали». Хоги с трудом открыл глаза: «Я не могу как следует собраться с мыслями, доктор. Не могу связать события воедино. Вот вас вызвали в эту палату около часу назад, и все это время я пытался понять, почему это так, и, наконец, сообразил, что меня ни с того ни с сего перевели из Блока интенсивной терапии».

«Верно, — подтвердил доктор Роббинс. — Произошла крупная авария, и нам пришлось принять большое количество пострадавших, причем многих в очень тяжелом состоянии. А вам стало получше, и мы решили, что вам полезнее полежать в отдельной палате, чем в Интенсивной терапии».

Хоги рассмеялся: «Я спросил у сестры, почему там мужчины и женщины лежат в одной палате, и она ответила, что им слишком худо, чтобы переживать из-за ЭТОГО. До чего же она была права!»

У изголовья его кровати расположился ряд встроенных в стену загадочных устройств. Одно предназначалось для взятия крови на анализ, другое — для подачи кислорода, и еще несколько, назначения которых Хоги не знал, но с интересом наблюдал, как доктор с их помощью обследует его с головы до ног. «Все будет хорошо, мистер МакОгуошер, все будет хорошо, — промолвил доктор. — Здесь ваша жена. Думаю, она хочет войти и побыть с вами. Она так за вас тревожится». Доктор вышел, и на какое-то время воцарилась тишина. Затем, открыв глаза, Хоги увидел стоящую рядом женщину, которая выглядела живым воплощением скорби.

«Сегодня к тебе придет святой отец, Хоги, — сказала жена, — он считает, что тебе может понадобиться духовное утешение. Он сказал мне, что ты очень боишься смерти, хотя — Боже упаси! — об этом тебе пока тревожиться нечего. Доктор уверяет, что скоро ты будешь дома, а сейчас просто нуждаешься в отдыхе».

Они еще немного поговорили и о пустяках, и о тех важных вещах, какие так часто приходится обсуждать супругам, когда в дом нагрянет беда. Пока все благополучно, об этом обычно не задумываются. Хоги хотел знать, надежно ли она хранит его завещание, на месте ли его страховки, и под конец распорядился, чтобы его заместитель принял все дела и занял пост директора компании.

Пришедшему после полудня священнику Хоги признался: «Я так боюсь смерти, отец мой. В ней столько неопределенности. Просто не знаю, как быть». Священник, подобно большинству служителей церкви, изрек несколько приличествующих случаю

расхожих цитат и при первой возможности отбыл восвояси, заручившись у Хоги обещанием солидного чека на нужды церкви, как только тот сможет его подписать.

День медленно клонился к вечеру, понемногу уступая небосклон легким сумеркам. Затем сумерки сгустились и наступила ночь. За окном вспыхнули городские огни, бросая причудливые тени на стену палаты. Хоги долго не сводил с них зачарованного взгляда, придавая им самые фантастические формы, пока, наконец, не погрузился в сон.

Телефон резко зазвенел, разрывая металлическим дребезжанием ночную тишь — страшный звук для женщины, чей безнадежно больной муж лежит в госпитале. А телефон все гремел и гремел без умолку. Миссис МакОгуошер рывком вскочила с постели и схватила трубку. «Миссис Хоги МакОгуошер?» — спросил чей-то голос.

«Да, это я. Кто говорит?»

Голос многозначительно ответил: «Миссис МакОгуошер, вашему супругу стало хуже. Врач полагает, что вам немедля следует приехать в госпиталь вместе с кем-нибудь из родных. Только поезжайте как можно осторожнее — в таком волнении обычно никто не следит за скоростью. Мы можем рассчитывать на ваш приезд через час?»

«Боже мой! — воскликнула миссис МакОгуошер. — Мы сейчас же приедем». Положив трубку, она медленно встала с постели, надела халат, вышла из спальни и постучала в соседнюю дверь. «Мама, мама! — позвала она. — Проснитесь, мама. Хоги, кажется, при смерти. Надо ехать в госпиталь. Вы не спите?» Дверь распахнулась, и в коридор вышла женщина преклонных лет, мать Хоги: «Да, да, сейчас оденусь. Ты тоже оденься».

Хоги, вздрогнув, очнулся. У его кровати сидели жена и мать. Да полно, в самом ли деле? Уверенности не было. Кто же тогда все остальные? Некоторые из них парили в воздухе, лучезарно ему улыбаясь. И тут — глаза Хоги изумленно раскрылись — прямо за окном пролетел ангел в длинном белоснежном одеянии, трепыхая крыльями, словно механическая игрушка. Взглянув на него, ангел улыбнулся и поманил за собой. И неведомая сила неудержимо потянула Хоги за ангелом.

Все вокруг преобразилось до неузнаваемости. В палате сгустился полумрак, появились пурпурные бархатные тени, и в этом пурпурном бархате поблескивали искорки света, похожие на пылинки, пляшущие в солнечном луче. Он огляделся: вот справа сидит жена, слева — мать, а что здесь делает человек в черном? Что-то бормочет без устали. Ах, да, Хоги вспомнил, что это священник дает ему последнее причастие. Открыв в себе неожиданную способность читать чужие мысли, Хоги испытал настоящий шок. Если спектакль удастся, думал священник, то вдова не поскупится на щедрые пожертвования для церкви. Это люди богатые, так что пусть раскошеляются. И едва завершив обряд, он обратился к миссис МакОгуошер со словами благословения, не переставая думать: «Все это потянет не меньше, чем на сотню долларов».

Хоги охватила мелкая дрожь — все вокруг стало неверным и шатким, утратив былую надежность. Кровать казалась сделанной из какого-то воздушного материала и уже не могла его удержать. В попытке остаться на месте его пальцы отчаянно вцепились в одеяло, ибо все инстинкты подталкивали его куда-то вверх, к свету.

«Он отходит... отходит... ускользает», — услышал Хоги голос и странное шуршание. Он хотел было закричать от ужаса, но не смог и почему-то стал похож на воздушного змея. Взглянув вниз, он увидел, что от него к нелепо распростертому на кровати телу тянется мерцающая серебряная нить. До него вдруг дошло, что он смотрит на собственное мертвое или умирающее тело. Он видел склоненные головы жены, священника и матери. Затем в палату картинно вбежал доктор, рывком расстегнул пижаму Хоги и без всякой нужды приложил к груди стетоскоп, после чего печально кивнул. Театральным жестом он накрыл лицо Хоги простыней и перекрестился. Вслед за ним перекрестились священник и обе женщины.

«Следуй за нами, за нами, — зашептали таинственные голоса. — Освободись от привязи, мы о тебе позаботимся. Все хорошо, и ты отправишься на небеса».

«Да, на небеса, на небеса», — откликнулся хор голосов. И ощутив легкий рывок, Хоги инстинктивно взглянул вниз. Серебряная нить оборвалась и быстро таяла. С головокружительной быстротой он взмыл высоко над госпиталем, над городом, взлетая все выше и выше. Оглянувшись, он с изумлением обнаружил, что его несут четыре ангела, шумно взмахивая крыльями и не сводя с него взгляда. И так они вместе неслись во мраке ночи под звуки песнопения: «К райским вратам, к райским вратам».

Глава 9

В небесных объятиях ангелов. Вот это да!» — сказал Хоги сам себе. Затем вдруг что-то с огромной силой увлекло Хоги и вырвало его из рук ангелов. Вниз, вниз, все вниз падал он, переворачиваясь то головой вниз, то снова вниз ногами, летел он в кромешной тьме. Как-то вдруг все прекратилось, и Хоги показалось, что он повис, как шарик на конце резинки или как игрушка йо-йо, вращающаяся на конце шпагата. Он был смущен и растерян, он, видимо, находился «где-то», но где, сказать он не мог. Он перевернулся через себя и затем, словно заглянув через дыру в потолке или в полу, увидел странную сцену.

Помещение, куда глядел Хоги, оказалось мертвецкой. Он вздрогнул от страха, увидев на специальных столах множество мертвых тел, с которыми проделывались совершенно дьявольские операции. У некоторых из них выкачивали кровь, другие лежали с заткнутыми «телесными отверстиями», чтобы не вытекали жидкости тела. И вот, в крохотной комнатке Хоги увидел СЕБЯ! Увидел тело, оставленное им. Он лежал на одном из этих странных столов, над ним склонялась молодая женщина, курившая сигарету, которая небрежно свисала из угла ее рта. Хоги замер от изумления, когда понял, что женщина бреет лицо его собственного трупа. Он увидел затем, как там, внизу, быстрой походкой к столу проследовал мужчина и сказал: «Постарайся как следует, Бет, мистер МакОгуошер был весьма важной персоной, сегодня после обеда мы его должны будем выставить для прощания. Так что подналяг, ладно?» Женщина лишь кивнула в ответ и вернулась к своему занятию. Она выбрила его в самом деле очень, очень гладко, а затем принялась гримировать лицо. Она расчесала ему волосы — правда, их на голове оставалось немного — и наложила краску на седые пряди. Затем она критически оглядела тело и направилась к двери, крича: «Эй, босс, этот мертвяк готов. Давайте, принимайте работу».

Босс выскочил из комнаты в дальнем конце помещения и понесся к ней, взволнованно крича: «Ты что, Бет, нельзя так говорить, не говори так. Это тело мистера Хоги МакОгуошера, очень важного в округе человека. Я требую ко всем трупам уважительного отношения».

«Да ладно, босс, вы сами не ко всем из них относитесь почтительно, — ответила Бет. — Я помню, как некоторых мертвяков вы просто вывалили в опилках и побыстрому распотрошили, не так уж много они получили от вас внимания, а? Ну да ладно, пусть будет по-вашему, вы ведь начальство». — «Ладно, прощайте, мистер МакОгуошер», — промолвила она, развязной походкой направляясь к следующему трупу.

Хоги, пораженный, отвернулся. Прошло неизвестно сколько времени, пока он заставил себя вновь глянуть вниз. Он увидел, что его тело исчезло и в комнату вносили другой труп. Он был тщательно замотан целлофаном и сложен вдвое, напомним Хоги мешок с бельем. Он с интересом глядел, как разматывали целлофан и доставали тело. Это была женщина. Босс и его помощник-мужчина вскоре сняли с нее одежду. Хоги, как скромный человек, отвел глаза, и, сделав это, он заглянул дальше, чем ему удавалось видеть до сих пор. Взгляд его упал на один из залов прощания. Там в очень дорогом гробу лежал он сам, столпившиеся вокруг люди глядели на него. Он увидел, что они пьют кофе. Один из них поставил свою чашку на гроб. Хоги посмотрел на свое тело и подумал, что выглядит с этим гримом и пудрой, краской для волос и прочим точь-в-точь как кинозвезда. Он с отвращением отвернулся.

Проходило время. Сколько же прошло? Никто не знает, должно быть два-три дня, не меньше. Время в той жизни не имеет значения. Но Хоги, застыв на какое-то время, теперь вдруг двинулся снова. Он глянул вниз и увидел, что он в катафалке, его везут к церкви. Он увидел, как гроб заносят в церковь к римско-католической отходной службе. Затем он увидел, как священник вошел на кафедру и стал произносить прощальную речь о Хоги МакОгуошере: «Сей возлюбленный брат, — говорил священник, — ныне в руках Господа Иисуса в райском саду вкушает плоды прожитой добродетельной жизни».

Хоги отвернулся, а затем взглянул вниз снова, поскольку что-то настойчиво тянуло его. Пошарив взглядом, он увидел, как там, внизу, его выносят в церковный двор. Затем служба продолжилась, а вскоре он вздрогнул, увидев, как большой комок земли скатился на крышку его гроба. Затем он подумал, как глупо все это — тело его там «внизу», а он сам — здесь «вверху», где бы ни находились эти «здесь» и «там». Но вместе с тем, по мере того как наполнялась землей могила, Хоги почувствовал, что он свободен. Невероятная сила вознесла его куда-то вверх, а затем небольшой щелчок — и он с удивлением увидел, что снова покоится на руках у ангелов. Когда он оказался у них в руках, их крылышки затрепетали, а лица заулыбались. Они стали поднимать его вверх. То есть он не мог сказать, вверх ли. Он сказал бы, что они поднимались сразу во все стороны. Однако они быстро неслись сквозь тьму, которая казалась живой и как бы сделанной из черного бархата. Но затем вдали появился свет, замечательный сияющий золотом огонь. Хоги перевел глаза в его сторону. Они неслись вперед, и свет становился ярче и ближе, Хоги вынужден был жмуриться, глядя на него. Затем, когда ангелы вынырнули из того, что, видимо, являлось черным туннелем, Хоги увидел Жемчужные врата, искрящиеся перед ним, огромные золотые ворота, усыпанные невероятных размеров жемчужинами. Влево и вправо от ворот простиралась мерцающая белая стена, а через прутья ворот Хоги разглядел огромные купола соборов и высокие церковные шпили.

В воздухе звенела музыка, духовная музыка, это была мелодия «Пребуди со мной», к которой примешивались ноты мелодии «Вперед, воинство Христово», доносившейся откуда-то сбоку. Однако они уже приблизились к Вратам, причем ангелы не выпускали его из рук. Крылья их по-прежнему трепетали.

Святой Петр, или еще какой-то святой, появился у ворот и спросил: «Во имя Господа, кто здесь?» Один из ангелов отвечал: «Мистер Хоги МакОгуошер, умерший на Земле, прибыл. Мы просим впустить». Ворота открылись и Хоги увидел, как к нему приближается первый увиденный им святой. Святой, казалось, был одет в просторное белое одеяние, похожее на старомодную ночную сорочку, которая спускалась от шеи до пят. За спиной его трепетали два крыла. Где-то за его спиной сверкающей медью поднимался шест, выступая на несколько дюймов над головой, на конце его сиял золотой нимб. Святой взглянул на Хоги, а Хоги посмотрел на святого, который промолвил:

«Сперва ты пойдешь в Небесную канцелярию, там проверят, можешь ли ты войти. Сюда, вторая дверь справа».

Ангелы снова подхватили Хоги — он чувствовал себя так, будто его несут, как посылку! — и крылья их вновь затрепетали. Ангелы неспешно несли его над гладкой, чистой дорожкой. По сторонам дороги, на зеленых лужайках, сидели святые и прочие небожители, играя на арфах, звук, которые они производили при этом, трудно передать, ведь они все одновременно наигрывали разные мелодии. Но скоро они достигли Небесной канцелярии. Ангелы мягко опустили Хоги, он оказался стоящим на собственных ногах. Тогда они также мягко подтолкнули его вперед. «Сюда, — молвил один из них, — нужно указать дату смерти, все прочие необходимые детали. Мы подождем здесь». Итак, Хоги вошел и увидел старого святого, который близоруко глядел на Хоги добрыми глазами из-за стекол очков в позолоченной оправе. Крылья за его спиной легонько колыхались. Он послунил палец и перелистнул сразу несколько страниц в невероятных размеров книге, что-то бормоча себе под нос. Вдруг он перестал листать и остановился на одной из страниц. Он повернул левую руку вверх ладонью. «Нашел, — сказал он, — фамилия

МакОгуошер, пол мужской, скоропостижно скончался. Да, это он. Это вы, вот тут у меня ваша фотография».

Хоги молча продолжал глядеть. Ведь все было так странно. Крылышки старичка трепетали, производя такой звук, будто они были заржавлены. Служитель канцелярии показал большим пальцем за спину и сказал: «Туда, туда, идите, они вас ждут, они сделают для вас все что нужно». Хоги понял, что он движется, и каким-то образом оказался за пределами комнаты. Через дверь он не проходил. Снаружи, едва завидев Хоги, его провожатые заулыбались, крылья их пришли в движение. Они приняли Хоги на руки и подняли его в воздух. «Теперь пора в церковь», — сказал один. «Да, почему бы с самого начала не включиться в ход событий», — поддержал его другой. Сказав это, они спикировали вниз и вошли в собор через массивную дверь. В соборе повсюду сидели ангелы, крылышки их двигались в такт с музыкой. Хоги приходил все в большее и большее замешательство, происходившее казалось ему фарсом, пародией, однако он остался до окончания службы, которая, казалось, длилась вечно. В течение всей службы ангелы стрекотали крыльями, крестились и кланялись алтарю. Наконец все закончилось и ангелы взлетели, как стая голубей. Хоги остался в пустом соборе. Он глядел вокруг и только дивился. Не может быть, чтоб это был рай. Он был окончательно сбит с толку. Разговоры ангелов были какой-то чепухой, все эти беспрестанные молебны и песнопения — в этот абсурд невозможно было поверить. Как только Хоги подумал о несурзости происходящего, раздался раскат грома и огромная вспышка заполнила воздух с неба до самой земли с таким звуком, будто разорвался и упал громадный занавес. Хоги замороженно поднял глаза. Навстречу ему шел, раскрыв объятия, его отец. «Хоги, мальчик мой, — сказал старший МакОгуошер, — надолго ты задержался в своей религиозной галлюцинации. Это ничего, я прошел через те же вещи, только в моей галлюцинации я увиделся с Моисеем. Что ж, теперь ты прошел через это и мы можем поговорить. Пойдем со мной, мальчик мой, пойдем со мной, здесь много твоих друзей и родственников, они все хотят тебя видеть». И старший МакОгуошер повел его в красивый, красивый парк, в котором виднелось множество гуляющих.

Парк этот был красивее, чем все, что Хоги когда-либо в жизни видел — в земной жизни, естественно. Трава имела особенный, красивый оттенок зеленого, там росли такие цветы, каких он прежде никогда не видал, и он понял, что такие цветы на Земле не существуют вовсе. Тропинки были ухожены, нигде не было видно ни пылинки, ни соринки. К радостному удивлению Хоги он увидел птиц, поющих в кронах деревьев и маленьких животных, снующих повсюду: белок, собак и еще каких-то неизвестных Хоги зверьков. «Отец! — воскликнул Хоги, — так, значит, и животные сюда попадают?» Отец рассмеялся. «Хоги, мальчик мой, — сказал он, — ты не должен больше называть меня отцом, ведь это будет то же самое, что называть актера по имени того персонажа, роль которого он исполнил в пьесе. В последней своей жизни на Земле я был твоим отцом, но в каких-то предыдущих жизнях, может быть, ты был моим отцом, а возможно, даже и матерью!»

Бедная голова Хоги все еще отказывалась понимать происходящее. «Но как же мне тогда тебя называть?» — спросил он.

«Ну, пока мы все не устроим, ладно, называй меня отцом, если хочешь, если тебе так проще, — ответил старший МакОгуошер.

Хоги все глядел на отца и затем сказал: «Но прошу тебя, скажи мне, где мы? Это явно не рай, поскольку ты иудей, а иудеев в рай не пускают».

Старший МакОгуошер громогласно расхохотался. Люди оглянулись на них с улыбкой, они столько раз уже становились свидетелями таких сцен. «Хоги, мальчик мой, Хоги, многие из земных представлений совершенно неправильны. Ты говоришь, я иудей; ну да, на Земле я был иудеем, а теперь — что ж, теперь я принадлежу к настоящей вере, а единственно существует такая вера: если ты веруешь в Бога или в религию, значит, это и есть настоящая, правильная религия. Неважно, иудей ты, католик, протестант,

мусульманин или кто-то еще. Просто если человеку всю жизнь рассказывали всякие притчи из какой-то одной религии, то попадая сюда, он столь зачарован ими, что первое время думает, что они и есть все, что здесь есть. На Земле тоже есть люди, у которых постоянно случаются галлюцинации и они воображают себя то одним, то другим. Можно зайти в любую психиатрическую больницу на Земле и найти там по нескольку Наполеонов, Иисусов, а может быть, и по парочке тех, кто считает себя Моисеем. Эти люди чистосердечно верят, что они на самом деле те, кем представляются. Возьмем, например, — вон там, — он указал рукой куда-то вдаль, — там сейчас находится господин, который недавно прибыл сюда. Когда он жил на Земле, ему рассказывали, что попав в рай, он сможет иметь все, чего душе будет угодно: десятки танцующих девушек и т. д. и т. п. Вот теперь он там, живет в мире своей фантазии. Там повсюду полно танцующих девушек, до тех пор, пока он сам не увидит, что это ложь, никто ему не сможет помочь, он может годами жить в своем придуманном раю, населенном танцующими девушками и горами снеди. Как только он поймет, что ошибается — вот так же, как ты со своими ангелами с крылышками, — тогда ему можно будет помочь».

«Еда, вот именно, еда, — сказал Хоги, — отец, вот сейчас ты правильно сказал, где тут достать еды? Я голоден!»

Старший МакОгуошер посмотрел на Хоги и сказал: «Хоги, мой мальчик, ты уже должен был бы догадаться. Слушай. Вот ты появился здесь и думал, что ты в раю с ангелами, бродящими повсюду, с ангелами, играющими на арфах и поющими песни и со всем прочим, но теперь ты понимаешь, что это было чистой галлюцинацией. То же самое происходит и с нашим другом вон там, неподалеку. Он думает, что вокруг него танцующие девушки. На самом деле их нет, это всего лишь неконтролируемое воображение, то же самое привело тебя к твоим ангелам. Точно так же, если ты хочешь еды — представь ее. Ты можешь управлять своим воображением и иметь любую еду, какую захочешь, можешь получить ростбиф, если ты хочешь, а если пожелаешь сосиски — будут сосиски, а захочешь — можешь получить и бутылку виски. Это все будет, конечно, всего лишь иллюзией, но если ты будешь тащить за собой всю эту чепуху, вроде того, что тебе, якобы, хочется есть, тогда тебе надо быть последовательным во всем. Если ты будешь есть, то после этого тебе придется избавляться кое от чего самым обычным способом, то есть тебе придется представить себе туалетную комнату, сесть на придуманный тобою стульчак и представлять, представлять, представлять... Ты не можешь идти вперед, пока ты будешь связан глупыми земными вещами».

«Да нет, я действительно голоден, это не воображение, я действительно очень голоден и если мне не позволено есть, потому что еда — это всего лишь иллюзия, тогда как мне избавиться от голода?» — в голосе Хоги звучала досада.

Старший МакОгуошер мягко ответил: «Конечно, ты голоден, потому что ты жил по такой схеме всю жизнь. В определенное время ты принимал пищу, и у тебя выработалась привычка. Если ты вместо поглощения мертвого мяса подумаешь о здоровых вибрациях, ты перестанешь чувствовать голод. Подумай, Хоги, повсюду вокруг тебя вибрирует энергия, она вливается в тебя со всех сторон. Как только ты поймешь, что это и есть твоя пища, твоя материя, ты не будешь больше ощущать голод. Представлять себе мясо и напитки — это большой шаг назад, который всерьез задержит твое развитие».

Хоги обдумал эти слова и открыл рот, чтобы возразить, — и тут понял, что он больше не голоден! «Отец, — сказал Хоги, — ты выглядишь точно так же, как ты выглядел на Земле. Как так может быть? Ты провел здесь уже много времени. Ты ведь должен был бы выглядеть намного старше, и поскольку, я так понимаю, что ты сейчас просто бесплотный дух... даже и не знаю, все это меня так запутало, что я уж и не знаю, что думать и что делать».

Старший МакОгуошер сочувственно улыбнулся. «Видишь ли, мы все проходим через это, Хоги. Некоторые из нас соображают быстрее других, но представь, к примеру, что я предстал бы перед тобой в образе — скажем — молодой женщины или юноши,

тогда узнал бы ты меня как человека, которого ты знал на Земле? Если бы я подошел к тебе и заговорил бы другим голосом, показал бы тебе другое лицо, тогда ты просто решил бы, что это кто-то хочет втереться к тебе в доверие. Так что я показался тебе таким, каким ты меня помнишь, и говорил с тобой знакомым тебе голосом. Точно так же все твои друзья и родственники, которые находятся здесь, тоже предстанут тебе в том обличье, что ты знал в земной жизни. Они явятся тебе такими, поскольку ты видишь только то, что хочешь увидеть. Если я посмотрю на г-на Н., я знаю, что я увижу; г-н Н. представляется мне определенным образом, но твое представление о г-не Н. может отличаться от моего и ты увидишь его другим. Это так же, как если бы мы стояли друг против друга и глядели на монетку, которую один из нас держал бы в руках. Один из нас видел бы орла, второй — решку. Монетка останется той же, мы лишь увидим ее разные стороны. Так обстоят вещи здесь, да ведь и на Земле они обстоят так же. Никто точно не знает, как другой видит прочих людей. Это никогда не обсуждается, об этом даже никогда не задумываются. Так что здесь мы показываемся друг другу в своем земном обличье».

Хоги в это время глядел в глубину парка и зачарованно двинулся по направлению к увиденному им прекрасному озеру. На его глади покачивались лодки, там было множество людей, одни гребли, другие наслаждались водной прогулкой. Хоги сел на парковую скамейку и не отрываясь глядел на лодки поодаль. Отец повернулся к нему и сказал: «А почему бы им не развлечься, Хоги? Ведь они не в аду, знаешь ли, и могут делать все, что им нравится, и это прекрасно. Здесь они могут придумать себе лодки, пойти к реке и испытать все то, что им так нравилось на Земле, причем здесь это все гораздо приятнее».

Какое то время Хоги не мог ничего сказать, он был слишком поражен, слишком ошеломлен, а затем он выпалил: «Но я думал, что мы духи, что есть только наша душа, плывущая в пространстве. Я думал, что мы здесь будем читать молитвы и петь псалмы, а здесь все так не похоже на то, что я ожидал увидеть в раю».

«Но, Хоги, ты ведь не в раю, ты в другом измерении, в котором ты можешь делать то, что было тебе недоступно на Земле. Ты как бы на перевалочном пункте. Некоторые люди умирают с серьезными повреждениями, так же как на Земле некоторые младенцы рождаются с повреждениями, когда при родах неудачно используются медицинские инструменты для извлечения их из чрева. Со смертью то же самое — некоторые люди, особенно если они прожили нечестивую жизнь, испытывают трудности с освобождением от земных оков. Иллюстрацией тому тебе может служить то, как ты продолжал хотеть есть, хотя тебе не нужна еда, ты знаешь теперь, ведь и еду, и одежду ты просто придумываешь».

Хоги оглядел себя и сказал: «А тело, тело? Зачем нам тело, если мы — духи?» Отец улыбнулся и ответил: «Если бы ты сейчас показался на Земле, ты показался бы привидением, хотя, скорее всего, ты был бы просто невидим. Люди могли бы проходить через тебя, а ты — через них, потому что у вас разные вибрации. Здесь же ты видишь меня, слышишь и можешь дотронуться, я предстаю тебе во плоти, а ты мне, потому что у нас одинаковый механизм, обеспечивающий наши сущности, мы оба попали сюда с Земли, и на этом промежуточном уровне мы получили другие тела. В наших телах по-прежнему есть душа, она сохраняется всегда, до прихода к Высшей сущности, которая находится на много уровней выше. Здесь, как и на Земле, мы можем приобретать опыт через страдание, хотя здесь оно совсем не такое сильное. Но когда мы доберемся до, скажем, девятого измерения, у нас все еще будет тело, такое, которое приемлемо в том измерении. Если бы здесь появился кто-то из девятого измерения, он был бы невидим для нас, а мы — для него, потому что мы столь различны. Мы переходим с уровня на уровень, и где бы мы ни были, вне зависимости от уровня и условий у нас всегда есть тело, подходящее к этим условиям».

Затем старший МакОгуошер рассмеялся: «Ты думаешь, что ты разговариваешь со мной, Хоги, но это не так, ты не говоришь, мы общаемся при помощи телепатии. Мы не

пользуемся речью, разве что для каких-то особых случаев. Вместо речи мы пользуемся телепатией. Но нам пора, мальчик мой. Тебе пора идти в Зал воспоминаний, и в этом зале ты и только ты увидишь все, что ты сделал и намеревался сделать в своей земной жизни. Ты увидишь то, чего ты хотел, увидишь, чего достиг, но твои успехи покажутся тебе вовсе не важными, и ты увидишь и свои неудачи. Ты будешь себе судьей, Хоги, ты сам будешь себе судьей. Не существует Страшного Суда, когда Бог гневно осуждает тебя и обрекает на муки адовы и вечное проклятие. Ада не существует вообще. То есть Земля — это и есть ад. А вечного проклятия не существует. На Земле ты сталкиваешься с некоторыми вещами, перед тобой стоят определенные задачи. Ты можешь не выполнить эти задачи, но это не важно. Что действительно важно — это то, что человек хотел сделать, как он жил, и ты сам, или твоя Высшая сущность, будет судить твою земную жизнь. Ты должен будешь решить, что еще ты обязан сделать, чтобы закончить то, что ты задумал, но, возможно, не выполнил. Но пойдем же, мы не должны тратить время на разговоры». Старший МакОгуошер поднялся на ноги, вместе с ним встал и Хоги, они вместе зашагали по зеленым подстриженным лужайкам, ненадолго остановились у берега озера, чтобы полюбоваться птицами, плавающими на его поверхности, и продолжили свой путь.

Хоги засмеялся, когда они описали дугу и вышли к очень красивому дереву, на котором одна крепкая ветвь росла горизонтально в сторону, потому что на этой ветви, вытянувшись, лежали три кошки, хвосты их свисали вниз, все три кошки мурлыкали и урчали, не переставая, в теплых лучах послеполуденного, как казалось Хоги, солнца. Они остановились на минуту, чтобы посмотреть на кошек, те подняли головы, открыли глаза и, к удивлению Хоги, улыбнулись. Затем, удовлетворив свое любопытство, кошки опустили головы на ветку и задремали. «Здесь их никто не обидит, Хоги, — сказал МакОгуошер-отец, — здесь царит мир и доверие. Этот уровень существования весьма неплох».

«Так что, — воскликнул Хоги, — есть много уровней существования, да?»

«О, да, их ровно столько, сколько нужно, — ответил МакОгуошер - отец. — Люди попадают в тот уровень, который им более всего подходит. Люди попадают сюда, чтобы передохнуть и решить, что им делать. Некоторые люди поспешат обратно на Землю, чтобы вселиться в новое тело, другие поднимаются выше, на другие уровни существования. Неважно, где находится человек, ему всегда есть чему поучиться и о чем задуматься. Но день уже клонится к вечеру, нам надо спешить, ты должен попасть в Зал воспоминаний сегодня. Пойдем-ка побыстрее».

Старший МакОгуошер ускорил шаг, казалось, при ходьбе он даже не касался земли. Как только Хоги подумал об этом, он тоже перестал чувствовать под собой дорожку. Это показалось ему пугающе странным, но тем не менее он рассудил, что лучше всего будет молчать и видеть то, что видят другие, те, кто здесь уже намного дольше него.

Они сделали плавный поворот и прямо перед ними оказался огромный Дворец воспоминаний, белое здание, сделанное, похоже, из гладко отполированного мрамора. МакОгуошер-отец сказал: «Давай присядем здесь на минутку, Хоги, мы не знаем, сколько времени ты проведешь в Зале, да и на людей посмотреть приятно, не правда ли?»

Они присели на каменную парковую скамью. Хоги с удивлением отметил, что скамейка приняла его форму, то есть вместо того, чтобы быть твердой, немного подалась назад и приняла удобную для него форму.

«Смотри», — сказал МакОгуошер-отец. Он показывал в сторону входа во Дворец воспоминаний. Хоги посмотрел туда, куда указывал его палец, и с трудом сдержал улыбку. Там, опустив голову, виновато плелся большой черный кот, выражение на его морде было крайне пристыженное. Кот поднял голову, поглядел на них и дал стрекача в ближайшие кусты. МакОгуошер-отец рассмеялся: «Ты, знаешь, Хоги, здесь, на этом уровне, даже животные должны ходить в Зал воспоминаний. Они, конечно, не пользуются человеческой речью, но ею не воспользуешься и ты, когда будешь там, все происходит за счет телепатии». Хоги смотрел на человека, который был когда-то его отцом с открытым от изумления ртом: «Ты хочешь сказать мне, что ЖИВОТНЫЕ тоже ходят в Зал

воспоминаний? Да ты шутишь, конечно?»

Старший МакОгуошер покачал головой и рассмеялся. «Хоги, Хоги, ты совсем не изменился. Ты думаешь, что человек это верхнее звено эволюции, ты думаешь, что животные — это неполноценные существа, да? Что ж, ты ошибаешься, ах, как ты ошибаешься. Человек не суть высшая форма совершенства, есть столько других форм, ведь у всего сущего есть сознание, во всем сущем теплится жизнь, даже эта скамейка, на которой мы сейчас сидим, это комбинация вибраций. Она ощущает устройство твоего тела и подается, принимая его форму, чтобы тебе было удобнее. Смотри!» Он встал и показал на то место, где он только что сидел. «Скамейка возвращается к своему нормальному состоянию, когда я сажусь на нее». Свои слова он сопровождал действиями, или, если хотите, свои действия он сопровождал словами, когда он опустился на скамейку, она немедленно приняла форму его тела. «Как я и говорил, Хоги, во всем есть сознание, все, что существует, находится в процессе эволюции. Что ж, коты не становятся людьми, люди не становятся котами, это разные ветви эволюции, ведь точно так же роза не может стать капустой, а капуста — розой. Но даже на Земле известно, что растения чувствуют, эти чувства засекали, измеряли и анализировали тонкими приборами. А здесь, в этом мире, люди находятся в промежуточном состоянии, здесь мы ближе к животным, чем на Земле. Не думай, Хоги, это не рай, и следующий уровень тоже не будет им, и следующий, и над ним. Это то, что можно назвать перевалочным пунктом, место, где решается, что люди будут делать, пойдут ли они на высшие уровни или вернуться на Землю. С того времени, как я попал сюда, я многому научился, я знаю, что мы очень, очень близки к земному уровню, разница примерно такая же, как между обычным приемником и приемником УКВ. Качество последних намного превосходит качество первых, вибрации в них имеют большую частоту, они более тонкие, здесь, в этом мире, наши вибрации намного лучше тех, что есть на Земле. Мы лучше чувствуем, воспринимаем, мы здесь посередине между физической жизнью на Земле и духовным существованием Высшей сущности. Мы попадаем сюда, поскольку мы избавляемся от столь многих предубеждений. То есть на Земле я назвал бы сумасшедшим всякого, кто сказал бы мне, что кошки могут разговаривать, рассуждать и все такое прочее. А здесь я знаю, да, это так, у них есть логика, и довольно замечательная в некоторых случаях. Но на Земле мы не понимаем этого, потому что их логика отлична от человеческой».

Они посидели какое-то время молча. Кот уже был далеко. Он виновато оглядывался. Затем он остановился, будто бы передернул плечами, улегся на солнышке и заснул. Солнце? Хоги посмотрел на небо и вспомнил, что на нем нет солнца, крохотные солнца сияли в каждой частице воздуха. Старший МакОгуошер, очевидно, следил за его мыслями, потому что заметил: «О нет, солнца здесь нет. Мы черпаем энергию из окружающего пространства, ее лучи проникают в нас, и здесь нам не нужно есть земную пищу, ведь с ней связано столько неудобств — переработка, отходы. Это одна из крупнейших проблем человечества сегодня. Просто будь собой, и твое тело возьмет всю необходимую энергию и не проголодается, если ты только не подумаешь о земной еде, тогда на короткое время тебе может ее захотеться».

Как раз в этот момент мимо них проходил какой-то человек, и Хоги вновь изумился: человек курил трубку! Он прогуливался, размахивая руками и весело пуская огромные клубы дыма. Отец посмотрел на Хоги и рассмеялся снова. «Хоги, — сказал он, — я говорил тебе, что некоторым хочется земной еды, а некоторые хотят закурить или выпить, что ж, они могут это делать, если хотят, но в этом просто нет никакого смысла. Это значит, что они не достигли того уровня, который позволил бы им избавиться от старых земных привычек. Этот человек курит, что ж, ему это нравится, но в какой-то момент он поймет, что это просто глупо. Он думает о табаке, затем он представляет себе кيسет, затем сует руку в карман костюма, который он себе придумал, и достает воображаемый кисет с табаком, которым он набивает воображаемую трубку. Конечно, это все иллюзия, галлюцинация, самогипноз, но то же самое наблюдается в психиатрических больницах на Земле.

Возьми человека, у которого, как говорится, шарик за ролики заехали, и вот такой человек, например, думает, что он ведет автомобиль или едет на лошади. Я как-то зашел в одну психиатрическую больницу в Ирландии и увидел там человека, который вел себя престранно. Я спросил его, что это он делает. Он посмотрел на меня так, будто я псих, — не задумываясь о том, что это ОН псих, — и сказал: «А что же ПО-ВАШЕМУ я делаю? Вы что, лошади моей не видите? Глупая кобыла устала, вот, легла, и я не могу ехать дальше, пока она, дура, не поднимется». Безумец затем осторожно слез со своей воображаемой лошади и пошел прочь, с отвращением рассуждая о всех этих психах, которые болтаются по всей больнице!» Хоги поежился. Он не понимал, что с ним происходит. У него было очень странное чувство, будто он был куском железа, который тянет к магниту. По какой-то странной причине он ухватился за скамейку. Отец повернулся к нему и сказал: «Время пришло, Хоги, тебя зовут в Зал воспоминаний, поторопись. Я подожду здесь, пока ты не выйдешь, возможно, я смогу тебе помочь. Но, когда ты выйдешь, называй меня Моисеем, здесь я не твой отец. Ну, тепер ступай».

Хоги поднялся на ноги, и, даже уже вставая, он почувствовал, что его все сильнее тянет к Дворцу воспоминаний. В некотором замешательстве он направился ко входу и обнаружил, что почти бежит, во всяком случае, он двигался быстрее, чем ему хотелось. Впереди высилось огромное каменное крыльцо. Теперь, подойдя так близко, он был поражен огромностью Дворца, размеры громадной входной двери сильно испугали его. Он чувствовал себя так, как, возможно, чувствует себя муравей у ворот земного дворца. Он поднялся по ступенькам, каждая следующая из которых, похоже, была больше предыдущей. Но так ли это было? Возможно, это он уменьшался с каждым своим шагом. Уменьшался, конечно, только в своих глазах. Но он собрал все свое мужество и продолжил подъем. Скоро он достиг огромной плоской поверхности, он вышел на плато, огромное, пустынное плато, на котором не было ничего, кроме огромной двери, которая, казалось, доходила до самого неба. Хоги пошел по направлению к ней, и когда приблизился, дверь открылась и он оказался в Зале воспоминаний. Дверь позади него затворилась.

Глава 10

Старый монах, болезненно морщась, поднялся с земли и отряхнул свои выцветшие одежды. Он сочувственно посмотрел на грузного, неуклюжего человека, который перелезал через забор, отделяющий земли монастыря от городской автостоянки. Человек, казалось, чувствовал, что монах смотрит на него. Он обернулся, повиснув на заборе, и заорал: «Сайрус Болливаггер, приятель, так меня зовут, я журналист, пишу очерки. Если ты думаешь что-то из этого выкрутить, найми хорошего адвоката». Монах медленно подошел к большому камню и с тяжелым вздохом опустился на него.

Как странно все-таки, подумал он, вот он, пожилой монах просто гулял себе в саду монастыря, который был его домом последние пять-десять лет, и, несмотря на таблички, предупреждающие о том, что это частные владения, сюда ввалился этот грубиян и, несмотря на все протесты монаха, подошел к нему и, ткнув его в грудь толстым указательным пальцем, сказал: «Быстренько, давай, рассказывай, как у вас тут, в этой дыре, а? Вы тут просто все гомики, да? Ну ты, вроде, на гомика не особенно похож, но давай, рассказывай, мне надо писать статью».

Монах осмотрел пришельца с ног до головы, чувствуя, что в его взгляде сквозит большее презрение, чем ему следовало бы показывать. Нельзя презирать своих братьев, но этот перешел всякие границы. Старый монах, брат Арнольд, прожил здесь много лет, он пришел в монастырь еще мальчиком и с тех пор жил здесь, пытаясь привести свои взгляды на добро и зло в соответствие со священным писанием. Он всегда сам с собой обсуждал — таков был его обычай — все происходящее. Он не мог принять все, что было написано в Библии, как абсолютную истину. Не так давно он поделился своими сомнени-

ями с аббатом, думая, что тот поможет ему разрешить его сомнения и очистить его разум, но нет, аббат пришел в ярость и наложил на брата Арнольда епитимью на всю неделю. В наказание он должен был мыть посуду для всего монастыря.

Тогда, как и сейчас, когда его оскорбил этот грубый мужлан-репортер, он все твердил про себя молитвы: «Господи, да будет милость Твоя, не дай мне допустить в душу пустое, не дай принять ничтожное за сущее». Это успокаивало его, давало ему возможность абстрактно глядеть на вещи.

Он бродил по монастырю, размышляя о прошедших годах. По утрам была работа, днем они учились, и столько рукописей нужно было украшать цветными рисунками — столько! Теперешние краски никуда не годились, химия, ужасные краски, а пергамент — о нем лучше не вспоминать вовсе. Он может подойти для того, чтобы из него делать абажуры, но не для такой тончайшей работы, для нее, как он заметил, современные материалы не подходили. Ну а после выполнения монастырской работы, что потом? День за днем, месяц за месяцем, год за годом вечерня, затем ужин в уединенной тишине, а после ужина повечерье, завершение седьмого канонического часа. После этого — одинокая келья, стылая и промозглая, с узкой, жесткой кроватью и обязательным распятием в изголовье кровати, келья столь маленькая, что даже заключенные в тюрьме подняли бы бунт, посели их в такие камеры.

Он бродил по саду, думая обо всем этом, когда этот глупый буйвол нахально вломился в частные владения, тыча ему пальцем в грудь и требуя сенсационных сведений для его статьи. Гомосексуалисты? Боже сохрани, какое там! Монахи не были гомосексуалистами, они относились к ним с определенной долей сочувствия, но совершенно их не понимали. Старый монах твердо потребовал, чтобы Сайрус Болливаггер уходил. Последний сорвался и принялся орать что-то про могущество прессы, говоря, что своим пером он может уничтожить репутацию монастыря. Монах стоял и молча слушал, погруженный в размышления, он созерцал. Но вдруг Болливаггер поднял кулак величиной со свиную окорок и ударил монаха в грудь, сбив его с ног. Он лежал и думал в каком-то оцепенении о том, что же это произошло с человечеством, что вот такой вот увалень набрасывается с кулаками на тщедушного человека на склоне его лет. Он не понимал этого.

Он лежал еще какое-то время, затем медленно, морщась от сильной боли, поднялся на ноги, колени его дрожали, ноги держали плохо. Он доковылял до камня, чтобы присесть на него, отдышаться и прийти в себя.

Выкрикивая угрозы насчет «разоблачения», Болливаггер наконец перелез через забор и тяжело спрыгнул на землю с другой стороны. Он стал быстро удаляться, своей неуклюжей грузной походкой напоминая скорее пьяную гориллу, чем представителя рода человеческого.

Брат Арнольд сидел там, возле искрящегося моря, обратив куда-то невидящий взор. Ничего не слыша, едва ли осознавая, что рядом пляж, громкие крики детей, шум веселящихся на пляже людей и пронзительные крики вечно недовольных жен, ругающих мужей за какие-то придуманные ими самими проступки. Вдруг Арнольд подскочил от неожиданности, на его плечо опустилась рука, и голос спросил: «Что беспокоит тебя, брат?» Он обернулся и увидел монаха примерно его возраста, глядящего на него озабоченными карими глазами.

«На меня набросился репортер, он забрался сюда через забор и ударил меня в грудь», — сказал брат Арнольд. «Он потребовал, чтобы я рассказал ему, что мы все здесь гомики — гомосексуалисты — в этом монастыре, а когда я отказался, довольно резко — что ж, — тогда он меня ударил в грудь так, что я свалился наземь! Я почувствовал себя нехорошо, мне нужно было передохнуть. Но пойдем, давай вернемся в дом». Он с трудом поднялся на ноги, и двое братьев, которые провели в этом монастыре много, много лет, медленно побрели по направлению к огромному зданию, которое было их домом.

Этим вечером, после повечерья, когда монахи разбрелись по кельям, брат Арнольд

почувствовал сильную боль, казалось, его грудь пронизывали раскаленные пики. Он едва смог постучать в стену кельи своими сандалиями. За дверью раздался шорох, и голос спросил: «Что случилось, брат? Ты болен?» «Да, — слабым голосом ответил брат Арнольд, — да, брат, не можешь ли ты попросить врача из монастырского лазарета прийти ко мне?»

За дверью что-то утвердительно пробормотали, и послышалось шарканье удаляющихся по каменному полу сандалий. Странно, подумал брат Арнольд, что монахам никогда не позволялось заходить в кельи друг друга, даже из самых невинных побуждений, никто, кроме врача, и только по медицинской необходимости, не имел на это права.

Может быть, в этом что-то было, быть может, некоторые монахи гомосексуальны? Может быть и так, подумал он. Настоятели монастыря придумали достаточно правил, чтобы не оставлять двух монахов наедине, даже гулять они имели право только по трое. Брат Арнольд лежал на своем ложе страдания и думал об этом до тех пор, пока не открылась дверь и участливый голос не спросил: «Брат Арнольд, что беспокоит тебя?» Брат Арнольд тогда снова рассказал о том, что произошло этим днем, рассказал об ударе в грудь и о падении. Монастырский доктор был дипломированным врачом, с отвращением оставившим когда-то практику, поскольку не в силах был мириться со всем тем беспорядком, который обуял медицинскую «науку» в последнее время. Он осторожно расстегнул рубашку брата Арнольда и осмотрел его грудь, на которой виднелись отливающие черным и желтым синяки, его тренированный глаз заметил, что у брата Арнольда были сломаны ребра. Он прикрыл грудь больного, поднялся на ноги и сказал: «Я должен пойти к отцу настоятелю и доложить об этом, брат Арнольд. У тебя сломаны ребра, тебе нужен рентген и лечение в больнице». После этого он молча повернулся и вышел.

Вскоре опять послышался шорох и сильно приглушенные голоса в коридоре. Его дверь открылась, и зашли младший настоятель и врач. Взглянув на него, отец-настоятель сказал: «Брат Арнольд, тебе придется поехать в больницу на рентген и чтобы тебе вправили ребра и наложили гипс. Я пойду и доложу аббату, чтобы он мог сделать необходимые распоряжения. А пока врач останется с тобой, на тот случай, если тебе понадобится помощь». Отец-настоятель повернулся и собрался уходить, но брат Арнольд крикнул: «Нет, отец-настоятель, нет, я не хочу в больницу, я столько слышал о врачебных ошибках там, лучше пусть меня лечит наш монастырский врач, а если это не в его силах, я вручаю свою душу Господу».

«Нет, так не годится, брат Арнольд, этого я не могу позволить. Только аббат может принять такое решение, я пойду к нему», — сказал отец настоятель и покинул келью.

Монастырский врач мало чем мог помочь престарелому монаху, но он намочил кусок ткани и вытирал пот со лба брата Арнольда, чтобы хоть как-то унять жар. Он снова расстегнул одежду монаха, чтобы даже и ее вес не давил на сломанные ребра. Они сидели теперь вместе, так как старик приподнялся в постели, так ему было легче дышать.

Скоро опять послышались шаги. Дверь кельи отворилась и вошел аббат. Отцу-настоятелю пришлось ждать за дверью, поскольку келья была такая маленькая, что, когда на койке лежал один человек, в нее могло войти еще только двое. Аббат подошел и взглянул на брата Арнольда, когда он увидел, в каком состоянии была грудная клетка последнего, на лице его проступили ужас и замешательство. Врач и аббат что-то обсудили вполголоса, и затем аббат повернулся к брату Арнольду со словами: «Я не могу взять на себя такую ответственность, брат Арнольд, и оставить тебя здесь в таком положении. Тебе придется поехать в больницу. Он секунду помедлил, в глубоком раздумье, захватив нижнюю губу большим и указательным пальцами. Потом он снова взглянул на брата Арнольда и сказал: «Учитывая твой возраст, брат, и твое состояние, я могу, если пожелаешь, позвонить епископу, и только тогда, если он позволит..».

«Спасибо, большое, господин аббат», — промолвил брат Арнольд. «Мне тяжело

было бы покинуть мое жилище здесь и устремиться к неведомым опасностям больницы, ведь теперь такие больницы... Я столько слышал о них плохого, что у меня нет к ним доверия, а без него мое лечение будет невозможно. Я полностью вружаю себя заботам нашего монастырского врача».

«Как скажешь, брат Арнольд, — сказал аббат, — я не должен при тебе так говорить, но я не могу не согласиться с тобой».

Аббат вышел из кельи и вместе с отцом-настоятелем пошел к рабочему кабинету аббата, откуда он через несколько минут уже звонил епископу города Диосез, ведь именно там находился монастырь. Можно было слышать, как аббат повторял: «Как скажете, господин епископ, как скажете. Так я и сделаю. Да, до свидания», — затем телефонная трубка опустилась на рычаги.

Аббат сидел молча, затем, видимо осененный какой-то мыслью, он послал за писцом, который пришел, чтобы со слов аббата составить бумагу, которую брат Арнольд должен был подписать. Там говорилось, что если брат Арнольд отказывается поехать в больницу, то он остается в монастыре под свою собственную ответственность и монастырские власти не отвечают за последствия такого решения.

В ярком свете полной луны белые стены монастыря холодно блестели. Легкие суетливые облачка проносились мимо блистающего лунного лика, причем в облике монастыря от этого появилось что-то зловещее. Лунный свет, ярко отражаясь от множества окон, сиял и, казалось, подмигивал клубящимся тучам. Где-то гулко ухала сова, совсем рядом слышался мягкий шелест волн, накатывающихся на прибрежный песок, одна дальше другой, и вновь уходящих, чтобы уступить место следующим. За монастырскими стенами стояла тишина, все звуки были приглушены, будто даже стены знали, что неподалеку притаилась смерть, стены словно ждали шелеста крыльев ангела смерти. Время от времени слышны были все те звуки, которые всегда живут в старых, старых зданиях, которые ощущают на себе груз столетий. Мыши тихонько скреблись на полированном полу, перебегая с места на место, изредка какая-нибудь из них испуганно пищала. Но само здание молчало, как только умеют молчать старые здания. Затем в часовне пробили часы, звуки разносились по внемяющей им округе. Откуда-то издали доносился стук колес поезда, несущегося по направлению к городу.

Брат Арнольд мучился от боли в своей постели. В свете мерцающего огонька свечи он видел сочувственное лицо монастырского врача. Вдруг, так внезапно, что брат Арнольд вздрогнул от неожиданности, врач сказал: «Брат Арнольд, мы очень озабочены тобой, твоим будущим. Некоторые твои мысли столь отличаются от канонических. Похоже, ты убежден, что не важно, во что человек верит, лишь бы верил. Брат Арнольд, на склоне дней твоих, покайся, покайся, проси отпущения грехов. Может быть, мне позвать духовника?»

Брат Арнольд посмотрел на него и сказал: «Отец, я удовлетворен прожитой жизнью, я попаду в то место, которое считаю раем, я следую путем своей веры, мне не обязательно во всем слушаться писания. Я считаю, что наша ортодоксальная религия грешит узостью взглядов». Он задохнулся от боли, ему казалось, что в груди у него бушует пожар, что в грудь кто-то забивает железные гвозди, и он подумал о гвоздях, которыми были пробиты руки и ноги Христа, он подумал и о боли от уколов копья стражника, стоявшего возле распятия.

«Преподобный отец, — воскликнул Арнольд голосом, полным боли и недоумения, — кто эти люди, собравшиеся у моей постели? А, вот, вижу, это моя мать, она пришла, чтобы призвать меня в Лучший мир, в Лучшую жизнь. Здесь мать, отец и многие мои друзья». Врач вскочил, выбежал за дверь и внезапно забарабанил кулаком по двери соседней кельи. За дверью послышался возглас удивления, и из-за нее появилась бритая голова монаха.

«Скорее! Скорее! — сказал монастырский врач, — зови аббата. Брат Арнольд

покидает нас».

Не застегнув рясу и не одевая сандалий, монах понесся по коридору и запрыгал вниз по лестнице. Вскоре он вернулся вместе с аббатом, который ждал этого момента в своей комнате.

Брат Арнольд дико взглянул на него и воскликнул с мукой в голосе: «Почему, почему мы, служители церкви, проводники веры, боимся умирать?» В мозгу брата Арнольда прозвучал ответ на его вопрос: «Ты все поймешь, Арнольд, когда придешь к нам, на Ту сторону жизни. Ты скоро будешь с нами».

Аббат опустил на колени возле кровати, держа в поднятых руках распятие. Он молился. Он молился о милосердии, о пощаде для души брата Арнольда, так часто отходившего от религиозных канонов. Колеблющееся пламя свечи, горевшей у кровати, вдруг замигало и под порывом блуждающего ветерка на миг обратилось в черный уголек мертвого фитиля. Вдруг пламя вспыхнуло вновь, и в свете этой единственной свечи видно было, как брат Арнольд поднялся, восклицая: «Nunc Dimitis, Nunc Dimitis! Господи, да будет воля Твоя, позволь рабу Твоему отбыть с миром». Он захрипел и, бездыханный, повалился на подушки.

Монастырский врач перекрестился и прочитал отходную молитву. Затем, перегнувшись через все еще коленопреклоненного аббата, он опустил веки брата Арнольда и положил на них маленькие пластинки, чтобы удерживать их закрытыми. Он подвязал умершему нижнюю челюсть, закрыв его разинутый рот и связав концы повязки поверх тонзуры на голове брата Арнольда. Он бережно поднял голову и плечи умершего монаха и вытащил подушки. Он взял руки Арнольда и скрестил их на его груди. Он позаботился о чистоте тела брата Арнольда и после этого укрыл его мертвое лицо и тело простыней.

Аббат медленно поднялся и покинул одинокую келью, пошел к себе в кабинет и отдал распоряжения одному из монахов. Через несколько минут раздались удары колокола, возвещающего о переходе в мир иной. В молчании монахи встали с постелей, одели рясы и потянулись в часовню, чтобы отпеть усопшего. Позже, когда встанет солнце, начнется месса, месса, на которую соберутся все, после чего тело брата Арнольда, облаченное в рясу, с лицом, накрытым капюшоном, с распятием в скрещенных на груди руках, пронесут по садовой дорожке впереди траурной процессии к освященному клочку земли, в котором с давних времен хоронили многих и многих монахов.

Уже сейчас двое монахов готовились пойти туда, чтобы вырыть могилу, обращенную к морю, в этой могиле тело брата Арнольда будет оставаться до полного его разложения. Монахи молча шли, неся на плечах заступы, размышляя, может быть, о том, что ждет за порогом этой жизни. Священное писание многому учит нас, но можно ли во всем, во всех деталях полагаться на него? Брат Арнольд всегда говорил — чем всегда вызывал гнев аббата, — что не нужно слишком серьезно относиться к священному писанию, что им можно пользоваться как компасом, указателем пути. Брат Арнольд часто говорил, что загробная жизнь — это просто-напросто продолжение жизни земной. Как-то раз брат Арнольд сидел в трапезной, молчаливый и неподвижный. Перед ним стояла закрытая бутылка газированной воды. Вдруг он поднялся на ноги, схватил бутылку и воскликнул: «Смотрите, братья, бутылка — это тело человека, внутри нее находится душа. Вот я открываю колпачок — и вода начинает пузыриться и бурлить, в ней циркулируют газы, так же как и в человеческой душе. Вот так, братья мои, мы покидаем тела наши по окончании жизни. Наши тела — лишь одежда для бессмертной души, когда она становится старой и ветхой и не может больше удерживать душу, та освобождается и улетает прочь. А где же находится это «прочь»? Что ж, братья мои, ответ на этот вопрос каждый из нас найдет, когда придет его время». Брат Арнольд наклонил бутылку и, залпом выпив наполненный им стакан, продолжил: «Вот так вода, которая является телом, исчезла, подобным образом исчезнут и наши тела, разложившись в земле на мельчайшие частицы».

Двое монахов размышляли об этом, пока шли по дорожке и подыскивали место, где они могли бы вырыть могилу. Шесть футов в глубину, шесть футов в длину и три в ширину. Не промолвив ни слова, они принялись за работу, аккуратно срезали верхний слой земли с травой и уложили его неподалеку, чтобы затем покрыть им свежую могилу.

В монастыре тело брата Арнольда уже выносили, прежде чем его охватит трупное окоченение и его станет трудно нести по узкой лестнице. В руках четырех монахов был брезент с четырьмя ручками по углам. Они осторожно завели его под тело брата Арнольда и положили тело точно в центре брезента. Они осторожно сложили брезент таким образом, что ручки в голове и в ногах совместились. Монахи потихоньку приподняли тело, аккуратно вынесли его в узкую дверь кельи и с некоторыми усилиями смогли развернуться в коридоре. Двигаясь медленно и повторяя строки отходной молитвы, они вынесли тело вниз по лестнице и проследовали с ним в часовню. Они почтительно опустили тело в гроб, разгладили рясу и одели сандалии на ноги мертвого монаха. Они осторожно положили распятие в мертвые руки и опустили на его лицо капюшон. Затем они принялись нести свою печальную вахту у тела усопшего брата, которая продлится до самого рассвета, когда вновь начнется месса.

Итак, брат Арнольд покинул свое тело. Он почувствовал, что какая-то сила увлекает его вверх. С некоторой опаской посмотрев вниз, он увидел, что от его нынешнего тела к бледному зловещему трупу, лежащему внизу на кровати, тянется серебристо-голубоватый шнур. Рядом с собой он видел с трудом различимые лица. Вот его мать. А вот отец. Они пришли из-за Завесы, чтобы помочь ему, чтобы направить его в этом путешествии.

Перед ним был мрак огромного, длинного туннеля или, может быть, трубы. Это напомнило ему трубу, укрепленную на шесте, с которой монахи иногда обходили деревню, поднося трубу к окнам, чтобы жители могли бросать в нее пожертвования, которые затем скатывались в мешок, прикрепленный внизу.

Брат Арнольд почувствовал, как он медленно движется в трубе. Чувство было особенным, ни на что не похожим. Он снова посмотрел вниз и увидел, как серебристый шнур становится все тоньше и вот уже отделяется и исчезает прямо у него на глазах. Казалось, он был как эластичная резина, конец которой отпустили и она сама собой стянулась.

Когда он поднял голову, он увидел далековерху яркий свет. Это напомнило ему о том, как он когда-то спускался в монастырский колодец, чтобы почистить водяные фильтры. Тогда он посмотрел вверх и увидел яркий круг света и освещенный верх колодца. Теперь он испытывал похожее чувство, но ему казалось, что он поднимается вверх, вверх к свету, и он задумался: а что же дальше?

Внезапно, как черт из табакерки, Арнольд выскочил — куда же? — в этот новый мир, или в новый уровень существования. Несколько секунд он ничего не мог понять. Свет был так ярок, что ему пришлось закрыть глаза руками, а когда через несколько мгновений он убрал руки, из его уст вырвался сдавленный возглас: «О, Боже... вот это да!» Сбоку раздался смешок, он повернулся и увидел того, кто был когда-то его отцом. «Ну, Арнольд, — сказал он, — ты, конечно, удивлен. Я подумал бы, что ты уже все вспомнил, хотя должен признаться, — тут он грустно улыбнулся, — что мне для этого потребовалось изрядное количество времени».

Арнольд глядел по сторонам. «Да, честно говоря, я просто поражен. — сказал он. — Это место похоже на Землю, то есть на ее очень сильно улучшенную версию, конечно, но мне это кажется все-таки похожим на нее, а я-то думал, что попаду, ну я не знаю, в какой-то более абстрактный мир, не в такой, как этот». Он обвел рукой, указывая на парк и строения в нем. «Это похоже на какой-то пугающе роскошный вариант Земли!»

«Арнольд, тебе придется многому учиться, или переучиваться, — сказал его бывший отец. — Твои размышления, должно быть, привели тебя к выводу, что, если сущность, душа, переходит из земного мира в духовные сферы, она сразу должна

разрушить всю земную логику». Он взглянул на Арнольда и сказал: «Представь себе стакан, обычный чайный стакан; холодный стакан нельзя подставлять под кипятилок, а то он лопнет, подобным образом устроены многие вещи. Все должно происходить постепенно, потихоньку. Точно так же никто не ожидает от человека, который месяцами был прикован к постели тяжелой болезнью, того, что, выздоровев, он вскочит и начнет ходить и бегать, как тренированный атлет. Ты был в жестоком, жестоком мире, на Земле, ты взбирался вверх по склону, а теперь ты попал на плато, где ты можешь передохнуть и собраться с силами».

Арнольд смотрел по сторонам, наслаждаясь красотой зданий, зеленью травы и крон парковых деревьев безукоризненной формы. Здесь, он видел, птицы и животные совершенно не боятся людей. Этот мир казался вполне хорошо устроенным.

«Скоро, без сомнения, ты перейдешь вверх, на более высокие уровни, но до того, как решение об этом может быть принято, тебе придется пойти в Зал воспоминаний. Там, возможно, ты вспомнишь о своем первом посещении этого мира».

«Почему ты говоришь «вверх», — спросил Арнольд, — я думал, что небесные сферы и земные сферы, или уровни существования, называй их как хочешь, пересекаются и, возможно, даже находятся в одном и том же месте, так что почему ты говоришь "вверх"?»

В разговор вмешался еще один человек, который все время стоял рядом, но не проронил до сих пор ни слова. Он мягко заметил: «Нет, это называется «вверх», потому что это вверх, это совершенно точно. Мы переходим к более высоким вибрациям. Если бы мы переходили к более низким вибрациям, можно было бы говорить о том, что мы опускаемся вниз. И действительно, такие места с более низкими вибрациями существуют и люди туда по некоторым причинам иногда отправляются, например, чтобы помочь какой-нибудь заблудшей душе. Тогда о них так и говорят: «Он спустился на такой-то уровень». Но здесь мы находимся на промежуточном уровне, мы все поднимаемся сюда с Земли, мы все стремимся оторваться от Земли, а если мы затем спускаемся вниз, то можно сказать, что мы спускаемся ближе к центру Земли. Вот этого как раз и следует опасаться. Так что мы вверх, в более высоких вибрациях, стремимся оторваться от центра Земли, а ты, Арнольд, скоро перейдешь еще выше. Я не сомневаюсь в этом, поскольку это лишь промежуточный уровень, отсюда люди либо поднимаются на более высокие уровни, либо снова спускаются на Землю, чтобы кое-чему еще научиться. Но теперь тебе пора в Зал воспоминаний, все должны посетить его. Пойдем за мной».

Они тронулись в путь, шагая по очень чистой улице. На ней не было машин или каких-либо механических средств передвижения. Люди передвигались пешком, часто рядом с ними шли и животные. Вскоре Арнольд и его новый знакомый свернули с улицы в узенькую аллею, в конце которой виднелась буйная зелень. Они шли рядом, погруженные в свои мысли. Скоро они дошли до конца аллеи и оказались перед красивейшим парком с замечательными растениями, великолепными цветами, которых Арнольд никогда раньше не видел. Там, в глубине парка, находилось огромное, украшенное куполом здание, которое люди называли Дворцом воспоминаний. Они немного постояли, глядя на все это, на зелень, живые яркие цветы и ярко-голубое небо, отражавшееся в глади озера, находящегося неподалеку от Дворца воспоминаний.

Не сговариваясь, Арнольд и его компаньон одновременно ступили на дорожку, ведущую ко Дворцу. Они шли, размышляя, может быть, о других людях, которые сидели на скамейках и лежали на траве. Они видели людей, то и дело поднимающихся по ступеням крыльца и входящих во Дворец, а также людей, выходящих с противоположной стороны из какой-то невидимой ими двери. Одни выглядели радостными, другие — очищенными безмерным раскаянием. Арнольд, глядя на все это, поежился в ожидании своей очереди. Что происходит там, в Зале воспоминаний, что произойдет с ним? Пройдет ли он испытание и поднимется к более высоким вибрациям и более абстрактной форме

жизни или его снова отправят на Землю, чтобы прожить еще одну жизнь от начала до конца?

«Смотри, смотри», — пробормотал новый знакомый Арнольда. Он подтолкнул его и указал куда-то рукой. Его голос опустился до шепота, когда он произнес: «Это сущности с гораздо более высоких уровней, они должны приходить сюда, чтобы наблюдать за людьми, посмотри на них».

Арнольд увидел две золотые сферы, казалось, они были сотканы из света, столь яркого, что Арнольд не мог разглядеть их истинную форму. Золотые сферы проплывали мимо, как мыльные пузыри, влекомые легким ветерком. Они проследовали мимо, по направлению к стенам Дворца воспоминаний. Достигнув стен, они просочились внутрь, не оставив на их поверхности ни следа.

«Теперь я должен тебя покинуть», — сказал новый арнольдов знакомый. «Ну, не унывай, выше нос, ТЕБЕ беспокоиться не о чем, это уж точно. До свидания. Когда ты выйдешь оттуда, тебя будет кто-то встречать. Веселее, что это у тебя такой похоронный вид!» Сказав это, он резко повернулся и зашагал прочь.

Арнольд с нарастающим беспокойством, нет, в полном ужасе побрел к крыльцу Дворца воспоминаний. У подножия огромных каменных ступеней он попытался остановиться, оглядеться и понять, что же происходит вокруг, но ему это не удалось, какая-то великая сила влекла и тянула его к дверям. Он поспешил вверх по ступенькам и лишь на секунду замешкался у огромной двери. Арнольда что-то втянуло или втокнуло в дверь, так или иначе, он оказался внутри, а дверь за его спиной затворилась.

Глава 11

Тишина, полная тишина, ни шепота, ни шевеления, ничего. Тишина была столь огромна, что кроме нее не было абсолютно ничего.

Было темно, так темно, что в этой тьме Арнольду чудились образы. Его зрение привыкло к свету, в глазах, должно быть, накопились светлые силуэты и образы, потому что сейчас Арнольд видел вспышки из-за сокращений оптического нерва.

Полное отсутствие чего бы то ни было. Арнольд пошевелился и не почувствовал своего движения, вокруг была пустота, он подумал, что это еще большая пустота, чем сама пустота пространства. Но вдруг где-то вдали вспыхнул огонек, от него в стороны отходили лучи, похожие на голубые искры, отлетающие от подковы, по которой бьет молотом кузнец. Свет был голубым, бледно-голубым в центре и сгущался до пурпурно-синего оттенка по краям. Купол света расширялся, оставаясь голубым, и вдруг Арнольд увидел Землю, которую он оставил так недавно. Она, казалось, плавала в пространстве. Вокруг нее были только облака, она казалась разноцветным клубком ваты, тучи были черными, серыми, белыми, вдруг промелькнула, как он понял, пустыня Сахара, пустынный край песка. Затем сквозь Землю он увидел другие планеты, пересекающиеся, но тем не менее не касающиеся друг друга. Я схожу с ума, подумал Арнольд, надо уходить отсюда! Он повернулся, чтобы бежать прочь. Позади он увидел два сияющих шара. Он глядел на них и вдруг «услышал» исходящую от них мысль: «Не волнуйся, Арнольд, мы о тебе все знаем, мы изучали твое прошлое. Ты очень хорошо прожил свою последнюю жизнь, вот только из-за лени ты остался в дьяконах, не принял духовный сан. Это лень, Арнольд».

Арнольд смотрел и понял следующую мысль: «Нет, ты нас не можешь увидеть, у нас другие вибрации. Ты можешь только разглядеть сверкающий шар, а мы выйдем по-другому. Скоро ты станешь одним из нас — если пожелаешь, — а если не захочешь, тебе придется отправиться обратно на Землю и кое-что доделать, например, разобраться с тем, почему ты остался простым монахом, когда ты мог подняться гораздо выше».

«Но какие вы?» — спросил Арнольд.

«Не все знают о том, как живут короли, — эту мысль Арнольд уловил от одного из

шаров, — люди имеют престранные представления о жизни королей и королев, некоторые думают, что они целый день сидят на золотом троне, с короной на голове и скипетром и державой в руках. На самом деле короли и королевы живут совсем не так. Так же точно люди имеют странные представления о жизни, которая приходит сразу после смерти. Они думают, что попадут в рай с жемчужными воротами, что ж, для тех, кто в это верит, такой рай существует, потому что здесь все управляется мыслью, и что люди думают, то с ними и происходит. Если человек думает, что вокруг него летают ангелы, то он их видит. Но это все лишь трата времени, в этом нет смысла, эти промежуточные уровни нужны для того, чтобы человек собрался с мыслями и разобрался в происходящем».

Похоже, между двумя шарами происходил какой-то разговор, потому что пространство между ними кипело и вибрировало. Затем от одного из шаров пришла мысль: «Мы поражаемся, насколько люди на этом уровне привязаны к своим старым привычкам и обычаям, они даже воображают пищу и потом воображают, что они ее едят». «Мы видели, — продолжил тот же голос в мозгу, — как некоторые очень набожные люди по пятницам даже заставляют себя есть рыбу!»

«Ничего себе! — сказал Арнольд, — это и вправду кажется не очень естественным, да?»

«Но почему люди так боятся смерти? — спросил Арнольд. — Хотя я был религиозен и подчинялся законам своего ордена, должен признаться, что смерть внушала мне ужас. Я думал, что Бог уже поджидает, чтобы поразить меня за все те грехи, которые я совершил, меня всегда очень интересовало, почему люди так боятся смерти».

Он снова услышал тот же мысленный голос: «Люди боятся смерти, потому что мы не хотим, чтобы они знали правду. Смерть приятна, в последних ее стадиях уходит вся боль, страдания и страх. Но люди должны бояться смерти, иначе они начали бы совершать массовые самоубийства. Если бы люди знали, как приятна смерть и насколько здесь лучше, они все покончили бы с собой, а это было бы очень плохо. Они посещают Землю, чтобы учиться, ходить в школу, а уроки прогуливать никому не позволено. Так что люди боятся смерти до последнего момента, до того момента, когда они понимают, что дальше уже жить не могут. Тогда они попадают в теплые, счастливые объятия смерти».

«Но мы хотим, чтобы вы покинули материальный мир и перешли в духовные сферы», — заметил один из шаров.

«Но зачем тогда нужен этот материальный рай, пусть даже его имитация, если люди не нуждаются в материальных вещах?» — спросил Арнольд.

«Потому что Высшая сущность, или Душа, называй это как хочешь, нуждается в этом материальном опыте, и в трудных испытаниях на Земле человек получает жизненные уроки за считанные годы, тогда как в духовных сферах его душе на такое обучение потребовалась бы целая вечность. Но теперь мы должны показать тебе твою прошедшую жизнь. Смотри!»

Земной шар перед глазами Арнольда, казалось, стал увеличиваться и увеличивался так быстро, что ему показалось, что он летит с обрыва в пропасть — пропасть в пустоте? — падая на медленно вращающуюся Землю. Он падал, или думал что падал, на сотни миль вниз, а затем обнаружил себя целым и невредимым всего лишь в нескольких футах над Землей. Перед ним были странного вида люди, они участвовали в кровавой битве, в ход шли копья, топоры и даже палки с привязанными к ним камнями. Арнольд смотрел на них, его внимание особенно привлекла одна фигура. Она резко поднялась с земли и вонзила копье в грудь приближающегося врага. Последний упал на землю, извиваясь в луже крови. «Это был один из твоих плохих поступков, Арнольд, — услышал он голос в своей голове, — для того чтобы искупить его, тебе пришлось прожить еще много жизней».

Картины сменялись, проходя через всю земную историю, от ассирийцев и до той жизни, которую он недавно покинул, он видел свое детство и свои мелкие проступки, как, например, его набеги на соседский огород или кража нескольких монеток из молочной

бутылки, в которую опускались деньги для молочника. Он видел, как несколько раз крал на базаре яблоки, груши и бананы.

Далее он увидел себя молодым монахом, объатым страхом того, что он провалится на экзамене на духовный сан, и решившим притворяться, что сан ему не нужен, чтобы скрыть свой страх.

Он снова увидел свои предсмертные часы и смерть, а затем он стремительно унесся с Земли, поднимаясь все выше и выше и оказался на другом уровне. «Ту жизнь ты прожил очень хорошо, — сказал голос в его голове, — для тебя было бы пустой тратой времени возвращаться обратно на Землю. Мы полагаем, что ты должен подняться в мир, в котором нет места материальным вещам, там ты несомненно сможешь многому научиться».

«А как же мои друзья? — спросил Арнольд. — Мой отец и мать и еще многие, кого я знал, разве это не грех, прийти сюда, воспользоваться их гостеприимством и вдруг уйти на более высокий уровень? Что они обо мне подумают?»

В голосе, который прозвучал в его голове, явно чувствовался смехок: «Если бы они оказались достойными того, чтобы подняться выше, они поднялись бы, Арнольд, а если ты выйдешь из этого здания не в той форме, в которой они смогут тебя узнать, они поймут, что ты перешел на более высокий уровень существования. Когда мы выйдем отсюда, мы покажемся им тремя шарами света, они будут помнить, что в здание вошло только два шара и сообразят, что третьим шаром стал ты, они порадуются за твой прогресс и подъем. А еще это вселит в них надежду, что когда-нибудь они тоже смогут туда подняться».

И это как-то так было сказано, что в душе Арнольд согласился, и затем, к своему глубокому изумлению, он почувствовал, что он полон жизни, что он живет, чем когда-либо был, он чувствовал прилив энергии, и, глянув вниз, он обнаружил, что больше не видит своих ног. Пока он глядел в некотором оцепенении к нему опять пришел голос: «Арнольд, Арнольд, теперь ты такой, как мы, взгляни на нас и ты увидишь, какие мы на самом деле, мы всего лишь сгустки чистой энергии, вбирающие энергию из окружающей среды. Мы можем перемещаться куда угодно и делать что угодно одним лишь усилием мысли и, Арнольд, привычную тебе пищу мы больше не едим!»

Послышалась какая-то странная не то музыка, не то пение, и Арнольд почувствовал, как он вместе с новыми товарищами просачивается через стену Зала воспоминаний. Он слабо улыбнулся, заметив снаружи некоторых своих друзей, видел, как изменилось выражение на их лицах, когда они увидели, что вместо двух шаров Дворец воспоминаний покидают теперь три.

Пение усилилось, появилось чувство скорости, стремительности, и Арнольд подумал: «Интересно, как это мы все время поднимаемся вверх?» Как только он так подумал, пришел и ответ: «Конечно, мы все время поднимаемся вверх, мы поднимаемся к высшим вибрациям. Ты когда-нибудь слышал о том, чтобы к высшим вибрациям спускались? Так же и на Земле, когда мы хотим изменить свое состояние, мы поднимаемся над поверхностью Земли, мы ведь добиваемся именно этого, потому что, спустившись, мы оказываемся ближе к центру Земли, а ведь именно этого мы стараемся избежать, однако — смотри лучше, куда мы поднимаемся».

Как раз в этот момент Арнольд ощутил какой-то удар или толчок. Он не мог объяснить природу этого ощущения, но если бы он подумал о том, с чем это можно сравнить, то пришел бы к такому образу: самолет пересекает звуковой барьер. Это, несомненно, было «особенное» ощущение, ему казалось, что он входит в другое измерение. Впрочем, именно это и происходило.

Внезапный толчок — и все вокруг него расцвело невиданными переливающимися и сверкающими цветами, таких оттенков он никогда прежде не видел, а затем, взглянув на две сущности, которые путешествовали с ним, воскликнул: «Так вы люди! Такие же, как я!»

Один из его компаньонов рассмеялся и сказал: «Ну конечно, мы такие же люди, как

ты, а как ты думал? Великий Замысел вселенной заставляет людей принимать определенную форму, мы были бы людьми независимо от того, если бы были сублюдьми, обычными людьми или сверх-людьми, то есть количество голов, рук, ног, основной речевой метод — все это остается неизменным. Ты узнаешь, что в этой конкретной вселенной вся жизнь построена на молекулах углерода, то есть вне зависимости от места жительства во вселенной люди и гуманоиды в принципе одинаковы. Точно так же и животный мир в принципе сходен, у лошади всегда одна голова, четыре конечности и хвост. Много лет назад и у людей были хвосты, но, к счастью, они смогли прожить и без них. Так что помни, куда бы ты ни попал в этой вселенной, на каком бы уровне существования ты ни оказался, всюду ты встретишься с одной и той же формой жизни, с теми, кого мы называем людьми».

«Но, Боже правый, ведь я видел вас в образе шаров света! — сказал Арнольд в некотором смущении. — А теперь я вижу вас в образе совершенных, сверхсовершенных людей, хотя вокруг вас все равно остается оболочка из света».

Те, к кому он обращался, рассмеялись и ответили: «Ты скоро привыкнешь. Ты задержишься здесь, на этом уровне, довольно-таки на долгое время, нужно многое сделать, многое запланировать». Какое-то время они снова молча куда-то плыли в пространстве. Арнольд начал встречаться с невиданными им раньше вещами. Его спутники наблюдали за ним. Один из них сказал: «Я думаю, твое зрение понемногу привыкает к местным условиям, ты ведь теперь в пятом измерении, вдали от мира материальных вещей. Здесь тебе не нужно придумывать еду или питье и все такое. Здесь ты существуешь как бесплотный дух».

«Но если мы бесплотные духи, то как же тогда я вижу вас в человеческом облике?» — спросил Арнольд.

«Чем бы мы ни являлись, Арнольд, у нас должна быть форма. Когда мы были огненными шарами, у нас была та форма, а теперь твое зрение приспособилось, и тут, в пятом измерении, ты снова видишь нас в человеческом образе. Ты видишь также растения, цветы, растущие повсюду, а люди с того уровня, с которого ты только что прибыл, их просто не увидели бы, но им сюда и не попасть: здесь они были бы уничтожены очень сильным излучением».

Они плыли над местностью, столь прекрасной, что Арнольд был полностью заворожен ее красотой. Он подумал о том, что, если когда-нибудь вернется на Землю, ему трудно будет описать увиденное здесь. На Земле, на уровне четвертого измерения, не придумали слов для того, чтобы описать жизнь этого, пятого измерения.

«Ой, а что эти люди делают?» — спросил Арнольд, показывая на группу людей в ухоженном, красивом саду. Они сидели в кругу, и казалось — хотя эта мысль, в общем-то представилась Арнольду абсурдной — сотворяли что-то усилием мысли. Один из его компаньонов неторопливо повернулся к нему и ответил: «Ах, они? Ну, они готовят кое-что для отправки на Землю. Некоторым людям там это явится в виде вдохновения. Знаешь, мы тут много чего создаем такого, что позже помещаем в скучные умы землян, чтобы хоть как-то поднять их духовность. К сожалению, земляне обычно находят этому ужасные применения: войны, разрушения, накопление капиталов».

Теперь они быстро летели по воздуху. Арнольд с удивлением заметил, что дорог под ними не было, значит, все передвижение здесь осуществляется по воздуху, заключил он.

Они снова подлетели к парку, в котором было множество людей. Эти люди ходили по земле, парк пронизывала сеть аккуратных дорожек. «Это для того, чтобы было легче ходить, Арнольд, — сказал один из его проводников, — мы ходим здесь только в виде развлечения и для того, чтобы приближаться к чему-то медленно, так что дорожки устроены только там, где приятно гулять, у реки, на берегу озера, в парке. Обычно мы передвигаемся путем управляемой левитации, вот как сейчас».

«Но кто эти люди? — спросил Арнольд. — У меня очень странное чувство, что я, ну в общем, как сказать... что я знаю некоторых из них. Я знаю, это абсурд, нелепость, не может быть, чтобы я знал их или они меня, но у меня такое сильное ощущение, что я их где-то видел... Кто они?»

Двое его спутников переглянулись и сказали: «Ах, ОНИ! Что ж, вон тот человек, который разговаривает там с высоким мужчиной, был известен на Земле как Леонардо да Винчи, а разговаривает он с тем, кого на Земле звали Уинстоном Черчиллем». «Вон там, — он указал на другую группу, — ты видишь Аристотеля, который в давние времена был известен на Земле как отец медицины. Ему трудно было сюда попасть, потому что было решено, что на самом-то деле из-за него развитие медицины надолго задержалось».

«Как это?» — поинтересовался Арнольд, глядя на группу. «Понимаешь, считалось, что Аристотель знает абсолютно все о медицине и человеческом теле. Поэтому любые попытки дальнейших исследований считались преступлением против такого великого человека и был издан закон, запрещающий под страхом смерти делать вскрытия или исследовать анатомию человека, поскольку этим Аристотелю была бы нанесена обида. А это задержало развитие медицины на сотни и сотни лет».

«А что, сюда все попадают? Что-то тут не особенно много людей», — сказал Арнольд.

«О, конечно же нет, нет-нет не все попадают сюда. Вспомни старую поговорку о том, что избранных много, но лишь немногие из них добьются успеха. Многие остаются за бортом. Здесь находится лишь небольшая часть человечества: люди выдающегося разума и духовности. Они здесь находятся с определенной целью, а именно для того, чтобы попытаться поддержать прогресс человечества».

Арнольд был очень мрачен. У него появилось мучительное чувство вины. Он робко промолвил: «Я думаю, что произошла ошибка. Ведь я всего лишь бедный монах, я никогда не имел никаких талантов. Вы говорите, что здесь находятся люди высшего разума и духовности, значит, я нахожусь здесь не по праву».

Его спутники улыбнулись ему и сказали: «Люди высокой духовности обычно неправильно судят о себе. Ты прошел необходимые испытания, и твоя психика была исследована тщательнейшим образом, вот почему ты здесь».

Они неслись дальше, оставляя позади красивый парк и приближаясь к местности, которую в другом измерении Арнольд назвал бы высокогорьем. Он обнаружил, что с улучшением его духовного зрения и чувства пятого измерения он утратил способность объяснять происходящее обычным земным языком. Перед тем как они приземлились в каком-то чудном городе, он задал еще один вопрос: «Скажите, а хоть кто-нибудь с Земли бывал на этом уровне и возвращался назад?»

«Да, в очень редких, особых случаях, очень особенные люди, те, кто были избраны, наделены миссией, посещали это место, чтобы узнать, как в данное время обстоят дела, и получить новые инструкции по поводу того, что они должны говорить людям на Земле».

Они понеслись вниз, все вместе, одновременно, будто связанные невидимыми узами, и Арнольд вошел в новую фазу существования, находящуюся за пределами человеческого понимания и представления.

[Сон старого писателя](#)

Старому Писателю приснился сон, и вот как это было. Он сидел на своей больничной койке с маленькой пишущей машинкой на коленях. Ну, знаете эти машинки? Его машинка была легкая, маленькая, канареечно-желтая, ее подарил писателю его старый друг Ги Мендельсон. Машинка умела весело стучать, попадая в умелые руки.

Мисс Клеопатра сонно уткнулась ему в бок. Она видела те сны, которые приходят сиамским кошкам, когда они сыты, когда они в тепле и холе. Мисс Клео, говоря откровенно, храпела, как старый тромбон, если тромбоны **ВООБЩЕ** храпят. Неумелый

монотонный стук по клавишам наводил скуку, шум уличного движения, долетавший из-за окна, был как жужжание пчел на летнем цветущем поле.

У старого писателя ужасно болела спина. У него было такое чувство, будто в плоть и нервы впиваются острые щепки. Он не мог сдвинуться, потому что у него была параплегия — это когда ноги не работают, знаете ли. Да и в любом случае, пошевелиться — означало бы потревожить прекрасный сон мисс Клеопатры, ведь красивые кошечки, такие, как мисс Клео, всегда видят прекрасные сны, мешать которым ЗАПРЕЩАЕТСЯ. Наконец боль притупилась, стук по клавишам замедлился и наконец, с некоторой строгостью в голосе, Старый Писатель сказал: «Убирайся с глаз моих долой, машинка, надоела ты мне». С этими словами он поставил машинку на край прикроватного столика и задвинул ее подальше. Откинувшись так далеко, как смог, он закрыл глаза и захрапел — уж ОН-то точно храпел, ему рассказывали о его раскатистом, громком, заливистом храпе, если не ввали, конечно. Вот, так что он захрапел, а раз так, то, по всей видимости, он заснул.

Перед его глазами во сне проходило множество картин. Ему снилось, что он плывет над улицами города, он знал, что это его астральное тело, но его тревожила такая мысль: «Боже, я хоть пижаму-то надел?» Ведь на астральном уровне многие люди забывают о том, что этикет предписывает цивилизованному человеку прикрывать хоть некоторые участки своей анатомии.

Старый Писатель плыл и плыл в воздухе, но внезапно остановился как вкопанный. Внизу, под ним ехала двухместная машина, выражение «нестись, сломя голову» весьма удачно подходило для описания того, КАК именно она ехала. Это была открытая двухместная машина, одна из этих английских скоростных штучек, «остинхили» или «триумф», так или иначе, она неслась по дороге во весь опор, а молодая женщина, сидевшая за рулем, казалось, не обращала на дорогу ни малейшего внимания. Волосы ее развевались, время от времени она поднимала руку и отбрасывала со лба лезущие в глаза пряди. И как раз когда она подняла ко лбу правую руку, чтобы убрать назойливую прядь, на перекрестке появилась машина — огромная тяжелая колымага — и остановилась как раз у нее на дороге!

Раздался ужасный, гулкий удар и скрежет металла, звук, вообще говоря, был очень похож на тот, какой производит сминаемый в кулаке спичечный коробок. Старую колымагу несколько футов протащило по дороге. Из-за руля выбрался мужчина и перегнулся пополам, от шока его тошнило прямо на дорогу. Его лицо было красно-бледным от страха — если вы понимаете, что значит быть красно-бледным. Если вы не знаете, что это такое, что ж, скажу, что он выглядел так, будто его замучила морская болезнь или, в данном случае, автомобильная болезнь.

Со всех сторон сбегались зеваки с выпученными глазами и открытыми ртами. Любопытные глядели из окон машин, мальчишки неслись по улице, призывая друг друга посмотреть на «классную аварию».

Какой-то человек побежал звонить в полицию, и вскоре раздался вой сирен, возвещающих о том, что полиция и скорая помощь спешили к месту катастрофы. А катастрофа действительно была серьезной.

Первой примчалась полицейская машина, резко затормозила, и из нее выскочили двое полицейских. Из прибывшей секундой позже скорой помощи выпрыгнули два санитары. И те и другие подбежали в месту столкновения.

Там была суета, толкотня и крики. Полицейский бросился назад, к своей машине, и принялся орать в рацию, чтобы прислали тягач. Он орал так громко, что непонятно было, зачем ему рация, его, кажется, слышал весь город.

Скоро в конце улицы стали видны янтарные вспышки мигалки тягача, и он с грохотом пронесся против движения. На этой улице было одностороннее движение, но в чрезвычайных ситуациях такое допускается. Тягач красиво развернулся и задом стал сдавать к месту столкновения. Тут же «остинхили», «триумф» или как там еще, оказался

уже в нескольких футах от места столкновения. Когда тягач остановился, тело молодой женщины упало на землю. Оно едва заметно подергивалось, это были последние проблески угасающей в нем жизни.

Старый Писатель плавал над всем этим, издавая астральные звуки, которые можно было бы передать как «Тсск! Тсск!». Он снова стал смотреть на место катастрофы, потому что увидел, как возле уже мертвого почти тела девушки стало формироваться облачко. Затем серебристый шнур, соединяющий физическое тело с астральным, стал утоньшаться и вскоре лопнул. Старый Писатель увидел, что астральное тело девушки является точной копией физического. Он бросился за ней, крича: «Мисс, мисс, вы забыли надеть панталоны!» Но он тут же вспомнил, что современные девушки не носили панталонов, они надевали трусики, или бикини, или колготки, или как там оно называется, и он подумал, что непозволительно вот так вот гнаться за девушкой, крича, что она обронила бюстгальтер или трусики и все такое. Кроме того, он вспомнил о своей параплегии — от возбуждения он забыл, что астральное тело-то не страдает этой болезнью. Итак, девушка уплывала в высшие сферы.

Внизу была суeta, люди, толкая друг друга, вытирали что-то, что было похоже на то, как если бы на асфальте разбилось несколько бутылок кетчупа или пара банок малинового варенья. Пожарная машина прибыла на место, струи воды смывали с дороги кровь, моторное масло и бензин — или газолин, как его называют на североамериканском континенте.

Люди внизу все болтали, болтали, болтали и еще раз болтали, и Старый Писатель устал смотреть на все это. Металлическая движущаяся дрянь возвращается в свое исходное состояние — в кучу металлолома. Он перевел взгляд на небо как раз вовремя, через секунду обнаженное астральное тело девушки скрылось за облаками. Он последовал за ней. Это довольно неплохой способ скоротать жаркие послеполуденные часы, подумал он. Имея большой опыт астральных путешествий, он поднимался все выше и выше, сбрасывая с себя одежды облаков, пока не обогнал в этом занятии девушку (не в сбрасывании одежд, извините за каламбур, а в стремительном путешествии вверх!) и не прибыл «на место» раньше нее.

Ее плоть была мертва, но по меркам «потустороннего мира» она была вполне даже жива. Старому Писателю всегда было интересно наблюдать, как новоприбывшие приближаются к метафорическим Жемчужным вратам. Так что он вошел в мир, который кто-то называет «потусторонним», а кое-кто называет чистилищем и который на самом деле надо было бы называть перевалочным пунктом. Он стоял у обочины дороги и вдруг прямо перед ним непосредственно из поверхности дороги, как поплавок, выскочила девушка, на мгновение повисла в воздухе в нескольких футах над дорогой и плавно опустилась на ее поверхность.

Откуда-то появился человек и крикнул ей: «Эй, новенькая!» Молодая женщина недоверчиво посмотрела на него и отвернулась. Тогда он снова обратился к ней: «Мисс, а где же ваша одежда?» Девушка глянула вниз и залилась нежным румянцем смущения. Это был красивый румянец, он покрыл все ее крепкое тело и спереди, и сзади, и по бокам. Она взглянула на этого мужчину, затем перевела взгляд на Старого Писателя — ведь он тоже был мужчиной! — и принялась бежать, пятки ее забарабанили по гладкой поверхности дороги.

Она мчалась вперед и добежала до развилки. Перед ней она секунду помедлила и пробормотала: «Нет, направо я не побегу, правая сторона — это сторона консерваторов, лучше налево, там могут встретиться хорошие социалисты». С этими словами она понеслась по дороге, уходящей влево. Она не знала, что обе дороги ведут в одно и то же место, как поется в старой шотландской песенке: «Ты пойдешь по большаку, а я по проселку, а все равно в Шотландию приду раньше тебя». Эти две дороги были просто своего рода тестом, чтобы Ангел-Писец (он любил называть себя этим именем) знал, с каким человеком ему придется встретиться.

Девушка замедлила свой бег до быстрого шага и вскоре пошла уже обычным шагом. Старый Писатель, знающий как себя вести в астрале, попросту плыл позади нее, он просто наслаждался пейзажем, вот и все. Затем девушка остановилась. Перед ней мерцали врата, то есть ей казалось, что это врата, поскольку она верила в рай и ад, в Жемчужные врата рая и во все такое прочее. Она остановилась, у ворот появился вежливый пожилой ангел и спросил: «Хочешь войти, красавица?» Барышня зарычала в ответ: «Только попробуй еще раз меня назвать красавицей!» Пожилой ангел улыбнулся и сказал: «А, так ты одна из ЭТИХ, да? Я назвал тебя красавицей, потому что о твоей красоте сейчас легче всего судить — ведь ты совсем раздета». Девушка снова посмотрела на себя и опять вспыхнула. Старый ангел усмехнулся в бороду и сказал: «Да ладно, успокойся, девица, или тебя правильнее называть кавалер-девица? Я вас всех видел повсякому, хоть спереди, хоть сзади, хоть сбоку. Заходи, тебя ждут в Небесной канцелярии». Он приоткрыл ворота чуть шире, и когда она вошла, он захлопнул створки ворот — несколько сильнее, чем требовалось, чтобы просто закрыть их, подумал Старый Писатель. Пожилой ангел — она поняла, что он ангел, по его длинной белой рубахе и по трепещущим за его спиной крылышкам — так или иначе, он повел ее куда-то и через несколько шагов открыл перед ней какую-то дверь, сказав: «Заходи, иди прямо по коридору, там, в конце, увидишь Ангела-писца. Тебе лучше быть с ним повежливей, смотри не вздумай рычать на него и болтать о равенстве полов и все такое прочее, а то он зашлет тебя в преисподнюю и все — его решения не обсуждаются».

Он повернулся и чуть не налетел на Старого Писателя, который приветствовал его: «Привет, старик, еще одна из этих, ага? Пойдем, вместе посмотрим на все это веселье».

Привратник ответил: «Да, сегодня утром было скучновато, прибывали одни праведники, я уже устал их впускать. Что ж, пойду с тобой, посмеемся. А они там подождут малость за воротами».

Так что Ангел-привратник и Старый Писатель бок о бок проследовали по коридору, уселись на астральные стулья в большом зале, которым заканчивался коридор, и принялись смотреть на девушку, направляющуюся к Ангелу-писцу. Зад ее нервно подергивался. Ангел-писец был толстым коротышкой с несоразмерно большими крыльями, которые слишком сильно трещали при разговоре, напоминая то, как у некоторых болтливых старух щелкают и едва не выпадают вставные челюсти. Что ж, вот как выглядел Ангел-писец, при каждом движении его крылья дергались, причем кончики их все время норовили сшибить нимб с его головы. С некоторым удивлением девушка увидела, что нимб кое-где перемотан пластырем. Она фыркнула, все казалось ей каким-то странным. Тут, наконец, ангел взглянул ей в лицо — до этого он смотрел куда угодно, только не на нее, — и спросил: «Дата смерти? Где умерли? Где умерла ваша мать? Где сейчас находится отец, в раю или в аду?»

Девушка опять фыркнула. Ее начинало смущать все это, люди как-то странно смотрели на нее, а кроме того что-то очень сильно щекотало ее ноздри. Внезапно она чихнула, будто выстрелила из пушки, от этого чиха у ангела чуть не сдуло нимб с головы. «Пардон, — сказала она смущенно, — я всегда так чихаю, когда слышу странные запахи».

Ангел-привратник прыснул в кулак и сказал: «Да уж, он у нас, — он указал большим пальцем на Ангела-писца, — слегка пованивает. Тут многие чихают, как нанюхаются его духа».

Ангел-писец взглянул в свои бумаги и пробормотал: «Так, дата смерти, дата того, дата сего. Нет, нам это не надо, я-то позадал все эти вопросы, но если она начнет сейчас все рассказывать, я целый день проторчу за этими анкетами, понимаешь». Вдруг он снова взглянул на стоящую перед ним девушку и спросил: «А что, барышня, окурков вы случайно с собой не захватили? Покурить так захотелось. Странно, но те, кто сюда попадает впервые, всегда выбрасывают окурки. У них, в адской канцелярии намного лучше, там многие курят, пока с ними решаются вопросы».

Девушка покачала головой, нет, у нее не было окурков или вообще какого-либо

табака. Удивление ее все увеличивалось. Тогда ангел откашлялся и спросил: «Место смерти? Кто хоронил, хорошая контора?» Он порылся в бумагах и вытащил визитку, на которой было написано: «Я. Копальский, «Общепохорон», Общество с неограниченной ответственностью. Похоронные услуги. Кремация для удобства клиентов». «Вот у них, — сказал он, — у них надо было заказывать похороны, к нам попадает много их клиентов, они всегда так хорошо зашиты — по шрамам видно».

Девушка стояла молча, но вдруг взгляд ее на чем-то остановился, и она завизжала от злости: «Это что такое!!! Вы меня записали как «мисс». Я не мисс, я человек. Немедленно зачеркните, я не потерплю дискриминации». Она все распалась и скоро стала совсем красной. Легко было заметить, что красными пятнами пошло все ее тело, ведь она была совсем голая. От ярости она топнула ногой. Ангел-писец зашикал на нее: «Тсс! Тихо, тихо, спокойней! Вы понимаете, где вы находитесь?» Затем, сложив губы, он издал довольно неприличный звук и сказал: «В общем так, мисс — мы не знаем других названий для молодой женщины, — вы уже сами сделали свой выбор касательно вашей дальнейшей судьбы, потому что феминисткам, так же как и репортерам, вход в рай заказан. Да-с, они отправляются в преисподнюю. Так что, милочка, ноги в руки и отправляйся в путь. Давай, давай, я сейчас позвоню старине Люциферу, скажу, чтоб встречали. Обязательно передай ему лично привет от меня, у нас с ним такая игра: кто у кого больше клиентов отберет. Но на этот раз тут он выиграл чисто — феминистка! Стопроцентно, его клиент». Он отвернулся и, скомкав ее анкету, выбросил ее в корзину для мусора. Затем он аккуратно прибрал на столе и разложил перед собой новые формуляры.

Барышня неуверенно огляделась и повернулась к Старому Писателю со словами: «Ну и работники здесь. Дискриминация на каждом шагу. Я обязательно пожалуюсь, когда встречусь с их начальством. А как мне отсюда добраться до преисподней?»

Старый Писатель взглянул на нее и подумал, что ей в аду придется туго; учитывая ее гнусный характер и наглую самоуверенность, можно было с уверенностью сказать, что ее там хорошенько поджарят. Но вслух он сказал: «Не имеет значения, куда вы пойдете, все дороги ведут в ад, кроме одной-единственной, но на нее вам вход закрыт. Так что идите хоть по вон той дороге, вы увидите, что быстро доберетесь».

Девушка фыркнула и ядовито сказала: «Что, дверь мне никто не поможет открыть? И вы еще считаете себя джентльменами!»

Старый Писатель и Ангел-привратник смотрели на нее, раскрыв рты от удивления, а затем привратник выговорил: «Но ты же одна из этих, которые за освобождение женщин. Если мы откроем дверь для тебя, ты скажешь, что мы унижаем твое человеческое достоинство и ущемляем твои права, одно из которых — право самой открывать двери!». Ангел фыркнул и пошел дальше исполнять свои обязанности у врат рая, потому что кто-то уже требовал, чтобы его впустили, колошматя чем-то по решетке ворот.

«Эй, иди сюда, — сказал Старый Писатель, — я тебе покажу дорогу, у меня там, внизу, полно друзей, и еще больше врагов, конечно. Но смотри, поосторожнее там, половина тех, кто жарится в аду, — бывшие репортеры, они не в очень-то большом почете. Ну, пойдем».

Вместе они двинулись в путь, по дороге, которая показалась девушке бесконечной. Она повернулась к Старому Писателю и сказала: «А что, здесь нет более короткого пути?»

«Да нет, — сказал Старый Писатель, — не нужен тебе короткий путь, до ада так или иначе доберешься вмиг. Вон, посмотри на людей, тех, на Земле». Он ткнул пальцем в сторону обочины, и она, к своему глубокому удивлению, обнаружила, что видит там людей. Он продолжил: «Видишь, вон мужчина сидит за большим письменным столом, я уверен, что это издатель или редактор, или, может быть, — он минуту помедлил, теребя в пальцах кончик бороды, а затем продолжил, — ага, понятно, теперь знаю, это литературный агент. Когда доберешься до преисподней, сыпани ему на голову лопату

раскаленных углей. Это послужит ему уроком».

После этого дорога сделала поворот, и они оказались у ворот ада, кроваво поблескивающих и сыплющих искры в неприятные сумерки. Когда они подошли к воротам, девушка увидела ловкого черта, который при их приближении схватил в руки трезубец и стал быстро натягивать несгораемые рукавицы. Одновременно он потянул на себя створки ворот, и те распахнулись, дымясь и извергая водопады искр. «Милости просим, цыпа, — сказал он девушке, — ждали тебя, присоединяйся к нашему утреннику. Мы знаем, как обращаться с такими дамочками, как ты, ты у нас скоро поймешь, что ты баба, а не «борец за освобождение женщин всех стран». Будешь у нас секс-символом, дорогуша». Он повернулся и взащей толкнул девушку так, что она оказалась спиной к нему, а затем довольно осторожно приставил зубья своего трезубца к ее заду. Она подпрыгнула в воздух и дико заверещала, ноги ее какое-то мгновение молотили воздух, прежде чем она вновь коснулась земли. Адский привратник повернулся к Старому Писателю и сказал: «Нет-нет старичок, тебе сюда нельзя, ты отбыл свой ад в земной жизни. У нас тут теперь гостят твои преследователи и мучители, мы с удовольствием им подсыплем двойную порцию угля. Давай, возвращайся обратно, завари еще какую-нибудь кашу, нам нужны люди — некому подсыпать уголь и вывозить шлаки. Давай-давай, в путь!»

Итак, девушка исчезла из сна старого писателя. Исчезает она и с наших страниц, мы можем лишь теряться в догадках, возможно похотливых и непристойных, о том, какая судьба ожидает в аду такую вот молодую женщину с соблазнительными выпуклостями и изгибами, впрочем, она ведь сама говорила, что для рая она не подходит.

Старый Писатель снова побрел вдоль дороги, вслушиваясь и всматриваясь во все звуки и образы, из которых состояла жизнь в преисподней. Где-то в стороне он увидел собственно сам ад, inferно, как его еще называют. В небо рвались огромные языки пламени, летали какие-то штуки, похожие на шаровые молнии, они могли бы украсить любой фейерверк. Повсюду осыпались каскады ярких искр, которые взмывали вверх по параболе и, опадая, гасли. Время от времени доносились вопли, крики, всякий шум. Кроме того, следует сказать, что почва в округе имела неприятный ржавый оттенок. Старый Писатель отвернулся и в это время раздался лязг отворяемой раскаленной двери и крики: «Писатель! Писатель!»

Старик вздохнул так интенсивно, что у него чуть швы на брюках не разъехались, — конечно, если бы на нем были брюки, — и обернулся. Тут, видимо, самое время пояснить — ведь эти строки могут читать дамы! — что хотя брюк на нем действительно не было, пожилой джентльмен все же был одет в достаточно приличное одеяние, так что дамы могут спокойно продолжить чтение.

Крики, улюлюканье и жестикуляция не утихали все время, пока он шел обратно к воротам. Он присел на скамеечку возле ворот, но тут же вскочил — скамейка была раскалена. За воротами появился очень крупный мужчина с хорошо отполированными рогами. У него был хвост, украшенный на конце шипом. Хвост красиво отливал синим цветом. Я думаю, что хвост был синим, чтобы создавать контраст с общим красным фоном. Владелец хвоста вышел за ворота и приветствовал Старого Писателя, сказав затем: «Послушай, мы бы с тобой поладили. Мы бы с тобой тут, в аду, неплохо поладили, я бы тебе предложил классную должность. Ну что, согласен?»

Старый Писатель огляделся вокруг и ответил: «Даже и не знаю, все-таки это у черта на куличках, такая дыра...»

Лицо Сатаны приняло еще более дьявольское выражение, и он принялся ковырять в зубах щепкой, отколовшейся от какого-то гроба, об который он недавно споткнулся. Пока он ковырял в зубах, щепка почернела и стала светиться, как гнилое дерево. Из нее полетели искры, некоторые из них посыпались на Старого Писателя, но он проворно отскочил.

Сатана сказал: «Ты написал чертову уйму книг, старик, мне это нравится. Ты бы

мне действительно пригодился, а я бы тебе мог очень многое дать, ты сам знаешь. Чего ты хочешь — все твое. Дамочки, телки, как вы там их называете? Малолетние мальчики? Подожди, не блуй здесь, пресса подымет жуткую вонь, если ты здесь наблюдаешь. Так чего же ты хочешь?»

Да, действительно, Старого Писателя слегка затошнило, когда ему предложили для развлечения маленьких мальчиков. Затем он подумал о девицах, дамочках, телках, как там их... и тоже не испытал особого возбуждения. В конце концов, все знают, сколько неприятностей могут доставить женщины.

«А, я понял! — сказал дьявол, и глаза его блеснули. — Я знаю, чего тебе нужно! Как насчет целой кучи феминисток, ты мог бы поучить их тому, что это освобождение женщин — идиотская затея. Я могу дать тебе сколько угодно таких дамочек, некоторые из них к тому же имеют ужасный характер. Скажи только, и у тебя их будет столько, сколько пожелаешь!»

Старый Писатель сказал, нахмурившись: «Нет, не хочу я феминисток. Зашли их куда-нибудь подальше, с глаз моих долой».

Черт громко расхохотался и с действительно дьявольским блеском в глазах крикнул: «Ага! Ага! Я так и знал! Ну, а как насчет нескольких репортеров, ты бы с ними чертовски повеселился. Ты мог бы заставить их писать всякие статейки погорячее, а потом заставлял бы их жрать эти статьи. Да, тебе бы понравилось такое занятие, а им бы было весело с тобой. Так что, старикан, согласен, а?»

Старый Писатель покачал головой снова. «Нет, я не хочу иметь ничего общества с этими недоносками, я считаю, что пресса — это зло, что они должны быть твоими рабами и рабынями. Не подпускай меня к ним, я их терпеть не могу. Я раздул бы, пожалуй, пламя под их котлами, или что там у вас, пожарче».

Дьявол присел на скамью, и из-под его зада повалил подозрительный пар. Он заложил ногу за ногу, его хвост метался, как бы повторяя ход его беспокойных мыслей. Вдруг он подскочил, вопя: «Знаю! Знаю!» В голосе его звучало торжество: «Как насчет хорошей яхты или, поскольку ты всегда интересовался колесными пароходами, как насчет парохода? Собственного? Наймешь себе команду, настоящих морских дьяволов и будешь плавать по горячим озерам, чертовски хорошо повеселишься. Можешь забирать себе Красное море, оно будет твоей площадкой для игр. Оно красное от человеческой крови, тебе понравится, горячая кровь такая вкусная».

Старый Писатель опустил взгляд, в котором сквозило презрение, и сказал: «Дьявол, ты мало чего знаешь, если бы у меня был колесный пароход и я бы на нем плавал туда-сюда по Красному морю, то это называлось бы «попал из огня да в полымя», оно ж кипит и брызжет кипятком, это ли не то же самое «полымя»?»

Дьявол хохотнул и сказал: « Ты делаешь из мухи слона или, наоборот, из слона муху. Ну так или иначе, признавайся, что тебя греет? Ты же понимаешь, что уж здесь-то оно тебя согреет о-го-го! Ну, так что тебя греет? Ты всю жизнь прыгал из огня да в полымя, так ведь? Я думал, что ты уже к этому привык!»

Старый Писатель топтался в горячем песке, рисуя на нем какие-то узоры, и когда дьявол глянул вниз, он заверещал от боли — на песке появились различные религиозные символы, тибетское колесо жизни и прочее. Он прыгал и орал от боли, вдруг его копыто наступило на один из символов, и он со свистом взлетел в воздух и скрылся за раскаленными воротами. Он летел куда-то в направлении Красного моря из человеческой крови. Старый писатель был так поражен, что снова опустился на скамейку и вскочил с нее еще быстрее, чем подскакивал дьявол, ведь скамейка была горячей, еще горячее, чем когда на ней сидел дьявол. Он отряхнул запачкавшееся платье и решил, что пора убираться восвояси, ад — не место для такого человека, как он. Впереди он увидел черта, охраняющего преисподнюю, который приветливо окликнул его: «Эй, папаша, немногих я видел, кто оттуда возвращается, обычно все идут туда. Ты, наверное, слишком хороший, вот тебя и не пустили». Затем он посмотрел на Старого Писателя и сказал: «А-а, мужик, я

тебя узнал, ты тот еще гусь, ты пишешь эти книжки от имени какого-то Рампы, так ведь? Нет, ты нам не друг, из-за тебя слишком многие не попали к нам. Ты нам мешаешь, мужик, мы с тобой не хотим дела иметь, так что иди лучше». Он показал на какое-то странное устройство, стоящее рядом с ним, и сказал: «Погоди, вот, взгляни сюда, через эту штуку хорошо видно, что делается в аду. Интересно! Увидишь всю нашу каторгу. Издателей мы держим в одном месте, репортеров в другом, а вот там, слева, у нас феминистки. А соседняя с ними дверь — старые итонцы, и, ты знаешь, они друг с другом ни черта не ладят! Ну, иди, посмотри сам».

Старый Писатель осторожно приблизился и затем сразу же передумал, увидев, что окуляры раскалены. Не говоря больше ни слова, он повернулся и пошел вверх по склону холма.

Наверху он снова увидел райские врата. Привратник как раз подошел к ним, чтобы запереть их на ночь. Он помахал и крикнул: «Здорово, приятель, ну, как тебе понравилось в аду?»

Старый Писатель махнул в ответ и громко ответил: «Нет, там слишком тяжелая атмосфера, просто ад какой-то».

Привратник крикнул: «У нас тут еще хуже, того не скажи, этого не сделай, а за провинности посылают в преисподнюю и заставляют высовывать язык и класть его на раскаленную сковородку. На твоём месте я бы вернулся домой и еще пару книжек написал».

Именно так Старый Писатель и поступил.

Он летел, думая о том, что еще он может увидеть. Фонтан из жемчуга? Мостовую из золота? Ход его мыслей нарушило громкое лязганье. Звук был похож на то, как если бы сотня людей одновременно чокалась стеклянными кружками. Он ощутил резкую боль и пришел в сознание, голос над ним сказал: «Проснитесь, вам пора делать укол». Сверху к нему спускалась большая уродливая игла для подкожного впрыскивания, чтобы уколоть его ягодицу. Голос спросил: «Что, опять пишете про жизнь после смерти?»

«Нет, — сказал Старый Писатель, — книгу я дописал. Вот ее последние слова».